Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А"

PRINTED in U.S.S.R

Главлит № А—7031. Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Ленин и будни революции.

(К четвертой годовщине смерти Ленина).

«Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее» [1]).

Внутреннее положение нашей Советской Социалистической Республики именно тем и характеризуется сейчас, что у нас стоит на очереди «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа медленного выращивания зародышей нового, социалистического строя, проводимая самыми лучшими, самыми передовыми слоями рабочего класса под руководством коммунистической партии.

В апреле 1918 года Ленин написал статью и сделал доклад на заседании ВЦИК об очередных задачах советской власти.

В своей статье Ленин писал:

«Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное.

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, недостает понимания того особого и «особо неприятного» состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран,—недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода» [2]).

[1]) Ленин, т. XV, стр. 222—3.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 224.

Ту полосу (1918 г.), когда Ленин написал свои лучшие работы против левых фразеров советского типа, можно характеризовать как полосу отступления. Связь левого фразерства с полосой отступления вполне закономерна.

С тех пор прошло почти десять лет. Срок большой, настолько большой, что по раннему представлению даже Ленина, им можно было измерять весь переходный период от капитализма к социализму. За эти десять лет мы победоносно завершили гражданскую войну с многочисленными цивилизованными бандами русской и международной буржуазии, провели «стратегическое отступление», перейдя к новой экономической политике, для развития наступления более могучими средствами на капиталистический мир, проделали переход от «штурма к осаде» и уже несколько лет в общем и целом ведем успешно осаду враждебного мира, развиваем наступление новыми силами. Мы заложили фундамент социалистического общества, и буржуазные дельцы и воротилы, приезжающие к нам «полюбопытствовать», вынуждены признать наши экономические успехи. Гигантская работа по реконструкции народного хозяйства, развитие электротехнической промышленности, подход вплотную к созданию коллективных форм в сельском хозяйстве, переход на 7-часовой рабочий день, уже начинающий осуществляться,—это все такие плоды «стратегического отступления», которые и слепому должны иллюстрировать перерастание отступления в наступление, перегруппировку сил, крайне благоприятную для строящегося социализма.

«Мы протащили социализм в повседневную жизнь», развили социалистическую крупную индустрию, помощью которой пролетариат может начать осуществлять самую трудную свою задачу—социальную реконструкцию сельского хозяйства.

В области международной политики мы на ряду с наступлением, развиваемым на ряде участков, несомненно, вынуждены на ряде участков о т с т у п а т ь. «Пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить м е ж д у н а р о д н ы й и м п е р и а л и з м,—писал Ленин,—до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране н е принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выждать, пока схватка империалистов между собой е щ е б о л е е ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» [1]).

Советская республика и революционное движение пролетариата в европейских странах представляют собой единый фронт международной социалистической революции и, если смотреть на вещи трезво, то очевидно, что силы буржуазного фронта, на сторону которого перешла целиком и безоговорочно контрреволюционная социал-демократия, перевешивают силы социализма и поэтому обусловливают для нас в международных делах придерживаться преимущественно тактики лавирования, выжидания и отступления.

Отступление, это—не только бегство солдат, как и классовая война, это—не война в обычном смысле. Война имеет дело с относительно организованным, сравнительно легко учитываемым конгломератом сил. Классовая

[1]) Ленин, т. XV, стр. 256.

война имеет дело с относительно неорганизованным, сравнительно трудно учитываемым конгломератом сил. Современная классовая война на ряду со своей главнейшей особенностью—богатством и причудливым сочетанием форм и быстротой их смены—имеет еще ту отличительную черту (различающую ее от войны в обычном смысле), которую можно было бы назвать к р а й н е й ш и р о т о й фронта. Чем шире фронт, тем больше поле для комбинации полосы отступления не только с эпизодами наступления, но и с наступлением на больших участках фронта. Но широта фронта современной классовой войны не идет ни в какое сравнение с фронтом самой большой войны и даже мировой, ибо в самой большой войне там, где начинается «тыл», кончается «фронт», а в современной международной классовой войне «фронт» пронизывает весь «тыл». В обычной войне имеется более или менее широкая л и н и я фронта; в современной же международной классовой войне линия фронта обозначает лишь борьбу уже вступивших в схватку сил, в то время как за этой головной линией постепенно вырисовывается несметное количество других менее ярких линий неслыханно, необычно широкого фронта классовой борьбы. Поэтому в классовой войне, если брать ее в международном масштабе, мы в каждый данный отрезок времени имеем самые причудливые комбинации моментов отступления и наступления.

Именно нынешняя полоса развития блестяще это иллюстрирует. Одним из важнейших постановлений последнего партийного с'езда является директива нашей делегации в КИ об усилении наступления на социал-демократию, о развитии единого фронта снизу и проч. На какие реальные силы опирается это постановление XV с'езда? В последнюю пару лет происходит уже определенно выявивший себя процесс полевения рабочих масс и роста симпатий трудящихся Запада и Востока к Советскому Союзу. Укрепление капитализма с еще большей силой обнаруживает его вопиющие противоречия в империалистическую эпоху и служит основой не только для восстановления производства в довоенных пределах, но и для прояснения классового сознания рабочих, для преодоления ими социал-демократических предрассудков.

В этих условиях мы получаем возможность для более упорной, более систематической, а главное, более плодотворной осады социал-демократии и тем самым капитализма.

Но в политике едва ли не самое главное заключается в том, чтобы уметь различать первостепенное от второстепенного, созревшее от того, что только созревает, наступившее от того, что только наступает. Нужно видеть главную линию фронта, соотношение сил в решающей схватке и накинуть степень подготовленности резервных отрядов, вызревание подоспевающих фронтовых линий.

«Мы не забыли основного марксистского урока, который так наглядно подтвердила русская революция: надо учитывать силы в десятки миллионов, меньшие в политике не считаются, меньшие политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения» [1]).

Если с этой точки зрения взглянуть на нынешнее положение дела социалистической революции, то надо будет сказать: у нас нет никаких осно-

[1]) Ленин, т. XV, стр. 233.

ваний для пессимизма,—донесения с фронта, если продолжать сравнение с обычной войной, показывают рост наших сил на уже «действующих» участках и создание все новых линий фронта.

Октябрьская революция покончила навсегда с буржуазными революционерами, наговорившими так много красивых фраз о народе за десятки лет до революции и еще более в 8-месячный период—от Февраля до Октября.

Но Октябрьская революция не покончила и не могла покончить с типом мелкобуржуазного революционера, которому скучно в будни революции, который хотел бы, чтобы революция была сплошным триумфальным шествием, пылающим заревом пожаров, которым он, эстет, мог бы любоваться. Тип такого мелкобуржуазного революционера жив в нашей стране и не может не жить, пока сохранилось товарное производство.

«Социальный источник таких типов, это—мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния—с другой» [1]).

Мелкое товарное производство, живучее и живущее в нашей стране, постоянно порождает не только капитализм, но и тип мелкобуржуазного революционера, который в «приступе отчаяния» видит один только рост капитализма.

Есть будни и будни.

Будни капитализма, это—монотонно и равномерно движущаяся машина, пожирающая кровь и мозг десятков миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

Будни капитализма прокляты.

Будни социалистической революции, это—вращающееся колесо инициативы и творчества масс, неутомимой практической работой, постепенно высвобождающее угнетенные и эксплоатируемые массы от пут гнета и нужды.

Будни социалистической революции священны.

Пожалуй, самой выдающейся чертой Ленина является резкая ненависть к типу мелкобуржуазного революционера. Вместе с тем Ленин—подлинный герой революционных будней. Труднее всего пролетарской партии в полосу поражения, отступлений и будней. Ярче всего вырисовывается фигура Ленина, как подлинного вождя пролетариата, именно в тяжелые, порою мучительные полосы классовой борьбы рабочих. Резче всего в эти полосы Ленин борется с мелкобуржуазными революционерами, которые «чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны органической работе, практицизму и постепеновщине» [2]).

У нас непочатый край работы. Если продумать до конца одну только область нашей теперешней революционной работы, скажем, борьбу за переделку государственного аппарата, за подчинение его контролю **рядовых** рабочих, то можно представить себе, какое здесь необ'ятное поле для творчества, для будирования и самого смелого, самого решительного развязывания инициативы масс. Но здесь нет места для «прожектёрства», здесь нет и «красивых видов»—тут нужно засучить рукава и делать черную работу. Быть чернорабочим революции—какая «скучная», «прозаическая» работа!

Этих мелкобуржуазных революционеров историческое развитие отметает и отметет. У нас подрастает поколение рабочей молодежи, поднимаются к активности широкие слои рабочих и работниц,—они будут учиться у Ленина, у самого крупного **вождя и чернорабочего** революции.

Ленин—источник бодрости. Ибо у него целостное понимание революционного освободительного процесса. Когда он руководит наступлением пролетариата, то подготовляет и позиции для отступления. Когда он руководит отступлением,—собирает силы для наступления.

Триумфальное развитие разрушительного периода революции неизбежно влечет за собой будни каждодневного строительства. Эти будни подготовляют новые невиданные еще триумфы пролетариата.

Есть еще один «вариант» того же типа мелкобуржуазных революционеров, это—люди, которые хорохорятся, чванствуют, зазнаются. Их характерной особенностью является прикрашивание действительности, неумение смотреть правде в глаза, преувеличение достигнутых успехов и смазывание, непризнание поражений. В полосу будней революции этот тип мелкобуржуазных революционеров может нанести громаднейший вред, ибо преувеличением и прикрашиванием действительности они засоряют революционный смысл будничной полосы, прикрывают революционную перспективу.

В статье, озаглавленной «Главнейшие задачи наших дней»—статье, являющейся непередаваемым образцом революционной пролетарской бодрости, написанной после заключения Брестского мира, Ленин писал:

«Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние...

Мы принуждены были подписать «Тильзитский мир». Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»...

Все революционные партии до сих пор,—говорил в другом месте Ленин,—погибали потому, что не умели смотреть правде в глаза. В этих нескольких словах весь философский смысл рабочего движения. Революционное движение пролетариата может победить только как движение постоянно творящих, всегда недовольных достигнутым, все время идущих вперед масс. Партия, руководящая массами и обманывающая их, превращается из орудия движения вперед в тормоз этого движения, и историческое развитие ее неизбежно опрокидывает. Остаться во главе пролетарского движения партия может, только постоянно критикуя себя и ни на йоту не прикрашивая действительности.

[1]) Ленин, т. XV, стр. 225.
[2]) Ленин, т. XV, стр. 225.

Самодовольные, влюбленные в себя мелкобуржуазные революционеры настолько уверены в своем полном совершенстве, что по самой природе своей они должны окостеневать на достигнутом, идеализировать будни для того, чтобы «обуднить» идеал и противиться всякому движению вперед. Эти люди в противоположность первому «варнанту» мелкобуржуазных революционеров как раз в буднях, понимаемых ими по своему образу и подобию, находят свое настоящее призвание; они и составляют плоть и кровь обюрократившихся звеньев нашего государственного, профессионального, партийного аппарата.

Незачем прибавлять, что главнейшая задача н а ш е й «будничной» работы пролетариев и коммунистов, это—вымести железной метлой этих политических мазуриков—нарциссов в советской одежде, засоряющих наше строительство.

Б. Б-ин.

Международное экономическое положение[1]).

2. Противоречия мирового хозяйства.

До сих пор послевоенное капиталистическое мировое хозяйство (за исключением периода высокой Scheinkonjunktur, последовавшего сейчас же за войной) не знало еще всеобщей высокой кон'юнктуры. В настоящее время мы также еще не имеем всеобщей высокой кон'юнктуры. В общем и целом, только две страны—С.-А. С. Ш. и Германия—находятся сейчас в полосе высокой кон'юнктуры. В других странах, в наибольшей части Европы господствует хозяйственная депрессия.

Что означает этот факт отсутствия одновременных и всеобщих под'емов в мировом хозяйстве, совершенно ясно. О н с в и д е т е л ь с т в у е т о б о т с у т с т в и и н о р м а л ь н о й п у л ь с а ц и и к а п и т а л и с т и ч е с к о г о о р г а н и з м а, к а к е д и н о й м и р о в о й х о з я й с т в е н н о й с и с т е м ы. О н с в и д е т е л ь с т в у е т о б о т с у т с т в и и б о л е е и л и м е н е е н о р м а л ь н о г о р а в н о в е с и я в м и р о в о й х о з я й с т в е н н о й с и с т е м е д о н а с т о я щ е г о м о м е н т а. Мировое хозяйство, конечно, не стояло на одном месте во время войны и весь послевоенный период. Оно развивалось. Отдельные участки мирового хозяйственного целого переживали даже периоды больших, бурных под'емов. Отдельные «национальные хозяйства» успешно развивали свой производственный аппарат. То там, то сям совершались крупнейшие технические сдвиги. Укреплялся процесс стабилизации капиталистического хозяйства. Но все эти восстановительные и реконструктивные процессы по большей части происходили отнюдь не одновременно, отнюдь не сразу везде, наоборот, оживление и развитие хозяйства в данный момент на данном участке происходил именно потому, что на другом или других участках имелся хозяйственный застой, упадок. Ни один период в капиталистической истории не характеризовался в такой степени, как послевоенный, тем, что развитие одного государства, одной отрасли совершалось непосредственно за счет отставания, разорения других. Одновременного, всеобщего экономического под'ема не знало послевоенное хозяйство. Потерявшая со времени 1914 г. равновесие мировая капиталистическая система не смогла обрести его и по сие время.

«Оздоровление» европейского и мирового хозяйства, которое мы в настоящее время имеем, и которое свое наиболее яркое выражение нашло в высокой германской кон'юнктуре, тем характерно, тем «ново», что оно только теперь по настоящему, вплотную столкнулось с этой проблемой возможности в настоящих условиях «перерастания» германской кон'юнктуры так же, как и американской кон'юнктуры, во всеобщую, мировую кон'юнк-

[1]) Статья вторая. Первую статью см. в № 1 с. г.

туру. До настоящего времени можно было еще «восстанавливаться», развиваться, «наводить порядок», что называется, в национальных рамках. Но теперь уже «относительный порядок» «наведен». Производственный аппарат, «поднят на ноги». Валюта стабилизирована. Рабочий класс «усмирен». Внутренний рынок успокоен. Теперь осталось только одно—«включение» всех этих стабилизованных «национальных хозяйств» в единую мировую систему. Дальше итти некуда, как только в этом направлении. Hic Rhodus, hic salta!

Капиталистическое мировое хозяйство вступило в настоящее время в полосу усиленных «поисков» этого мирового «равновесия», поисков пути к всеобщей мировой кон'юнктуре. «Обрящет» ли оно «искомое», или испытает новый, оглушительной силы взрыв, наподобие империалистической войны 1914 г., прежде чем найдет его?

Мы не думаем, что наилучшей точкой зрения в этом вопросе будет ответ, согласно которому капитализм абсолютно не в состоянии сделать ни одного шага, в этом направлении по той простой причине, что нынешний капитализм вступил в «полосу войн и революций». Пока капитализм жив, не могут не действовать и живущие в нем,—даже в «капитализме эпохи войн и революций»!—силы самосохранения. Капитализм, конечно, и сейчас в состоянии двигаться вперед, будет двигаться вперед, совершать шаги в направлении отысквния нового равновесия. И суть дела заключается отнюдь не в этом. Ибо «чисто теоретически» совершенно ясно, что, если предположить, что капитализм еще будет существовать большое количество лет, то, само собой разумеется, что капитализм нашел бы это равновесие (так же точно, как «чисто-теоретически» он пришел бы к «единому мировому тресту») Суть дела заключается в определении конкретного маршрута, пути, конкретных возможностей, перспектив, конкретных трудностей, которые вырисовываются перед капитализмом в его «путешествии» к желанной цели.

В чем состоят конкретные трудности капитализма на пути к созданию мирового равновесия, этой предпосылки для всеобщей кон'юнктуры?

Если даже отвеить в стороне такие трудности, как существование СССР, классовую борьбу рабочих в капиталистических странах и растущие колониальные революции, то следующие главные экономические противоречия должен преодолеть мировой капитализм.

Должно быть кв к-то разрешено противоречие между разбогатевшей Америкой и обедневшей, но пред'являющей требование на более «хорошую жизнь» Европой.

Чем дальше мы отходим от года, когда разразилась империалистическая война, и чем более «отрезвляется» Европа от военного угара 1914—1918 гг., тем все более очевидным, неоспоримым представляется факт колоссальной передвижки в соотношении экономических сил между Европой и Америкой, которая произошла за спиной борющихся государств. Реальность этого важнейшего исторического и неожиданного последствия войны тем болезненнее начинает ощущать Европв, чем теснее смыкаются «стабилизированные» европейские хозяйствв с мировым рынком. Нащупано ли в отношениях между Америкой и Европой в послевоенные годы какое-нибудь «соответствие», удовлетворяющее обе стороны и могущее послужить основой для взаимного движения вперед? Утвердительно ответить нв этот вопрос можно было бы только в том случае, если бы Европа, отодвинутая назад выдвинувшейся вперед Америкой, признала оставленную ей в мировом хозяйстве «долю» более или менее приемлемой. А этого-то и нет. Факты это решительно опровергвют. Чем более стабилизируется Европа, тем все более недовольной становится Европв «квотой», предоставленной ей старушкой историей в результвте войны. Производственный аппарат Европы значительно выше возможностей его использования, данных послевоенными условиями мирового

рынка. Абсолютно неизбежным поэтому является в ближайшее время ожесточеннейшая борьба европейского капитализма с американским за получение более удовлетворяющей Европу доли.

Выше мы уже приводили цифры [1]), показывающие развитие внешней торговли европейских и неевропейских стран в течение 1926 и 1927 гг.

Из цифр видна тенденция к возрастанию удельного (абсолютно и относительно) веса Европы в мировом товарообороте.

Есть ли основания думать, что европейские государства в ближайшем будущем прекратят эту борьбу с Америкой и удовлетворятся имеющимся? Конечно, нет. «Соответствия» в отношениях между Америкой и Европой, с точки зрения европейской прежде всего, конечно, нет. Но не только с европейской точки зрения. Даже со стороны С.-А. С. Ш. нельзя ожидать удовлетворения полученным. Ибо именно сейчас следует рассчитывать на значительный рост торговой и финансовой экспансии американского капитализма, в огромной степени развивавшегося до сих пор на основе своего национального рынка. Именно в связи с этим находятся участившиеся жалобы американских капиталистов на европейскую конкуренцию в производстве и сбыте железа, стали, химических продуктов и т. д. Так, американский журнал «Iron Age» в последнем номере пишет: «Развитие внешней торговли железом и сталью в последнем году показывает, что европейские предприятия неуклонно расширяли свои внешние рынки в то время, как американский экспорт систематически снижался. При мировом потреблении в 17.000.000 тонн американский вывоз стали составлял только 2.000.000 тонн. В то же время вывоз главного конкурента — Германии — повысился с 1.307.000 тонн в 1913 году до 3.000.000 тонн в 1925 и 4.887.000 тонн в 1926 г.» [2]).

Также характерен шум, поднятый в С.-А. С. Ш. по поводу попыток создания общеевропейского химического картеля, угрожающих позициям С.-А. С. Ш. на мировом химическом рынке. На этот счет председатель американской Chemical Foundation сделал, например, «любезное» замечание, которое сводится просто к обвинению Германии в том, что она пытается экономическим путем снова достигнуть «милитаристического господства Европы».

Таких примеров можно было бы привести, конечно, не мало.

Другое противоречие, «несоответствие», которое должно быть как-то ликвидировано для того, чтобы могла создаться возможность хотя бы более или менее всеобщего европейского экономического под'ема, это—противоречие между стабилизирующимися, подымающимися европейскими государствами и находящейся в состоянии глубокой экономической депрессии Англией. С точки зрения этих первых государств, с точки зрения такого государства, как Германия, Англия представляет собой тяжелый и лишний груз, который тащит кривую европейской кон'юнктуры вниз.

Экономическое состояние Англии до сих пор, несмотря на то, что прошло не менее 9-ти лет со времени версальского мира, принесшего «победу» английскому империализму, остается поистине трагическим. История вынесла основным отраслям производства этой страны-«победительницы» безжалостный приговор. Технически и организационно эти отрасли отстали на десятки лет. Они поражены почти безысходно.

Окончание стачки 1926 г. дало некоторый взмах оживления английской промышленности и торговли. Дела с экспортом тоже несколько поправились. Некоторые производства, как устанавливает недавний отчет Британской промышленной федерации—Federation of Britisch Industries—пошли даже хорошо вверх.

[1]) См. «Большевик» № 1, за 1928 г., стр. 8 и 9.
[2]) Цитирую по «Berliner Börsen Zeitung» от 22/XI—27 г.

Сюда можно отнести такие производства, как электрическое, химическое, автомобильное, производство искусственного шелка и т. д. Это дает повод составителям отчетов делать оптимистический прогноз и на будущее: «Заграничные заказы значительно выросли, и виды на будущее в общем улучшились» [1]). Но, увы!—этот оптимизм все-таки остается оптимизмом, безусловно мало обоснованным. Если верно, что виды на будущее и улучшились, то только не в основных отраслях, определяющих, так сказать, «погоду» в английском хозяйстве. В тяжелой, пока безысходной депрессии находятся «командные», «руководящие» отрасли производства—угольное, железное, текстильное, строительное.

На происходившем, например, в октябре общем собрании английского стального концерна United Steel Co это незавидное положение английской стальной индустрии как нельзя лучше обрисовал Мак Миллиан, который привел для характеристики только две—три показательных цифры. Оказывается, что в английской стальной индустрии «от 30 до 40 процентов предприятий настолько стары и негодны, что лучше всего было бы их совсем «сломать», а из остальных только от 10 до 20 проц. действительно окупят необходимую модернизацию. Но для этого нехватает нужного капитала, трудность приобретения которого об'ясняется тем, что стальная индустрия и так страдает от перекапитализации и задолженности» [2]). Поистине «веселенькая история»! От 30 до 40 процентов индустрии годится только «на слом», а 10—20 процентов можно было бы модернизировать, да и эти «в долгу, как в шелку»! И это в стальной индустрии Великобритании!

То развитие событий, которое мы имеем в настоящее время в английской угольной индустрии уже после поражения, понесенного горняками, является, однако, еще более ярким примером «громких успехов» Англии за 1926 и 1927 гг. Английские угольные капиталисты добились осуществления своих целей. Рабочий день горняков удлинен. Заработная плата уменьшена. Казалось бы, чего же более?! Увы! Только сейчас английская угольная промышленность идет навстречу острейшему кризису.

В то время, как большинство европейских государств подняли угольное производство в 1927 г. выше довоенного уровня, английское угольное производство находится все еще значительно ниже довоенного. В июле 1927 г. Германия производит 12,64 м. т. против 11,73 м. т. в 1913 г., Бельгия—2,24 м. т. против 1,90 м. т., Франция — 4,28 м. т. против 3,72 м. т. В то же самое время Англия производит 20,87 м. т. против среднемесячной продукции 1913 г. в 24,34 м. т. [3]). Несмотря на то, что экспорт английского угля очень быстро, после резкого падения в 1926 г., снова достиг уровня 1925 г., он также остается значительно ниже довоенного. Следующая таблица это показывает:

Вывоз английского угля [4]).

1913 г.	среднемесячный	6117 т.
1925 г.	»	4235 »
1926 г.	»	1716 »
1927 г.	Январь	4093 »
	Февраль	4172 »
	Март	4820 »
	Апрель	4118 »
	Май	4842 »
	Июнь	4345 »
	Июль	4176 »
	Август	4257 »
	Сентябрь	4120 »

[1]) Цитирую по «Berliner Börsen Zeitung».
[2]) Цитирую по «Frankfurter Zeitung».
[3]) «Frankfurter Zeitung» от 5/XI—27 г.
[4]) «Berliner Börsen Zeitung» от 16/X—27 г.

Вывоз английского угля все еще составляет в общем две трети довоенного вывоза.

Однако, положение с английским углем значительно плачевнее в действительности, чем это явствует из приведенных цифр. Ибо восстановление английского экспорта угля при одновременном более быстром росте производства угля в других странах привело на мировом рынке прямо к катастрофическому падению цены на уголь.

Вывозная цена английского угля [1]).

1913 г.	среднемесячная	13 ш.	12 п.
1925 г.	»	19 »	10 »
1926 г.	»	18 »	8 »
1927 г.	Январь	20 »	11½ п.
	Февраль	19 »	1 »
	Март	18 »	6 »
	Апрель	18 »	6 »
	Май	18 »	4 »
	Июнь	17 »	10 »
	Июль	17 »	8 »
	Август	16 »	1 »
	Сентябрь	16 »	

К ноябрю вывозная цена угля упала почти до 15 ш., уйдя, таким образом, не так далеко от довоенной цены в 13 ш. 12 п. Это при неизмеримо более высоком индексе цен на другие товары по сравнению с 1913 г.

Если, несмотря на такой низкий уровень цены производство и вывоз угля в Англии могли возрастать, то это могло происходить только потому, что английская угольная промышленность вместо прибылей, получает убытки. По официальным данным [2]) английская угольная промышленность имела во втором квартале 1927 г. убыток в сумме 2.855.875 ф. ст., в то время, как первый квартал этого года принес еще прибыль в размере 3.497.463 ф. ст. На тонну угля в среднем убыток равен 1 ш. ½ п., в то время как в первом квартале тонна угля давала в среднем 1 ш. ½ п. прибыли. Третий квартал, по всем данным, дает такую же неблагоприятную картину.

Таковы пока-что результаты попытки «под'ема» со стороны английского угольного производства. Совершенно очевидно, что английская угольная промышленность идет навстречу величайшему кризису.

Что при этом, несмотря на приближающуюся грозу, английские капиталисты не имеют никаких намерений прекратить бросовую конкуренцию на мировом рынке, абсолютно ясно. Железная необходимость гонит к ожесточеннейшей борьбе за отвоевание утерянных на мировом угольном рынке позиций. «В то время, как для Германии (или какой-нибудь другой страны. *Б. Б.*) вывоз угля дело второго порядка с точки зрения общественного хозяйственного благосостояния,—пишет английский журнал «South Wales Journal of Commerce»,—для нас (для Англии. *Б. Б.*) крупная и расширяющаяся торговля углем имеет фундаментальное значение в экономической жизни. Германия могла бы и без большой внешней торговли дальше цвести, но в Англии промышленное и хозяйственное благосостояние без нее невозможно, и потому мы боремся так жестоко не только для того, чтобы вернуть обратно потерянные рынки, но и для того, чтобы найти и использовать новые». Приводящая эту характерную цитату «Deutsche Allgemeine Zeitung» прибавляет не менее характерную фразу от себя. «Отчетливее не может быть выражена воля к борьбе, и для нас (Германии. *Б. Б.*) должно быть ясно, что мы принуждены, хотим или не хотим, эту борьбу продолжать» [3]).

[1]) «Berliner Börsen Zeitung» от 16/X—27 г.
[2]) Данные статистики английского угольного департамента.
[3]) «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 22/X—27 г.

И борьба (в Европе прежде всего между Англией и Германией) продолжается с небывалой в истории угля ожесточенностью.

Отсюда величайшая дезорганизация мирового угольного рынка. Нынешнее состояние мирового угольного рынка служит действительно красочным примером того, как трудно, несмотря, или, может быть, благодаря годам послевоенной стабилизации, вообще «подняться» европейским государствам. «Berliner Börsen Zeitung» [1]) пишет: «Очень часто указывалось уже на неблагоприятное положение на международном угольном рынке, но теперь это болезненное состояние достигло такой ступени, которая требует особых мероприятий. Мировой угольный рынок показывает в настоящий момент такое расстройство, которое является совершенно исключительным, единственным в истории угольного производства».

Отнюдь не «великолепно» обстоят дела и на мировом железном рынке. И здесь передвижка в военное и послевоенное время привела к огромному перепроизводству железа и стали. В то время как цена большинства товаров на мировом рынке превышает довоенную на 40—50 проц., цена железа и стали стоит в настоящее время меньше чем на 20 проц. выше довоенной [2]). И здесь так же, как в отношении угля, текстильного производства, в наиболее тяжелом положении находится Англия.

Третье большое (мы перечисляем самые грубые основные «несоответствия» в мировом хозяйстве) «несоответствие» в современной Европе, не только неразрешенное Версальским миром, но все более обостряющееся, это—огромная диспропорция между экономическими потенциями Германии и тем «местом под солнцем», которое она получила в результате империалистической войны. Еще Ленин писал о том, что положение в Европе по окончании войны характеризуется тем, что Германия—«действительно самая передовая», «самая культурная» в Европе страна—экономически и политически закабалена победителями. Нельзя более ярко представить себе существо капиталистической «справедливости», нежели на примере исторической судьбы этой «действительно самой развитой», и культурно и экономически, страны. Капиталистический мир, вообще полный всяких «несоответствий», на этот раз демонстрирует классическую расправу над экономически и культурно наиболее сильным, прогрессивным.

Как и следовало ожидать, такое «разрешение» основной проблемы империалистического соревнования, породившего мировую войну, которое противоречило и противоречит действительному соотношению экономических сил Германии и «союзников» [3]), оказалось только видимым разрешением. В действительности борьба противников продолжается, хотя и на иной, для Германии несравненно более невыгодной основе. И что особенно интересно, так это то, что низвергнутая, ослабленная Германия показала уже чудовищную экономическую приспособляемость, развивается «ничуть не хуже» таких победителей, как Англия, выдвинулась на положение «ведущей» в Европе страны в экономической кон'юнктуре.

В высшей степени интересной в этом отношении является экономическая борьба, которая в настоящее время происходит между Германией и Англией на мировом рынке, особенно на угольном рынке. Побитая в войне, сведенная на положение провинции, Германия дает довольно основательные удары на экономическом фронте. Обе стороны терпят большие убытки. Германская угольная промышленность исчисляет свои потери в борьбе в 450.000 марок в день. Во сколько обходится английским углепромышленникам это «удовольствие» выше уже упоминалось. Но, что имеется на стороне Германии в качестве плюса, так это—великолепная организованность и высокий технический уровень ее индустрии. И этим оружием она и рассчитывает победить. «Berliner Börsen Zeitung» уже об'являет о победе. Она пишет: «Уже несколько месяцев продолжающаяся угольная война, о которой общественное мнение очень мало осведомлено, но которая, несмотря на это, ведется со всей свирепостью, в настоящее время решена уже в пользу Германии». Нам думается, что это несколько поспешно сказано, что борьба еще не закончена, но что Германия имеет очень много шансов здорово «помять бока» противнику, это—безусловный факт.

[1]) «Berliner Börsen Zeitung» от 17/XI—27 г.

[2]) «Berliner Börsen Zeitung» от 3/XI—27 г.

[3]) Вспомним, что решающую роль в столкновении европейских империализмов сыграла Америка.

Однако, совершенно ясно, что эти имеющиеся и обещающие расти экономические успехи Германии могут достигаться только с отчаянным трудом, путем преодоления огромного количества трудностей. Германская промышленность поставлена Версальским миром в невыгоднейшие условия. Она лишена богатейших запасов руды и части угля, ее и без того узкая сельскохозяйственная база уменьшилась также, она лишилась колоний, она очутилась под дополнительным прессом репарационных платежей. Не говоря уже о том, что она не имеет в своем распоряжении обычного для всякой империалистической державы «аксессуара» средств «военного давления» на противника.

Из этого следует, что в нынешней ситуации шансы экономического движения вперед для Германии не могут не быть ограниченными. И о германской кон'юнктуре дополнительно к вышесказанному следует отметить, что, хотя непосредственно угрожающего концом германской высокой кон'юнктуре пока еще нет, нельзя ожидать действительно длительного и нормального ее развития.

Таковы основные конкретные экономические трудности, стоящие на пути к достижению мировым капиталистическим хозяйством доподлинного нового равновесия (на манер довоенного) и подлинно всеобщей мировой кон'юнктуры.

Если исходить из этих трудностей, из факта безусловного отсутствия в настоящее время сколько-нибудь сносного равновесия в международном масштабе, то не может быть никакого сомнения в том, что нельзя ожидать уже сейчас перехода американской и германской кон'юнктуры в более или менее всеобщий мировой экономический под'ем. Это можно было бы предполагать только в том случае, если бы уже сейчас были сделаны решительные шаги в направлении ликвидации изображенных противоречий, чего пока еще нет.

На это могут возразить, и с внешней стороны довольно убедительно, ссылкой на то, что «капитализму всегда свойственны противоречия и что, несмотря на это, он «в старое доброе время» развивался довольно быстро. Далее могут сказать, что капитализм именно в полосу высокой кон'юнктуры полон всяких противоречий и не имеет равновесия, что самое развитие высокой кон'юнктуры представляет собой беспрерывное накопление противоречий и что равновесие, вообще, при капитализме явление довольно-таки редкое. Ведь говорил же Маркс, что равновесие для анархической капиталистической системы само представляет собой случайность и насильственно устанавливается только в момент кризиса и то на мгновенье и что, следовательно, всем этим нельзя аргументировать против возможности уже сейчас всеобщего экономического под'ема».

Но такого рода возражения были бы неправильны. Есть противоречия и противоречия. Те противоречия, которые накапливаются в период высокой кон'юнктуры, до поры до времени не мешают развитию кон'юнктуры больше того, даже предполагаются этим развитием. Но есть такие противоречия (уже накопленные прошлым развитием), без ликвидации которых вообще невозможно начало высокой кон'юнктуры. Такая ликвидация нако-

пленных противоречий обыкновенно проделывается кризисом, хотя бы на мгновение восстанавливающим потерянное в прежний период равновесие. Современное мировое экономическое положение тем именно и характерно, что ни в один из послевоенных годов, ни на мгновение, утерянное с момента войны равновесие мировым хозяйством, не было найдено. Война была своеобразной формой кризиса, но тем, между прочим, радикально отличалась от обыкновенного кризиса, что конец войны не только не разрешил старых противоречий, но создал ряд новых, еще более сильных противоречий.

Путь капитализма ко всеобщей кон'юнктуре на ближайший период будет поэтому связан с попытками разрешения этих основных противоречий. Они «разрешимы», «вообще говоря», но разрешимы только путем малых и больших кризисов, малых и больших военных столкновений. Ближайший период, очевидно, будет заполнен не просто «мирным шествием» вперед, «нормальным под'емом» вверх,—это будет период одновременного огромного обострения внутренних противоречий капитализма.

Конкретно говоря, это означает, что этот под'ем и будет сопровождаться на ряду с обычными стабилизационными процессами обостренной борьбой на мировом рынке, депрессионными состояниями на целых больших участках мирового хозяйства, хозяйственными катастрофами, жестокими рационализаторскими экспериментами (через которые неизбежно должны пройти такие страны, как Англия, Франция, Италия).

Вряд ли можно ожидать в ближайшее время решительного изменения в соотношении сил между Америкой и Европой, Англией и другими европейскими государствами, Германией и прежней Антантой в таком виде, чтобы обиженные государства легко возвратили обратно потерянные позиции, а нынешние, выдвинувшиеся вперед государства, легко уменьшили захваченную ими «квоту». Основные передвижки в мировом хозяйстве совершились настолько «основательно», что «вернуть колесо истории вспять» вряд ли осуществимо. В таком случае—и это наиболее вероятно—ряду государств придется пройти через процесс мучительнейшего приспособления к новой обстановке. Ясно, что это означает в смысле хозяйственной перспективы на ближайший период для этих стран. В истории бывали случаи, когда большие государства гибли, низводились до положения «второстепенных» держав, когда старые отрасли производства разорялись, уступая место другим. Но никогда еще это превращение не происходило безболезненно, без крупных потрясений, кризисов. Процесс приспособления и стабилизации Европы в целом, Англии, Германии, мелких европейских государств в отдельности, к новой обстановке сулит немало острейших осложнений всему мировому хозяйству.

Ф. Нотович.

Комедия разоружения и выступление СССР.

Две причины заставляют отнестись с особым вниманием рабочих и крестьян СССР и рабочих всего мира к «работам» четвертой сессии подготовительной комиссии к конференции по ограничению вооружений—таково ее официальное название,—заседавшей с 30 ноября по 4 декабря в Женеве. Первая из них это—участие советской делегации на конференции и внесенная ею программа действительного, немедленного и полного разоружения на суше, на море и в воздухе. Вторая это—тот организованный саботаж, которым были встречены предложения советской делегации со стороны президиума комиссии. Если кому-либо еще нужны были наглядные доказательства того, как Лига Наций препятствует всяким реальным начинаниям в области разоружения, то развернувшиеся дебаты на четвертой сессии вокруг советских предложений и поединок тов. Литвинова с г. Полем Бонкуром, как и «результаты» этой сессии, им их доставили в избытке.

На советскую и коммунистическую печать за границей выпадает важная и ответственная задача: раз'яснить широким трудящимся массам значение советских предложений и разоблачить все махинации, практикуемые капиталистическими «миротворцами» в союзе с социал-предателями всех стран, направленные против действительного разоружения.

Оценку деятельности четвертой сессии подготовительной комиссии по разоружению и деятельности советской делегации на ней, мы начнем с краткой характеристики главнейших этапов того миротворческого обмана, который носит громкое название «разоружение».

Проблема ограничения вооружений берет свое начало от версальского договора. Во вводной статье к V части этого договора, постановляющей полное разоружение Германии, говорится, что этот шаг является только подготовкой к общему ограничению вооружения всех наций. Таким образом, разоружая побежденную Германию, победители сами обязались впоследствии разоружить себя.

На это словесное обязательство для успокоения общественного мнения собственных стран союзники вынуждены были пойти под давлением целого ряда причин. Главными из этих причин были: революционное движение во многих странах, грозившее захлеснуть своими волнами капиталистическую Европу, громадное влияние на буржуазное общественное мнение мечтательного пацифиста, президента Вильсона, естественная реакция не только в рабочих, но и в широких кругах буржуазии против войны, необходимость ослабить финансовое напряжение.

Насколько эта мера тогда диктовалась необходимостью политического момента, показывает тот факт, что Верховный Совет союзников в Париже

обратился 8 марта 1920 г. к совету Лиги Наций с декларацией, в которой между прочим говорилось: «Для уменьшения экономических трудностей Европы желательно довести армии до состава мирного времени, ограничить вооружения до минимума, совместимого с национальной безопасностью, и пригласить Лигу Наций рассмотреть как можно скорее предложения по этому делу».

Финансовая и экономическая конференция союзников в Брюсселе вынесла также постановление, гласившее, что необходимо приступить к переговорам правительств с целью уменьшения вооружений, которые «отягчают бюджет обедневшего населения, поглощая его доходы и мешая восстановлению потерь и опустошений причиненных войной».

Что эти обязательства не были даны всерьез и являлись преднамеренным обманом, предназначенным только для успокоения общественного мнения—этому нас учит не только вся бесплодная разоруженческая деятельность Лиги Наций на протяжении 8 лет, об этом свидетельствует и сам устав этого почтенного учреждения. Так, например, первые два абзаца 8 статьи статута Лиги Наций гласят: «Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением.

Совет, учитывая географическое положение и особые условия каждого государства, подготовляет планы этого ограничения в целях рассмотрения и вынесения решения различными правительствами».

Эти абзацы, ограничительно истолковывающие данные союзниками обязательства, стали впоследствии тем оружием, при помощи которого империалистам до сих пор удавалось удачно отражать всякие попытки, направленные к их разоружению. Но особенно удачно этим оружием пользовался на протяжении 8 лет французский империализм. Истолковывая вкривь и вкось «национальную безопасность», французские империалисты создали целую теорию, которая состоит из следующей триады: арбитраж—безопасность—разоружение.

Это означает, что к разоружению Франция может приступить только тогда, когда будут созданы условия ее полной безопасности, основанной на таких договорах, режиональных (местных) и общих, которые обеспечат разрешение любого междугосударственного конфликта посредством обязательного арбитража. Но так как интересы французской безопасности требуют такой же безопасности для ее союзников, то отсюда и вытекает, что Франция расширяет понятие безопасности в равной степени и на Польшу, Чехо-Словакию, Югославию и Румынию.

Такая особая любовь Франции, являющейся одной из руководящих империалистических держав и обладающей самой сильной армией на континенте Европы, к обязательному арбитражу вытекает из ее специфического послевоенного положения. И она сама и все ее союзники и вассалы вполне насыщены и «довольны» результатами войны и мирными договорами. Франция и ее союзники заинтересованы в сохранении статус - кво (нынешнее положение) предпочтительнее посредством мирных институтов, в роде обязательного арбитража, чем посредством войны. Новая война может лишить Францию и ее союзников всех выгод, приобретенных в результате предыдущей победоносной войны. Политические и экономические интересы французской буржуазии всецело покрываются формулой: обязательный арбитраж. Создание института обязательного арбитража, ограниченного хотя бы только значительной частью Европы и Азии и опирающегося на международную

организацию с карательными функциями, означает для Франции и ее союзников увековечение теперешнего статус-кво. Другими словами, через арбитраж — безопасность — разоружение французская буржуазия стремится удержать в своих руках то, что она не в состоянии будет в дальнейшем удержать военными средствами.

Такое разрешение вопроса одновременно уменьшило бы и финансовые тяготы, связанные с военной опасностью. А насколько эти тяготы ощутительны, показывает только-что утвержденный французским парламентом бюджет на 1928 г. Из 42 миллиардов франков общих расходов 30 миллиардов франков поглощают расходы, связанные с ликвидацией обязательств военного времени.

А по свидетельству лорда Сесиля из каждых 20 шиллингов, уплачиваемых английским плательщиком налогов, 14 ш. затрачиваются на прошлую и будущие войны.

Концепцию, ставящую разоружение в зависимость от безопасности, Франция проводила с удивительным упорством вплоть до наших дней. Опираясь на статут Лиги, она истолковывает любое событие для подкрепления своей концепции.

* * *

Мы не будем останавливаться на 1-й и 2-й сессиях подготовительной комиссии (1926), как не представляющих большого интереса. Укажем только мимоходом, что этим сессиям приходилось каждый раз начинать работу с самого начала.

На 3-й сессии подготовительной комиссии были резко противопоставлены друг другу три точки зрения на проблему разоружения: французская, английская и германская.

Английский проект конвенции по разоружению лорда Сесиля предусматривал:

1) Ограничение сухопутных, морских и воздушных сил до известного предела, устанавливаемого на конференции.

2) Сообщение суммы военного бюджета совету Лиги Наций на будущий год и действительную сумму расходов в закончившемся году.

3) Ограничение касается не только кадровых частей, но и резервов.

4) Устанавливается предельный максимальный тоннаж для каждой категории судов отдельно: крейсеров, минных истребителей и подводных лодок. Этот максимальный тоннаж не может быть произвольно перераспределен по категориям каждой страной.

5) Вопрос о линейных судах (дредноутах) считается разрешенным вашингтонской конференцией 1922 года. (Вашингтонская конференция разрешила Великобритании, Сев.-Ам. Соед. Штатам, Японии, Франции и Италии строить линейные суда, не превышающие 35 тысяч тонн водоизмещения, по следующему ключу: 5:5:3:1,75:1,75).

6) Ограничивается количество военных воздушных аппаратов, прикрепленных к сухопутным базам.

Мы опускаем целый ряд мелочей, существенного значения не имеющих.

Французский проект был построен на совершенно противоположных началах. Практическая его часть сводится к следующему:

1) Ограничение распространяется только на сухопутные, морские и воздушные силы кадровых частей мирного времени. В эту категорию входят: полиция, жандармерия, пограничная охрана и лесная стража.

2) Каждая страна получает определенно зафиксированный общий морской тоннаж, который она распределяет по отдельным категориям судов по своему произволу.

3) В области воздушных вооружений ограничению подлежат общая сумма силы двигателей и об'ем дирижаблей, находящихся на действительной службе.

4) Ограничиваются военные бюджеты.

5) Постоянная комиссия при Лиге Наций имеет право контроля над вооружениями отдельных государств.

6) Ограничивается срок военной службы.

Французский проект, как и английский, предусматривает отмену всяких ограничений вооружения во время войны и восстания, кроме ограничений, установленных по статуту Лиги Наций.

Французский проект имеет определенную цель: он стремится предоставить отдельным государствам возможность строить большой подводный флот, большое количество мелких крейсеров и истребителей, которые можно лучше использовать, как боевую силу на морских фронтах, не отдаленных от своих баз.

Внимательное рассмотрение обоих проектов в связи с вооруженной системой Англии и Франции приводит нас к такому заключению: оба проекта стремятся закрепить собственную национальную систему вооружения на достигнутом уровне и в максимальной степени разоружить противника. Выставляя требования точно закрепить количество тоннажа за отдельными категориями судов, Англия этим добивалась того, чтобы Франция не могла строить большое количество опасных для нее подводных лодок и истребителей. Ей важно закрепить за Францией большое количество крейсеров, так как в области крейсеростроения она далеко ее превосходит. Другое дело—истребители, которые, принимая во внимание необходимость защиты длинных морских путей сообщения, в военное время могут оказаться недостаточными для эффективной защиты морского транспорта и подступов Англии. По свидетельству английского адмирала лорда Джелико для борьбы с одной подводной лодкой необходимо иметь 25 крейсеров. Лорд Сесиль, в свою очередь, утверждает, что если бы английскому флоту пришлось вести борьбу с 20 германскими подводными лодками в одном месте, то положение Великобритании по время войны было бы чрезвычайно трудным. Интересы Англии поэтому требуют, чтобы Франция строила крейсерский, но не минный и подводный флот.

Согласно новому французскому закону, вся тяжесть защиты страны падает не на малочисленный кадровый состав армии, а на вооруженный народ. Армия же мирного времени должна быть тем кадром, который организует во время войны миллионные резервы. И английский проект как раз и распространяет ограничение на резервы.

Сама же Англия имеет наемную армию и не располагает обученными резервами. Ее армия и флот и в мирное время достигают состава военного времени, и ограничение резервов ей не наносит ущерба. Англия не только боится французских подводных лодок, но и превосходства французских воздушных сил. Ее остроумный план ограничения воздушных аппаратов, прикрепленных к сухопутным базам, целиком направлен против Франции, но ни чем не ограничивает увеличение английских воздушных сил. Известно, что, помимо сухопутных воздушных баз, существуют еще морские пловучие воздушные базы, так называемые авионосцы или авиоматки. В настоящее время Англия располагает восемью гигантскими авионосцами с общим тоннажем в 115.000 тонн, на которых помещаются сотни аэропланов. Франция же не имеет ни одного авионосца.

Имея превосходящую военную технику, Англия противится ограничению военного бюджета. Многие дивизии английской армии уже механизированы, то-есть, приведены в такое состояние, когда бой ведется смертоносным оружием, находящимся вместе с управляющими им людьми в броневых машинах. Остальные будут механизированы в ближайшие годы. Механизация и технизация армии стоит громадных денег, и поэтому Англия противится ограничению военного бюджета, а Франция, наоборот, этого добивается.

Особняком стояла точка зрения Германии. Она одна требовала ограничения вооружения на основании 5-го отдела Версальского договора. Будучи сама[1] уже разоруженной, она, естественно, добивается разоружения других. Тем не менее ее программа больше приближается к английской, так как она не заинтересована в воздушном разоружении и в ограничении людских резервов: по Версальскому договору Германии вовсе не разрешается иметь воздушный флот и вводить всеобщую воинскую повинность.

Из заявлений итальянского делегата можно было вывести заключение, что Италия скорее намерена увеличить свои вооружения до уравнения их с другими странами, чем уменьшить нынешние свои вооружения.

Таковы в общих чертах противоположные точки зрения главных европейских государств на проблему разоружения, столкнувшиеся с особой силой на 3-й сессии подготовительной комиссии. Мы не излагаем точки зрения Северн. Америки по той причине, что подготовительная комиссия, собственно говоря, обсуждает вопрос ограничения вооружения Европы и поэтому для нас более важны мнения главных европейских держав. Сев.-Амер. Соед. Штаты главным образом заинтересованы в морском разоружении, но последнее фактически из'ято из ведения Лиги.

Им занимались преимущественно конференции, созываемые Америкой: Вашингтонская конференция 1922 года и Женевская конференция 3 морских держав, происходившая в июле—августе 1927 г.

* * *

Таковы в общих чертах разработанные проекты «разоружения» главных империалистических держав, представленные ими на 3-ю сессию подготовительной комиссии. На основе этих проектов было приступлено к выработке согласованной конвенции по разоружению. Во время прений обнаружилось, что английская делегация намеревается ограничить дебаты обсуждением лишь вопросов, связанных с ограничением сухопутных вооружений, оставив незатронутыми морские и воздушные вооружения. После решительного отпора со стороны французского главного делегата Поля Бонкура лорд Сесиль отказался от своего намерения.

Французскую концепцию поддерживали государства Малой Антанты, Польша и Бельгия, английскую—Германия, Швеция, Голландия и Финляндия.

После месяца прений (26 марта—25 апреля 1927 г.) пришли к заключению, что, в виду коренных разногласий по основным вопросам разоружения, выработать общий проект конвенции представляется невозможным. После этого было решено просто внести в протокол мнение каждой делегации по тому вопросу, который не был согласован. Но даже так называемые согласованные вопросы имеют примечания отдельных делегаций, которые оговаривают свое право еще вернуться к этому вопросу при вторичном чтении конвенции.

На этом и закрылась третья сессия подготовительной комиссии, оставив пессимизм и разочарование даже в рядах неумеренных хвалителей Лиги Наций.

Эта сессия показала лишний раз, что Лига Наций и не думает о действительном разоружении.

Тем не менее, на основании работ подготовительной комиссии можно косвенным путем определить, как империалисты мыслят себе разоружение.

Из предложения Поля Бонкура исключить из конвенции страны, уже разоруженные по мирным договорам (Германия, Венгрия, Болгария и Австрия), вытекает, что «разоружение», каким его себе мыслят французские и иные империалисты, не должно достигнуть степени уже разоруженных стран.

Следует еще отметить, что Польша, Румыния и Финляндия потребовали, чтобы предписания конвенции их не касались до присоединения к ней СССР.

* * *

Только-что закончившаяся 4-я сессия была созвана по постановлению сентябрьской сессии Лиги Наций. В заранее определенной повестке дня значились два вопроса: избрание комитета безопасности и назначение срока созыва 5-й сессии подготовительной комиссии.

Знакомство хотя бы в общих чертах с той скучной и нудной канителью, которой одни занимались 8 лет, а другие ждали от результатов этих занятий избавления от чудовищных вооружений, делает нам понятным то замешательство, которое произвело на буржуазных «миротворцев» и их подручных социал-предателей решение советского правительства принять участие в работах подготовительной комиссии по разоружению. Замешательство вскоре сменилось озлоблением и подлыми инсинуациями, когда стало известно, что в состав советской делегации входят тт. Литвинов, Луначарский, Угаров и проч.

Для всех стало ясно, что СССР не стал бы посылать такую сильную делегацию только для того, чтобы произвести выборы комитета по безопасности. И не менее ясно было для всех, что советская делегация сорвет маску с тех, кто годами скрывал под грудами бумаг, юридических и технических формул, свое нежелание хотя бы что-нибудь сделать для действительного разоружения. Этим и об'ясняются вой и измышления буржуазных и социал-демократических газетных писак о том, что советская делегация отправляется в Женеву с исключительной целью коммунистической пропаганды. Абсурдность этого утверждения очевидна, чтобы ее еще надо было опровергать.

Что Лига Наций за все время своего существования ничего не сделала для того, чтобы продвинуть вопрос об ограничении вооружения, а деятельно саботировала всякое начинание, клонившееся хотя бы к частичному уменьшению вооружения, что так прекрасно вскрыла советская декларация, зачитанная тов. Литвиновым в Женеве—в этом согласны с нами—коммунистами—даже наши злейшие враги.

Вслед за фиаско третьей сессии подготовительной комиссии даже Амстердамский Интернационал дал уничтожающую оценку «трудов» Лиги. Такую же оценку дал им целый ряд пацифистских обществ друзей Лиги Наций. Столп и основатель Лиги, лорд Роберт Сесиль, с именем которого связано все ее существование, в августе покинул это почтенное учреждение, убедившись в никчемности его работы на пользу мира.

В виде протеста против деятельности Лиги и ее «перерождения» из инструмента малых и больших равноправных государств в орудие великих государств ушел из Лиги Наций и французский представитель Анри де Жувенель.

Каковы результаты «миротворческих» усилий империалистов и их помощников в лагере социал-реформистов, лучше всего показывают цифры военных расходов и вооружений главных империалистических держав. Так, например, военные бюджеты главных империалистических государств, как показывает следующая таблица, почти вдвое выросли в 1927 году по сравнению с 1913 годом:

Государства	1913 г.	1927 г.	Приходится на 1 душу населения руб. в 1927 г.
	(в миллионах рублей).		
Франция	698	600	15,0
Англия	860	1.155	26,3
Италия	162	406	10,5
Сев.-Амер. Соед. Штаты	505	1.369	12,0
Япония	120	484	8,2
	2.345	4.014	13,6
СССР	—	—	4,3

Численность сухопутных армий тех же государств, кроме Японии, за те же годы также неуклонно возрастает.

Численность сухопутных армий (в тыс.) и военная подготовка населения.

Государства	1913 г.	1923 г.	1927 г.	Всего приходится военных на 1000 челов. населен. в 1927 г.
Франция	546	732	729	18,0
Англия	441	329	372	8,5
Италия	400	248	527	15,5
Сев.-Амер. Соед. Штаты	226	372	429	3,8
Япония	275	236	205	3,5
	1.888	1.917	2.262	—

Рост морских вооружений ни в чем не отстает от сухопутных. Из нижепомещаемой таблицы исключены линейные суда (дредноуты), количество которых ограничено Вашингтонской конференцией.

Современные боевые суда

Страны	Крейсеры		Лидеры и эскадренные торпедоносцы		Подводные лодки		Авионосцы	
	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)
Англия								
1922 г.	48	275	192	237	85	64	6	77
1926 г.	47	270	189	235	49	47	8	115
1930 г.	63	420	216	275	73	80	9	140
С.-А. С. Шт.								
1922 г.	23	210	306	367	142	88	2	30
1926 г.	33	231	306	367	126	80	2	30
1930 г.	41	300	328	384	134	92	4	88

Страны	Крейсеры		Лидеры и эскадренные торпедоносцы		Подводные лодки		Авионосцы	
	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)	Число	Тоннаж (в тыс. тонн)
Япония								
1922 г.	17	88	128	110	58	41	1	15
1926 г.	28	145	96	99	51	38	1	15
1930 г.	36	203	120	135	76	50	4	69
Франция								
1922 г.	11	110	59	51	51	35	—	—
1926 г.	15	134	74	89	54	39	—	—
1930 г.	26	210	130	170	112	125	2	29
Италия								
1922 г.	13	41	55	50	43	18	—	—
1926 г.	14	84	58	55	43	18	1	5
1930 г.	19	134	82	91	63	49	1	5

Мы ограничились приведением цифр, касающихся главных империалистических государств. Но малые государства в этом отношении ничуть не отстают от больших. По оценке Ллойд Джорджа, в одной Европе в настоящее время находится под ружьем 10 миллионов людей.

Таково было состояние умиротворенной Европы к моменту созыва подготовительной комиссии.

Франко-югославский договор, итало-албанский оборонительный союз, обостривше франко-итальянское соперничество, польско-литовский конфликт и угроза похода Пилсудского на Литву, что неминуемо вылилось бы в военный пожар в Восточной Европе,—все это происходило накануне и даже во время сессии подготовительной комиссии и крайне осложнило политическую обстановку. Казалось бы, что при таких грозных симптомах военной бури, подготовительная комиссия по ограничению вооружений при Лиге Наций, должна как раз заняться тем вопросом, который ее должен больше всего интересовать, т.-е. разоружением. Наличие советской делегации устраняло поводы для саботажа и выбивало у противников разоружения аргументы, которыми они до сих пор пользовались: СССР, мол, не хочет разоружить себя, а потому и мы не можем разоружиться. Эти условия, однако, не были использованы комиссией, так как она вовсе не намеревалась что-либо сделать в области разоружения.

* * *

«Война бродит вокруг нас»,—так определил политическое состояние Европы в момент открытия 4-й сессии подготовительной комиссии французский буржуазный публицист Жорж Понсо. Тем с большим, казалось бы, вниманием должна была бы отнестись комиссия к заявлению тов. Литвинова о готовности СССР к полному разоружению на суше, на море и в воздухе при одновременном разоружении и других государств. Ведь только 28 ноября Ллойд Джордж писал, что если СССР имеет искреннее намерение разоружиться, то тогда отпадает всякий предлог для преувеличенных вооружений его соседей, а следовательно, и Франции.

Излишне повторять всем известную декларацию советской делегации. Мы только хотим напомнить, что этот мирный акт нашего правительства не является первым по счету. На Генуэзской и Лозаннской конференциях

в 1922 году, на комиссии морских экспертов в Риме в 1924 году, на Московской конференции с лимитрофами в 1922 году, в многочисленной переписке с секретариатом Лиги Наций советское правительство в разных вариациях выражало свое искреннее и решительное желание способствовать делу разоружения и предлагало конкретную программу разоружения при условии разоружения и других государств.

Хотя, как мы выше видели, ни одно государство не уменьшило свои вооруженные силы, а их увеличило, СССР, тем не менее, сократил свою армию против 1913 года почти в три раза.

Декларацию тов. Литвинова отличает от прежних предложений ее конкретная и точная формулировка как об'ектов вооружения, подлежащих упразднению, так и тех средств, которые служат целям вооружения.

Впервые в стенах Лиги Наций раздались слова о разоружении, назывались точные даты его выполнения вместо того схоластического тумана, к которому так привыкли «миротворцы» из Лиги Наций. *Что эти конкретные предложения исходили от великого государства, это только усиливало их значение.* Но они, вместе с тем, внесли большое смущение в ряды тех, которые ничего слышать не хотят о разоружении, но зато дурачат мир в течение годов изысканием гуттаперчевых формул гарантий безопасности. Как будто бы разоружение само не есть первая и действительная гарантия безопасности. Недовольство буржуазных делегаций этими «неслыханными», детскими, «слишком простыми» предложениями, как их окрестила буржуазная пресса, увеличивалось еще тем, что делегации собрались для избрания комитета безопасности и определения срока заседаний следующей сессии подкомиссии, а их заставили не только выслушать предложения по разоружению, но и немедленно их обсудить.

Из словесной схватки, возникшей по этому поводу между т. Литвиновым и представителем буржуазной Франции Полем Бонкуром, заслуживают быть выделенными два момента. Этот, с позволения сказать, социалист понял лучше своих буржуазных коллег, дело которых он защищает, что отделаться от советских предложений так, как предлагали другие, то-есть ни принять, ни отвергнуть, не в интересах «ревнителей» мира из Лиги Наций. Надо было дать советской делегации бой на принципиальной почве, что и взял на себя сам господин Поль Бонкур. Но как жалка и убога была эта принципиальная защита излюбленных методов работы Лиги Наций!

«В статуте Лиги Наций,—пытался парировать убийственные аргументы советской декларации Поль Бонкур,—степень вооружения поставлена в зависимость от степени безопасности. Изменение метода опасно. Полное разоружение, как это сейчас Россия предлагает, поставит маленькие государства в зависимость от больших государств (! ! !), вот почему и необходим комитет безопасности».

Наконец, по мнению Бонкура, советские предложения уже потому непригодны, что они слишком просты.

Чего стоят такие «принципиальные» аргументы, лучше всего показывает нынешнее состояние вещей. И Поль Бонкур прекрасно понимает, что безопасность великого индустриального государства обеспечена в сотни раз лучше безопасности маленького и бедного государства. Следовательно, зависимость малых от великих государств не увеличится по сравнению с нынешним состоянием вещей, а безмерно уменьшится, когда разоружение будет повсеместно проведено. Этот трюк нужен был Бонкуру совсем для другой цели: ему нужно было настроить малые нации против неприемлемых для французского империализма слишком радикальных советских предложений.

В результате этих прений обсуждение советских предложений было перенесено на 5-ю сессию подготовительной комиссии.

Второй бой дала наша делегация по вопросу о времени созыва 5-й сессии подготовительной комиссии. Тов. Литвинов настаивал на 10 января. Остальные делегации стремились ее оттянуть елико возможно.

Тов. Литвинов аргументировал свое требование так. Опыт показал, что гарантии безопасности—это своего рода политическая квадратура круга, которую используют для осложнения и затемнения вопроса о разоружении. Так как подготовительная комиссия в своих работах ничем не связана с комитетом безопасности, то и не следует ставить в зависимость созыв пятой сессии от работ комитета безопасности.

Само собой понятно, что предложение тов. Литвинова было провалено. Постановлено созвать комитет безопасности 10 февраля, а подготовительную комиссию—15 марта.

Последующие события доказали всю правоту аргументации советской делегации и реальность ее требований не ставить вопрос о разоружении в зависимость от гарантий безопасности. Мы имеем в виду неудачные переговоры Франции с Сев.-Амер. Соед. Штатами по поводу заключения договора о «вечном» мире и меморандум английского правительства о гарантиях безопасности. Отказываясь признать выдвинутый Брианом принцип законности оборонительной войны против нарушителя мира и войны в защиту статута Лиги Наций, т.-е. послеверсальской Европы, С.-А. С. Ш. этим самым выразили свое отрицательное отношение не только к Лиге Наций, но и к принципу обязательного арбитража и гарантийных договоров, покоящихся на арбитраже. Английский меморандум по поводу работы комисии по безопасности, опубликованный 18 января, высказывается также весьма резко против принципа обязательного арбитража и таких гарантийных договоров, которые выдвигает на первый план французское правительство, как важнейший элемент в системе гарантий безопасности.

Франко-американские и франко-английские разногласия по вопросу о гарантиях обрекают заранее на неудачу работу комиссии по безопасности. Французы, как и их партнеры, знали это хорошо и раньше, но им всем нужно было провалить советское предложение о немедленном обсуждении вопросов разоружения для того, чтобы затянуть дело.

Для полноты следует еще указать на наше отношение к работам комитета безопасности. Советское правительство считает этот комитет ненужным, излишним и тормозящим дело разоружения. В его компетенцию входит рассмотрение ряда вопросов, помимо изучения состояния безопасности каждой страны и целых групп стран в отдельности, и пересмотр некоторых из статей статута Лиги Наций. Не желая брать на себя ответственность за затяжку работ комитета и принимать участие в изменении статей статута непризнанной им Лиги Наций, советское правительство отказалось официально участвовать в этом комитете. Но оно, однако, назначило туда своего наблюдателя, с информационной целью.

Последний шаг продиктован необходимостью быть в курсе всех вопросов и всей деятельности комитета безопасности. Тем более, что некоторые из этих вопросов, как, например, пересмотр 17-й статьи статута Лиги Наций с целью усиления санкций, долженствующих быть примененными к нечленам Лиги Наций, находящимся в войне с членами Лиги Наций, имеют также жизненный интерес и для нашей страны.

* * *

Подготовительная комиссия, верная традициям Лиги Наций, отодвинула на 3½ месяца неприятное для империалистов обсуждение советских предложений. Но отложить—еще не значит похоронить. Мы не предаемся никаким иллюзиям насчет дальнейшей судьбы наших радикальных предложений. Мы знаем, что они неприемлемы для буржуазных государств. Неприемлемы уже потому, как говорил Бонкур, что они слишком просты. Язык этих предложений уже слишком понятен рабочим, крестьянам и даже пацифистски настроенной мелкой буржуазии, страдающим от ужасов войны и непосильного налогового бремени в мирное время, чтобы они могли быть приняты. Именно поэтому буржуазная пресса старается изобразить дело так, что советские предложения являются тормозом для дела разоружения,—тормозом в том отношении, что они не могут быть приняты благодаря своей радикальности и «непрактичности» и вместе с тем отвлекают внимание от раз избранного метода работы Лиги Наций.

Само собой понятно, что враждебное отношение империалистов к нашей программе разоружения коренится не в ней самой, а в природе капиталистического мира, который не хочет и не может разоружить себя. И покуда существует капиталистическая система, до тех пор немыслимо проведение в жизнь принципов разоружения или хотя бы значительное облегчение военных тягот.

Вполне учитывая это, советская программа разоружения не ограничивается одним предложением о полном разоружении, но выражает также готовность работать и содействовать разоружению в приемлемой для большинства государств мере. Это ничуть не мешает буржуазной прессе трубить на весь мир о том, что советская программа разоружения—чисто пропагандистский маневр и что большевики избрали трибуну Лиги Наций для своих пропагандистских целей. Кое в чем они правы: советские предложения являются, действительно, прекрасным агитационным материалом, так как они выражают желания и настроения миллионов трудящихся.

Этого не скрывал и тов. Литвинов в своей речи, говоря, что СССР пропагандирует идею разоружения. Это учуяла крупнокапиталистическая французская газета «Information», когда она задавала тревожный вопрос: «Как отразится речь г. Литвинова на французских, германских и английских массах накануне выборов?».

Насколько страх о влиянии женевской дискуссии на рабочие массы велик, видно из того, что, как правильно замечает коммунистическая «Rote Fahne», буржуазная печать прежде выставляла СССР козлом отпущения за то, что из-за неулаженного конфликта с Швейцарией он не мог участвовать в работах Лиги Наций по разоружению, а теперь он является тем же козлом отпущения именно потому, что участвует в этих работах.

Чтобы опорочить предложения СССР, прибегают к самым диким небылицам. Та же «Information» писала в начале декабря, что в то самое время, когда Литвинов произносит радикальные и пацифистские речи, советское правительство готовится к... 4-му разделу Польши. 4-м разделом Польши она называет миролюбивые шаги СССР в Варшаве и Ковно, в значительной степени способствовавшие временному разряжению польско-литовского конфликта. Другой сенсацией дня явилась апокрифическая статья т. Сталина о «завоевании небес» воздушным флотом СССР. Все эти выдумки имеют определенную цель: опорочить миролюбивые выступления СССР в Женеве, ослабить влияние этого выступления на трудящиеся массы, уличить советское правительство в неискренности, подсовывая ему действия и намерения, которых у него нет и никогда не было.

Еще более дикую ярость вызвало наше предложение поручить рабочим после полного разоружения контроль над производством химических предметов, могущих быть обращенными на военные цели.

Приемы, употребляемые буржуазной печатью для борьбы с влиянием, оказываемым нашей программой разоружения на трудящихся, являются лучшим доказательством того, что она попала в цель. Она затронула один

из важнейших вопросов современности и поставила его в центр внимания международного пролетариата.

И в этом состоит положительная сторона выступления советской делегации в Женеве. Ссылаться на угрозу миру со стороны СССР в оправдание саботажа вопроса о разоружении теперь будет гораздо труднее, чем до сих пор.

Если буржуазная печать в целом учла вполне опасность советских предложений для дальнейшего саботажа разоружения и приняла их в штыки, то совсем другую позицию по отношению к советским предложениям заняли социал-демократическая печать и ренегаты Урбанс, Маслов, Фишер в «Знамени Коммунизма». «Форвертс» в статье от 1 декабря, посвященной советскому выступлению в Женеве, писал, что «участие советской делегации на подготовительной комиссии по разоружению означает отказ большевизма от насилия, через посредство которого он пришел к власти и удерживает ее, подавляя всех своих противников». «Доведя последовательно мысль до конца, русская женевская программа означает окончательный отказ от диктатуры. Диктатура есть господство того, кто имеет власть в своих руках, кто располагает вооруженной силой. Отказаться от вооруженной власти, значит отказаться от диктатуры». Несколькими строчками дальше «Форвертс» спохватывается и говорит, что, конечно, «никто не ожидает, что большевики сделают последовательный вывод из их новой теории». Это, тем не менее, не мешает ему дальше писать: «До этого еще Россия не дошла. Но не подлежит никакому сомнению, что она хочет мира. Она хочет трудиться, восстанавливаться, вести с заграницей дела, получать займы и аккуратно платить проценты».

Центральный орган австрийской социал-демократической партии «Arbeiter Zeitung» 1 декабря в статье «Русские в Женеве» также писал в крайне лирических тонах, начиная каждый абзац одними и теми же словами заголовка: «Русские в Женеве». Мы не станем передавать этих глупейших истолкований значения участия советской делегации на подготовительной комиссии. О характере этих истолкований дает полное понятие следующая цитата из этой статьи: «Русские в Женеве: это значит, наконец, почти отказ от тех аргументов, которые коммунисты противопоставляли социал-демократам. Теперь большевики сами в Женеве, и все лозунги, которые они изобретут для прикрытия этого поворота, не скроют того, что они сейчас сами делают то, в чем годами упрекали других».

Настроение господ австрийских и германских социал-демократов слишком понятно, чтобы стоило вступать с ними в полемику. Оно определяется страхами перед полевением масс, полевением низов их собственной партии, что с достаточной ясностью выявилось в июльских выступлениях венских рабочих и на выборах в Гамбурге. В апреле предстоят выборы в германский рейхстаг, и германские социал-предатели озабочены удержанием в их рядах еще следующей за ними рабочей массы. Извращая смысл и значение участия СССР на подготовительной комиссии по разоружению, они этим самым хотят создать у рабочих впечатление, что коммунисты делают теперь то же самое, что всегда делали они, социал-демократы.

Гг. Урбанс, Маслов, Рут Фишер и другие исключенные из германской компартии, находящиеся идейно и организационно связанными с нашей бывшей оппозицией, в статье «Разоблаченный Лениным Сталин» пишут: «Если русские на Женевской международной экономической конференции выставили антимарксистское утверждение, что социализм и капитализм могут, как экономические системы, существовать друг возле друга, то обещание принять участие в конференции по разоружению явилось только следствием этого утверждения. Но из этого следует и второй шаг, что означает: вступление в Лигу Наций. Участие в экономической конференции, участие в конференции

по разоружению и вступление в Лигу Наций,—это бесстыднейший политический обман международного пролетариата, проделываемый Сталиным» [1]).

Прежде всего следует обратить внимание на то, что социал-предатели из «Форвертса» и «Арбейтер Цейтунг» и ультра-левые ренегаты трогательно сходятся в оценке последствий выступления СССР.

Чувствуя шаткость своих клеветнических утверждений, они в номерах 39 и 40 «Знамени Коммунизма» пытаются подвести базу под свои позиции. Для этого они приводят длинные выдержки из блестящей статьи тов. Ленина «О лозунге «разоружения». В этой статье тов. Ленин точно и четко следующим образом определил отношения истинных социалистов к лозунгу разоружения [2]):

«Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо социальной революции и диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века, — как и вообще в эпоху цивилизации,—это не кулак и не дубина, а войско. Поставить в программу «разоружение», значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом так же нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: мы против применения насилия».

Далее «Знамя Коммунизма» приводит также и то место из статьи тов. Ленина, в котором он определяет отношение социалистов к войне, гласящее:

«Социалисты не могут быть против всякой войны, не переставая быть социалистами. Нельзя давать себя ослеплять теперешней империалистской войной. Для империалистской эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и демократические войны и восстания, например, угнетенных наций против угнетающих их за освобождение от гнета. Неизбежны гражданские войны пролетариата против буржуазии за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других, буржуазных или реакционных стран».

После этих и многих других цитат из статьи тов. Ленина, обличители руководства нашей партии восклицают: «Эти истины ныне забыты!»

Присмотримся ближе к этим «забытым» истинам. Тов. Ленин писал свою знаменитую статью в начале 1916 г., тогда, когда весь мир истекал кровью и только небольшие нейтральные государства были избавлены от бича войны. Непосредственным поводом для выступления тов. Ленина послужили, как он сам пишет, следующие причины:

«В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, например, в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта с.-д. программы-минимум: «милиция» или «вооружение народа» новым: «разоружение».

Какое практическое влияние могли иметь разговоры в этих маленьких странах на разоружение в тот период, говорить не приходится. Но тов. Ленину была дорога правильная установка в этом вопросе. И он эту установку точно очертил.

Изменила ли наша партия ленинскому пониманию разоружения? Не только не изменила, но кое-что, и немалое, выполнила из того, что Ленин считал предпосылкой победы рабочего класса над капитализмом.

В той же статье он выставляет такие требования рабочего класса: «права каждой, скажем, сотни жителей данной страны образовывать сво-

---

[1]) „Знамя Коммунизма" № 37 от 25/XI—27 г.

[2]) Тов. Ленин говорит всюду социалист, т. к. коммунистической партии тогда еще не было.

бодные союзы для изучения всего военного дела, со свободным выбором инструкторов, с оплатой их труда на казенный счет и т. д. Только при таких условиях пролетариат мог бы изучать военное дело действительно для с е б я, а не для своих рабовладельцев, и такого изучения безусловно требуют интересы пролетариата». Осуществлено зто в СССР или нет?

Этого не замечают ультра-левые ренегаты коммунизма и, конечно, этой неудобной для них цитаты не приводят.

Всем известно, как буржуазный мир использует наше резко отрицательное отношение к Лиге Наций. Но следует ли из этого, что надо отказываться от участия и какого бы то ни было контакта с Лигой Наций, не изменяя своего принципиального отношения к ней,—частности, в работе по разоружению, хотя мы знаем, что покуда существует капиталистический мир, разоружение невозможно? Ренегаты коммунизма утверждают, что нужно ради сохранения белизны коммунистических риз. Тов. Ленин несколько иначе смотрел на этот вопрос. Говоря об участии социалистов в «реформах», которые в данном случае равнозначащи «работам» Лиги Наций по разоружению, Владимир Ильич в той же статье пишет:

«Мы никоим образом не против борьбы за реформы. Мы не хотим игнорировать той печальной возможности, что человечество переживет—на худой конец—еще вторую империалистическую войну, если революция не вырастет из данной войны, несмотря на многочисленные взрывы массового брожения и массового недовольства и несмотря на наши усилия. Мы—сторонники такой программы реформ, которая т о ж е должна быть направлена против оппортунистов. Оппортунисты были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси какого-нибудь «разоружения», спасаясь бегством из печальной действительности. «Разоружение» есть именно бегство из скверной действительности, а вовсе не борьба против нее».

Может ли СССР удаляться в «заоблачные выси», когда разоружение даже в нынешней форме поставлено в порядок дня? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы дать на него отрицательный ответ.

Само собой понятно, что этого места из статьи тов. Ленина, направленной прямо против Урбанса и К°, не цитирует «Знамя Коммунизма». «Опираясь» на тов. Ленина в своей борьбе против руководства ВКП(б) и Коминтерна, они забыли «малость»—существование СССР. Вряд ли можно отмахнуться от этой «малости», как это делает «Знамя Коммунизма», ссылкой на враждебность тов. Ленина к «национальной ограниченности».

Вся несостоятельность и лживость утверждений Маслова, Урбанса и Рут Фишер очевидна для каждого честного пролетария. Какому классу такая «об'ективная» критика служит—не требует также особых доказательств.

Мы предоставляем также каждому коммунисту и беспартийному пролетарию подумать над теми сходными оценками, которые нашло выступление СССР в Женеве у социал-предателей и «истинных» хранителей заветов ленинизма, какими себя именуют ренегаты из «Знамени Коммунизма».

А. Леонтьев.

Хозяйственные перспективы СССР в кривом зеркале[1]).

2. Распределение национального дохода.

Мы уже видели выше, каким образом вопрос о темпе развития и темпе накопления упирается в проблемы, связанные с распределением национального дохода. Темп накопления низок, по мнению оппонентов, вследствие малой дифференциации доходов. Наши противники до чрезвычайности любят прикрываться интересами развития производительных сил. Надо ли после этого удивляться тому, что они выступают в защиту большей дифференцированности доходов. Ведь дифференциация доходов—это и есть предпосылка для повышенного темпа накопления, а стало быть, и для быстрейшего развития производительных сил. Дело заключается, таким образом, в логической последовательности. Правда, в советской стране иной раз неудобно,—как говорится, по независящим от редакции обстоятельствам, — открыто выступать в защиту пресловутой «дифференциации доходов». Поэтому подобные выступления так или иначе маскируются. Можно встретить все различные оттенки маскировки, начиная от густой завесы туманных рассуждений и кончая легкой кисеей весьма прозрачных намеков.

«Совершенно бесполезно давать в перспективе крупные цифры накопления и с ним вместе большие размеры капитальных вложений в народное хозяйство, если одновременно не обеспечить тех условий, в которых данное накопление может происходить», — так заканчивается одно из довольно ярких выступлений буржуазной критики госплановской пятилетки[2]). Условия, которые должны быть «обеспечены», касаются, как всякому понятно, прежде всего распределения народного дохода. Ряд авторов данного направления достаточно красноречиво дает понять, какие именно «условия» в этом смысле составляют предмет их чаяний.

Прежде всего оказывается, что при советском строе рабочий класс об'едает все остальные слои населения. Анализ итогов 1925—26 гг. обнаруживает, что «уровень потребления трудящихся масс города, выраженный в цифре выплаченной зарплаты, заметно (вероятно, на 25—30%) обогнал уровень национального дохода[3]). «За чей счет могло осуществляться повышенное потребление рабочего класса?»—вопрошает автор далее и дает следующий ответ.—Это могло иметь место «лишь в результате перераспределения той квоты национального дохода, которая идет в фонд потребления нации». Далее следует перечень источников этого «повышенного потребления» пролетариата. «Прежде всего, источником этого повышения уровня жизни... является значительное уменьшение потребления капиталистических слоев городского населения и высших служащих, другим источником могло явиться и отчасти явилось в действительности извлечение средств из сель-

---

[1]) Статья вторая. Первую статью см. в № 1 с. г.

[2]) Дезен. Цит. статья в «Экономическом Обозрении» № 5 за 1927 г., стр. 71.

[3]) Альб. Вайнштейн. Цит. статья «Эконом. Бюллетень Кон'юнктурного Института» № 11—12 за 1926 г., стр. 2—3.

ского хозяйства и относительное понижение потребления крестьянства, по сравнению с довоенным временем, в части промышленных товаров (в отношении сельскохозяйственных товаров понижение потребления, вероятно, не имело места)» [1]).

Буквально на следующей же странице тот же автор вынужден признать, в вопиющем противоречии с концом приведенной фразы, что «внутрихозяйственное потребление и накопление запасов деревней ряда сельскохозяйственных продуктов не снизилось, а, наоборот, увеличилось и, вероятно, превысило даже довоенные нормы (хлеб, масло, яйца) [2]). Иными словами, если уменьшилось потребление крестьянством промтоваров, то это падение так или иначе компенсируется тем, что значительно большая доля сельскохозяйственной продукции остается в руках крестьянства. Худшие противники советской власти не осмеливаются сколько-нибудь серьезно утверждать, что общий уровень благосостояния крестьянства в СССР относительно ниже довоенного. Таким образом, рушится попытка доказать, что рабочий класс «об'едает» крестьянство. Попытка тем более отравленная, что она исходит из кругов беззастенчивых идеологов кулачества, сельской буржуазии, как мы достаточно ясно увидим дальше. Между тем, всякому понятно, что именно рост сельской буржуазии означал бы для огромных масс бедняцко-середняцкого большинства крестьянства разорение и голод, кабалу и беззастенчивую эксплоатацию.

Остается, стало быть, замечательное открытие, что рабочий класс об'едает буржуазию и «высших служащих». В этом пункте мы можем доставить нашему автору удовольствие и согласиться с ним целиком и полностью. Действительно, если человек считает, что при капитализме буржуазия не живет за счет пролетариата, то он должен притти к выводу, что при советском строе пролетариат живет за счет буржуазии. Здесь все дело, как говорится, в точке зрения. Выше мы уже встречали утверждение того же автора, что высшие служащие (или, как он мило выражается, «ответственные хозработники») должны, собственно, потреблять не меньше, чем буржуазия прежнего времени. Если же это не имеет место, то, стало быть, рабочий класс жиреет за счет этих самых «высших служащих». Повторяем, со всем этим мы весьма охотно соглашаемся.

С этим положением не хотят и не могут, однако, примириться экономисты разбираемого нами направления. Они в различных вариантах предлагают довольно стройную и продуманную систему мер. В своей совокупности эти меры должны привести к уничтожению тех вопиющих ненормальностей в распределении национального дохода СССР, которые отличают нашу страну от всякого «культурного» капиталистического государства. Так как мы имеем дело с эволюционистами по самой природе, по самому нутру, то надо ли удивляться, что предлагаемые ими реформы в распределении доходов отличаются достаточной постепенностью? Медленно, зато верно—таков девиз.

Предлагаемые реформы касаются, прежде всего, конечно, политики заработной платы. Вот достаточно откровенная программа по этому вопросу: «Для понижения промцен на 30% за пятилетие нужно говорить о выравнивании номинальной заработной платы отсталых групп и профессий не путем ее поднятия, а путем небольшого снижения номинальной зарплаты для некоторых выдавшихся профессий и групп» [3]). Яснее желать нельзя: проводите в течение ближайших пяти лет политику не поднятия, а снижения заработной платы—таково откровенное требование классовых врагов пролетариата. Запомним, речь идет не о коротком сроке, а о целом пятилетии. Немного испугавшись своей собственной храбрости, автор пытается снабдить свою программу некоторыми оговорками. Эти оговорки, однако, решительно ничего не меняют по существу. Все же приведем их для большей наглядности.

[1]) Там же, стр 3—4.
[2]) Там же, стр 6.
[3]) А. Вайнштейн. Цит. ст. «Эк. Об.» № 7 за 1927 г., стр 42. Примечание. Курс. наш.

Прежде всего, в другом месте требование снижения зарплаты несколько завуалировано следующей формулировкой: «Такое понижение промцен может быть достигнуто при повышении номинальной зарплаты на 5—6% по сравнению с ее уровнем в 1925—26 гг.» [1]). Эта хитрость так наивна и неумна, что разгадать ее в состоянии даже ребенок. Статья появляется в IV квартале 1926—27 г. Речь идет о политике зарплаты на 5 лет: 1926/27—1930/31. В 1926—27 г. номинальная зарплата рабочих цензовой промышленности составляла уже 111,5% по сравнению с 1925—26 г. [2]). При таких условиях «повышение» зарплаты на 5—6% по сравнению с 1925—26 г. означает на деле понижение ее на 5,5—6,5% по сравнению с уже достигнутым уровнем. Всякий грамотный человек поймет это без труда. С таким же успехом можно было бы требование понижения зарплаты процентов на 50 замаскировать таким образом: мы предлагаем, мол, повысить зарплату на 30% по сравнению с 1920—21 г. Совершенно непонятно, на кого расчитан такой неловкий прием маскировки своих классовых чаяний.

Другая оговорка касается реального уровня зарплаты. «В конце-концов для населения важен не номинальный, а реальный заработок»,—замечает автор вслед за своим предложением понижения номинальной зарплаты. И автор милостиво обещает облагодетельствованным им рабочим повышение реального заработка в 1930—31 г. по сравнению с 1926—27 г. на 15—16%, заявляя при этом достаточно сурово, что «этот коэффициент—предельный» [3]). Нетрудно, однако, убедиться, что это обещание повышения реального заработка носит более чем проблематичный характер. Автор приходит к этому выводу при помощи примерно следующих расчетов. Индекс оптовых цен понижается на 22,5%, бюджетный индекс—на 17%; розничные цены падают вследствие рационализации торговли. В результате индекс стоимости жизни понижается на 20%. Такую «мелочь», как повышение квартирной платы, автор здесь упускает из виду. Между тем, именно на этом основании он считает, например, что при принятии запроектированного Госпланом снижения цен «общий индекс стоимости жизни навряд ли понизится к концу пятилетия более чем на 5%» [4]). Если даже, вследствие несколько большего снижения цен, запроектированного автором, индекс стоимости жизни понизится на 10%, то и тогда предлагаемая им политика зарплаты означает на деле стабилизацию реального заработка, примерно, на уровне, достигнутом в 1926—27 г. И это предлагается в отношении целого пятилетия, пятилетия, в течение которого должно быть достигнуто большое повышение производительности и интенсивности труда рабочего, значительный рост выработки.

Мы подробно остановились на наиболее откровенном и неприкрытом выражении чаяний классового врага в области политики зарплаты. Следует, однако, указать, что нападки на линию нашей партии в области политики заработной платы встречаются во всех почти без исключения выступлениях буржуазных экономистов по поводу пятилетних планов. При чем почти всегда эти нападки прикрываются следующими двумя благовидными предло-

[1]) Там же, стр 66—67.
[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр 540—541.
[3]) Цит. статья «Экон. Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 67.
[4]) Там же, стр. 44.

гами. В пятилетке Госплана открываются, изволите ли видеть, «неувязки»: 1) «между ростом заработной платы и проектируемым понижением цен» [1]; 2) «между ростом благосостояния города и ростом благосостояния деревни». Для «увязки» этих «неувязок» и берется под обстрел политика советской власти в области заработной платы.

Остановимся сначала на первой «неувязке»: между ростом зарплаты и снижением цен. Задача снижения промышленных цен действительно является одной из основных проблем ближайших лет. Необходимо во что бы то ни стало добиться снижения себестоимости продукции, чтобы при помощи снижения промцен достичь трех основных результатов: 1) уничтожения «ножниц» между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары; 2) смягчения разрыва между промценами СССР и мирового рынка и 3) поднятия покупательной способности советской валюты. Противники нащупывают, таким образом, действительно слабое место. Значит ли это, однако, что снижение цен может быть осуществлено любыми средствами, любым способом? Всякому понятно, что вообще говоря, снижение зарплаты, скажем, наполовину, дало бы немалый эффект в смысле снижения себестоимости и цен. Это явилось бы ярким образчиком капиталистических методов выполнения этой задачи. На этом пути была бы разрешена задача, скажем, в случае капиталистической реставрации в России. Иной путь, совершенно противоположный капиталистическому, свойствен экономической политике пролетарской диктатуры. Не снижение зарплаты, а ее неуклонный рост; еще более быстрый рост производительности труда; рационализация, улучшение методов работы, беспощадное изгнание всякого рода непроизводительных расходов—вот этот путь. Именно этот путь указан с полнейшей отчетливостью в директивах по составлению пятилетнего плана, предлагаемых ЦК XV партс'езду. Эти директивы исходят из необходимости «расширенного потребления рабочих и крестьянских масс», «роста благосостояния рабочего класса», «дальнейшего сокращения рабочего дня и роста заработной платы, особенно интенсивного в ее реальном выражении». Естественно, эти моменты берутся не в изолированном виде. Должно быть найдено оптимальное сочетание этих элементов с рядом других требований экономической политики, в первую очередь с необходимостью обеспечения определенного темпа накопления и хозяйственного роста страны и с необходимостью снижения цен. Но в том-то и дело, что с нашей точки зрения эти на первый взгляд противоположные и до известной степени действительно противодействующие тенденции могут быть согласованы между собой, а с точки зрения наших буржуазных противников между этими элементами—непроходимая пропасть. Используя преимущества переходного типа хозяйства над капиталистическим (преимущества, отрицаемые нашими противниками, но существующие в действительности), можно добиться снижения себестоимости, не приостанавливая дальнейшего роста зарплаты. Возможности рационализации, уничтожения непроизводительных расходов еще чрезвычайно велики; в этом отношении мы обладаем еще огромными резервами. Характерно, например, что работа по уточнению и более тщательной проверке, проводимая Госпланом над наметкой пятилетнего плана, уже к настоящему времени обнаружила возможность снижения промцен на 20—21% (вместо 17%, намеченных в первоначальном варианте) при том же, примерно, темпе роста зарплаты.

Перейдем ко второй «неувязке», якобы вытекающей из советской политики заработной платы: между ростом благосостояния города и деревни. Это один из излюбленных коньков буржуазной и мелкобуржуазной критики

[1] А. Соколов. «К критике пятилетней гипотезы Госплана». «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 10.

наших хозяйственных перспектив. В этом крайне важном вопросе существует довольно основательная путаница. Достаточно привести, например, следующие диаметрально-противоположные утверждения, исходящие от двух представителей одной и той же «школы», притом довольно спаянной, выступающей даже с коллективными работами. Один из них пишет: «Максимальное форсирование роста промышленности, стягивание населения в города и рост благосостояния городов, превышающий рост благосостояния деревни—такова основная установка пятилетнего плана. Такая установка в общем правильна и соответствует принятому курсу экономической политики на индустриализацию страны» [1]). И автор ограничивается лишь меланхолическим указанием, что, мол, «план... вызывает возражения... со стороны его выполнимости и со стороны тех конкретных форм, в каких рисуется индустриализация». Вот что заявляет ближайший соратник того же автора по этому поводу: «Разрыв между благосостоянием городского и сельского населения, имеющий место в настоящее время, построение Госплана предполагает в ближайшее пятилетие еще углубить. В этом заключается коренная ошибка всего построения Госплана» [2]). Итак, два автора, выступающие в другом месте с коллективной работой по критике пятилетки [3]), радикальным образом расходятся в оценке одного и того же явления. Один говорит: в общем правильна; другой утверждает: коренная ошибка. Как же обстоит на самом деле? Совершенно ясную и четкую постановку этого вопроса мы находим в тезисах ЦК к XV с'езду. «Сближение уровня жизни города и деревни,—читаем мы там,—прокладывает пути к устранению созданного капитализмом разрыва между ними и укрепляет союз рабочего класса и крестьянства, вовлекая последнее на социалистический путь развития и приобщая к активному участию в социалистическом строительстве в целом». Но что такое «благосостояние деревни». Как известно, «есть мужик и мужик». Без характеристики классовой окраски деревенской политики понятие «благосостояние деревни»—пустой звук. Рост «благосостояния деревни», рисуемого средними цифрами душевого дохода, потребления и т. д., может означать на деле быстрый рост сельской буржуазии при пауперизации огромного большинства крестьянской массы. Это—один вариант «роста благосостояния». Другой, совершенно противоположный путь отчетливо указан в резолюции XV партс'езда: «Развитие сельского хозяйства путем его механизации и интенсификации, перевод его на более высокие технические и социальные формы хозяйствования, кооперирование крестьянского населения, направление государственной и кредитной помощи исключительно бедняцким и середняцким хозяйствам и правильная политика цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию,—все это, увеличивая доходы крестьянского хозяйства, обеспечивает постоянное повышение материального и культурного уровня жизни беднейшего и среднего крестьянства при решительном ограничении эксплоататорских тенденций кулака».

Теперь не трудно разобраться в предмете спора двух «милых друзей». Совершенно ясно, что Я. Герчук исходит из типично капиталистического представления об индустриализации. На капиталистической основе индустриализация возможна только при посредстве роста и углубления пропасти между городом и деревней. Рост противоречий между городом и деревней—совершенно неизбежный спутник именно капиталистической индустриализации. Да оно и понятно: при капитализме деревня противостоит

[1] Я. Герчук. «Проблемы индустриализации СССР по перспективной пятилетке Госплана», «Финансы и Народное Хозяйство» № 25 от 19 июня 1927 г., стр. 3.

[2] Альб. Вайнштейн. «Зарплата и уровень благосостояния». «Финансы и Народное Хозяйство» № 28 от 10 июля 1927 г., стр. 3.

[3] См. «Эконом. Обозрение» № 7 за 1927 г., стр. 33, примеч.

городу в общем и целом, как мелкое товарное производство — крупно-капиталистическому типу хозяйства. Рост крупнокапиталистического производства неминуемо ведет к гибели мелких товаропроизводителей. Капиталистическая индустриализация означает, таким образом, гибель и разорение широчайших слоев крестьянского населения, усугубляемые ростом деревенской буржуазии—самого хищного и отвратительного типа эксплоататоров. Разумеется, целиком в плену этих привычных представлений пребывают те, которые считают рост противоположности между городом и деревней *неизбежным* и для советской индустриализации.

Уничтожение пропасти между городом и деревней было провозглашено одной из основных задач социалистического переустройства общества еще основоположниками научного коммунизма. Разумеется, выполнение этой задачи менее всего следует себе представлять в виде однократного и кратковременного акта. Наоборот, эта основная задача должна мыслиться скорее как общая линия хозяйственной политики для весьма продолжительной эпохи. И одним из существеннейших элементов этой линии является социалистическое кооперирование мелкого производства в деревне, уничтожение зародышей капиталистического развития сельского хозяйства. Капиталистическое развитие деревни вырыло бы в переходный период еще более глубокую пропасть между деревней и социалистическим городом, чем пропасть, имеющая место при капитализме. Поэтому перевод развития сельского хозяйства с капиталистических рельсов на товарищеско-социалистические — основное условие преодоления разрыва между городом и деревней. *Такой* ли путь имеют в виду наши противники, когда они лицемерно льют слезы по поводу разрыва между городом и деревней?

Здесь мы подходим к *одному из важнейших* вопросов, связанных с проблемой распределения национального дохода и с выбором основной линии хозяйственной политики вообще. Речь идет о *классовой* установке советской политики в области *сельского хозяйства*. Следует указать, что как раз эта часть буржуазной программы, развернутой за последнее время определенной школой экономистов, встретила уже достаточно решительный отпор в нашей экономической прессе [1]). Таким образом, этой части буржуазной критики более всего «повезло». Чтобы избежать повторений, мы специально на этом вопросе останавливаться не станем, отсылая читателя к указанным в сноске статьям. В этих статьях дается исчерпывающая антикритика наскоков буржуазной критики по этому поводу. Здесь мы ограничиваемся лишь краткой характеристикой позиции наших противников в этом существеннейшем и чрезвычайно важном вопросе. Такая характеристика совершенно необходима в целях сохранения связности изложения.

Как известно, определенная школа буржуазных экономистов выступает более или менее откровенно (поскольку это допускается советскими условиями) в качестве глашатаев и апологетов капиталистической эволюции советской деревни. Надо ли указывать, что классовые чаяния кулака, идеологическим отображением которых является эта серия выступлений, тщательно сервируются под весьма учеными соусами? Надо ли повторять, что вся неприглядность кулацких интересов здесь тщательно вуалируется плотной оболочкой логических хитросплетений? Разумеется, советская линия деревенской политики критикуется только под углом зрения такого бесклассового и надпартийного критерия, как развитие производительных сил. Наши противники ничего не имеют против социалистического строительства в деревне, против бедноты, они только заявляют, что 1) развитие производительных сил может происходить лишь при условии развязывания полной свободы капиталистических отношений в деревне и 2) развитие производительных сил должно являться высшим критерием при выборе той или иной линии; все остальные соображения должны быть подчинены этому критерию. Оба эти пункта, разумеется, лживы с начала до конца. Критерий развития производительных сил чрезвычайно сложный и тонкий критерий. Здесь нередко возможно столкновение интересов временных, местных и преходящих с интересами основными, общими и длительными. Основная линия заключается в том, что только социализм обеспечивает максимальное развитие производительных сил человеческого общества. Такова *основная* установка; это обстоятельство наши противники должны зарубить себе на носу. Если же на пути к достижению этой основной цели—социализма—встречаются участки, где социалистические цели вступают во временное противоречие с преходящими, местными и случайными в конечном счете интересами дня в области развития производительных сил, то единственно правильным является решительный выбор социалистического пути и пренебрежение этими случайными интересами того или иного дня, того или иного года, при чем такая линия должна быть оправдана именно с точки зрения правильно понимаемых интересов развития производительных сил. Ибо основной и общий интерес здесь ставится выше интереса временного и местного. Не менее ложным, однако, является утверждение, что только тип капиталистического фермерского хозяйства обеспечивает в наших условиях максимальное развитие производительных сил. Нет сомнений, с американским типом фермерского хозяйства на земле, радикально очищенной от крепостнических пережитков, связано известное убыстрение темпа развития сельского хозяйства. Но это убыстрение (если брать не перспективу одного года или пары лет, а достаточно длительный срок) с лихвой компенсировалось бы колоссальным злом, приносимым капиталистической эволюцией сельского хозяйства в наших условиях: разорением и гибелью основной бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Мы уже не говорим о том, что капиталистическое развитие в деревне означало бы крах советского хозяйства, как системы переходной к социализму, и неминуемо повлекло бы за собою реставрацию капиталистических отношений во всем народном хозяйстве. Впрочем, последнее обстоятельство вряд ли окажется убедительным аргументом против капиталистической эволюции деревни для буржуазного экономиста: как совершенно понятно, необходимость и неизбежность капиталистической реставрации в СССР не подлежит для него никакому сомнению.

Апологетами капиталистической эволюции деревни являются те буржуазные экономисты, которые на словах протестуют против разрыва в благосостоянии города и деревни. На деле они проектируют вместо этого разрыва установить и все более расширять еще в тысячу раз худший *разрыв* в благосостоянии *различных групп* в самой деревне. Неприкрытым лицемерием в устах такого экономиста звучит фраза: «В случае сближения уровней благосостояния (города и деревни) был бы ослаблен приток безработных из деревни в город» [1]). В каком смысле экономисты данного направления понимают благосостояние деревни, видно из следующей цитаты (число подобных цитат могло бы быть сильно увеличено): «Препятствия к поднятию благосостояния наиболее крепких слоев крестьянства сами по себе служат задерживающим фактором в деле накопления» [2]). Итак, «поднятие благосостояния *наиболее крепких слоев крестьянства*» (что уже

[1]) См., например, статьи С. Струмилина «Индустриализация СССР и эпигоны народничества», «Плановое Хозяйство» №№ 7 и 8, М. Кубанина «Буржуазная программа в земельном вопросе (о проф. Кондратьеве, Макарове и Хауке)» в журнале «На Аграрном Фронте» и Н. Ковалевского «На новую ступень» в №№ 4 и 5 «План. Хозяйства».

[1]) Альб. Вайнштейн. «Зарплата и уровень благосостояния и т. д.» «Финансы и Народное Хозяйство» № 28 от 10 июля 1927 г., стр. 3

[2]) А. Дезен, цит. статья «Экон. Обозрение» № 5 за 1927 г., стр. 66.

может быть «крепче» кулака?) — вот что необходимо в первую очередь. Но кто не понимает, что «поднятие благосостояния» деревенской капиталистической верхушки может последовать лишь в результате обнищания основной массы крестьянства, что такое «поднятие благосостояния» означает не ослабление притока безработных в города, а, наоборот, невиданно стремительную эмиграцию поуперизуемой массы крестьянства в города?

Для развития народного хозяйства необходимо накопление. Для обеспечения накопления необходимо уничтожение социалистической политики заработной платы. Для роста накопления необходима свобода капиталистической эксплоатации в деревне. Такова несложная философия распределения национального дохода буржуазных экономистов в основных чертах. Некоторые второстепенные штрихи лишь придают этой философии еще больше яркости.

Есть у нас, оказывается, «целый ряд факторов, которые подрывают в широких кругах населения стремление к индивидуальному сбережению — такова, в частности, система социального обеспечения, осуществляемая целиком за счет государства и его органов» [1]. Такие вещи обусловливают «потребительский уклон нашего хозяйства», который «теперь представляет значительную угрозу для дальнейшего роста». В другом месте мы, например, узнаем, что «принцип социализации воспроизводства рабочей силы... неприемлем, ибо противоречит в современных условиях развитию производительных сил страны». Оказывается, что «для увеличения производительности труда мы должны увеличивать как раз долю индивидуальной оплаты труда, сокращая часть зарплаты, идущую рабочему через начисление, в виде медицинских, социально-культурных и других услуг» [2]. Иными словами, недостаточно одного лишь понижения зарплаты. Помимо того, необходимо уничтожить социальное страхование, медицинскую помощь, социально-культурное обслуживание работы масс. Лишь тогда хозяйство утратит свой «потребительский уклон», лишь тогда появятся «стимулы к накоплению», лишь тогда возрастет производительность труда. Вместо социалистической политики в области труда—политика азиатской, дикой и некультурной эксплоатации,— таковы потаенные вожделения классового врага. Речь идет именно об азиатских методах, столь привычных истинно-русской буржуазии. Ибо ведь социальное страхование или медицинская помощь существует даже в капиталистических странах Европы.

Скверные у нас условия для плодотворной «научной» деятельности. По известным причинам нельзя, например, прямо выступить с предложением увеличить доходы частного капитала. По отношению к деревне дело обстоит куда свободнее. Там мы говорим о росте благосостояния «наиболее крепких слоев крестьянства». Словечко «крестьянство» служит, таким образом, прикрытием для понятия «деревенская буржуазия». А как быть с городской буржуазией? Нельзя же ее, в самом деле, так же величать «крестьянством»! Но ведь, если мы предлагаем согнуть в бараний рог рабочего, то должны же быть у нас какие-либо цели. Только дураки могут предполагать, что нас тревожит забота о росте накопления социалистического сектора. Мы думаем совсем о другом... Как ни стараешься удержаться от излишней болтливости в опасных местах, иной раз прорвется. Вот, не угодно ли? «Не менее резкое возражение вызывает проектирование Госпланом значительной дифференциации возрастания доходов различных групп населения в городе. При уве-

[1]) А. Дезен, цит. статья, стр. 67.
[2]) Альб. Вайнштейн, цит. статья «Финансы и Народное Хозяйство» № 28, стр. 3—4.

личении денежной зарплаты рабочих крупной промышленности на 33,3%, увеличение денежных доходов других отраслей наемного труда (строительство, торговля, гос. и общественные учреждения и проч.) проектируется в значительно меньших размерах... Рост доходов других слоев городского населения (ремесленников, кустарей, торговцев, лиц свободных профессий, пенсионеров, стипендиатов и т. п.) предполагается еще значительно меньший»... [1]).

Действительно, пятилетка Госплана составлялась закоренелыми преступниками. Они, например, имеют преступное намерение добиться проведения режима экономии в области «торговли, гос. и общественных учреждений». Они предполагают провести борьбу против бюрократизма, непроизводительных трат и накладных расходов в этих областях труда. В связи с этим, «доходы наемного труда» этих областей дают меньший рост, нежели доходы промышленного пролетариата. Но тут на защиту бюрократа, разгильдяя, паразитарных элементов, попадающих под сокращение, выступает буржуазный экономист и грозно заявляет Госплану: «Не смей трогать, я возражаю». Эта смехотворная картина может показаться даже несколько странной. Ведь тот же экономист достигает вершин красноречия, когда доказывает необходимость ограничения потребления пролетариата, невозможность повышения зарплаты рабочим из-за необходимости обеспечить темп накопления. А здесь он берет под свою защиту бюрократические излишества, поглощающие уйму средств непроизводительно. Противоречия, однако, мы тут не усматриваем: тут проводится лишь определенная классовая линия. Та же классовая установка еще ярче звучит в пункте, касающемся торговцев. Оказывается—о, ужас!—доход торговцев должен дать «еще значительно меньший» рост. Ну, как тут не протестовать! Правда, торговцы в этой фразе заботливо окружены с обеих сторон менее одиозными элементами, для каковой надобности пришлось мобилизовать даже пенсионеров и стипендиатов. Но кого, в конце-концов, в состоянии обмануть такие наивные приемы!

3. Направление хозяйственного развития.

На ряду с темпом хозяйственного развития, на ряду с принципами распределения народного дохода для судеб социалистического строительства колоссальное значение имеет то или иное направление в развитии народнохозяйственного организма. Вообще говоря, любое народнохозяйственное целое может развиваться не только различным темпом, но и в различных направлениях. Какое из направлений побеждает—зависит при капиталистическом и докапиталистическом строе от соотношения сталкивающихся в процессе стихийной борьбы сил и факторов. Поскольку мы в данной связи имеем в виду хозяйство строящегося социализма, необходимо отметить огромное влияние сознательного воздействия—в форме экономической политики пролетарского государства—на самое направление хозяйственного развития. Разумеется, этому сознательному воздействию поставлены определенные об'ективные границы и рамки; все же в пределах этих границ имеются значительные возможности.

Какова программа наших буржуазных оппонентов по вопросу о направлении хозяйственного развития? В самых общих чертах она сводится к тому, чтобы, признавая на словах необходимость индустриализации, бороться на деле против осуществления индустриализаторской программы, требуя ее замены программой аграризации страны.

[1]) Альб. Вайнштейн. «Зарплата и пр.». «Финансы и Народное Хозяйство» № 28, стр. 24.

В условиях Советского Союза индустриализация и строительство социализма—синонимы в том отношении, что вне индустриализации победа социалистического строительства немыслима. Индустриализация является совершенно необходимым условием социалистического строительства. Индустриализация является совершенно необходимой предпосылкой: 1) роста социалистических элементов внутри народнохозяйственного целого и 2) придания народнохозяйственному организму СССР большей внутренней устойчивости и максимальной независимости от мирового капиталистического хозяйства. Индустриализация страны должна выражаться как: 1) в росте индустрии более быстрым темпом, нежели рост сельского хозяйства, так и 2) в более быстром росте отраслей индустрии, производящих средства производства, по сравнению с отраслями, производящими средства потребления. После XIV парт'съезда это положение сделалось как будто азбучной истиной.

Нас не должно, однако, особенно удивлять то обстоятельство, что буржуазные критики пятилетки берут это положение в штыки. Дымовой завесой здесь, как и в других пунктах, служат мнимые заботы о процветании сельского хозяйства. Ход мыслей здесь более или менее однороден: он сводится в общих чертах к следующему. Необходимо прежде всего обеспечить намеченный темп развития сельского хозяйства. Так как общий темп народнохозяйственного развития, по мнению критиков, чрезвычайно преувеличен, то гарантия осуществления принятого темпа развития сельского хозяйства возможна лишь в том случае, если будет значительно снижен проектируемый темп развития промышленности. Но снижение темпа промышленности может вызвать и обострить товарный голод. Поэтому необходимо иное распределение долей между производством средств производства и производством средств потребления. Вот достаточно показательная формулировка этого «кладезя идей». «Должны быть уменьшены капитальные затраты в других отраслях народного хозяйства (промышленность, электрификация, производство средств производства)» [1]. «В виду снижения общей суммы капитальных вложений и необходимости перераспределения последних в пользу сельского хозяйства, должны быть уменьшены капитальные затраты в других отраслях народного хозяйства, в первую очередь, на промышленность и электрификацию. Тем самым должен быть несколько снижен темп роста промышленного производства за пятилетие, при чем в большей мере за счет производства средств производства, чем за счет производства средств потребления, дабы можно было сбалансировать спрос и предложение товаров широкого потребления» [2]. Можно смело сказать, что за одним-двумя исключениями, этот ход рассуждений в тех или иных вариациях повторяется буквально во всех литературных выступлениях буржуазных экономистов по поводу пятилетних перспектив. Вот другая формулировка той же основной программы: «Необходимо обеспечить (намеченный) темп роста сельского хозяйства... Для этого нужно увеличить капитальные вложения в сельское хозяйство, доведя их, скажем, до двух миллиардов рублей... вместо 1.391 миллионов рублей, проектируемых Госпланом... Путем некоторого перераспределения... капитальных вложений внутри промышленности между отраслями, производящими средства производства и отраслями, производящими средства потребления, необходимо добиться увеличения общей массы промышленной продукции... Без этого нельзя будет добиться понижения цен» [3].

Делаются даже попытки подкрепить такого рода предложения соображениями об... убыстрении темпа хозяйственного развития: «Не одно и то

[1]) Альб. Вайнштейн, цит. статья «Эконом. Обозрение» № 7, за 1927 г.
[2]) Та же статья, стр. 65.
[3]) А. Соколов, цит. статья «Вестник Финансов» № 7, за 1927 г., стр. 22.

же,—пишет один из экономистов,—для темпа ближайшего пятилетия будет значить вложение 200 млн. рублей в Днепрострой, или в минеральные удобрения полей, купив их за границей... Во втором случае мы получим почти немедленный эффект, а в первом—лишь через 5—10 лет, притом совершенно неопределенный. Все вложения в быстро рентирующиеся предприятия будут ускорять темп развития в первом пятилетии, а в медленно рентирующиеся—замедлять его. И чем страна беднее, тем больше она должна считаться с этим» [1]).

Программа, таким образом, развернута достаточно яркая. Плюньте на Днепрострой, ввозите-ка лучше минеральные удобрения из-за границы. Оставьте всякие мечты о тяжелой индустрии—производите лишь побольше товаров широкого потребления. Наконец, урежьте до последних пределов промышленность, все средства вкладывайте в сельское хозяйство.

Совершенно ясно, что это—программа деиндустриализации страны, или, точнее сказать, медленной индустриализации в индийском стиле. Так происходит индустриализация колониальных стран. Метрополия искусственно сохраняет аграрный характер своих колоний: она их ценит прежде всего, как источники дешевого сырья сел.-хоз. происхождения. Поскольку индустриализация происходит, она носит чрезвычайно однобокий характер. Развиваются отрасли, производящие средства потребления. В отношении средств производства колония сохраняет свою рабскую зависимость от метрополии: средства производства ввозятся оттуда, внутри же страны они не производятся. Какое дело, однако, экономистам определенного направления до всего этого? Путь, предлагаемый ими, ведет прежде всего к превращению советской страны в безвольную колонию, в беззащитный придаток мирового капитализма. Этот путь парализует обороноспособность страны в основном, хозяйственном отношении. Этот путь не усиливает нашу мощь по отношению к капиталистическому окружению, с которым мы рано или поздно неизбежно придем в столкновение. Напротив, этот путь выдает нас с головой империалистическим противникам вначале в области хозяйственной, а затем, стало быть, и в военнополитическом отношении. Нечего и говорить, что этот путь означает постепенное захирение социалистических командных высот пролетариата и более или менее скорый крах всего социалистического строительства.

Именно эта программа решительно осуждена резолюцией XV парт'съезда. Вот, что мы там читаем по этому поводу:

«Равным образом должна быть отвергнута общая установка на «временное» форсированное кредитование сельского хозяйства и максимальное расширение хлебного экспорта за счет индустриальных вложений. Эта политика, которая, в пределах монополии внешней торговли, давала бы наибольшее расширение внешнеторговых операций, противоречила бы политике индустриализации страны, задерживала бы рост нашей индустрии и хозяйственно разоружала бы Союз перед лицом внешнего капиталистического врага». Отвергая эту установку, усиленно рекомендуемую буржуазными экономистами, резолюция XV парт'съезда намечает совершенно противоположную линию с ясностью, не допускающей никаких кривотолков. «В соответствии с политикой индустриализации страны, в первую очередь должно быть усилено производство средств производства с тем, чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т.-е пред'являемый с их стороны производственный спрос, был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой

[1]) А. Никитский, цит. статья «Вестник Финансов» № 7 за 1927 г., стр. 54.

индустрии, которые подымают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства. Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной и цветной металлургии, дальнейшее развертывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, электропромышленности и химических производств в особенности в части производства искусственных удобрений».

Так сталкиваются две основные линии в вопросе о направлении хозяйственного развития советской страны. Один путь ведет к индустриализации, другой—к сохранению аграрной отсталости. Одна линия ведет вперед, к социализму, другая—назад, к капитализму. Одна установка—пролетарская, другая—буржуазная.

4. Социалистическая или капиталистическая индустриализация?

В настоящую эпоху в Советском Союзе делается первая в истории попытка индустриализировать огромную страну на социалистических началах. Ряд стран проделал, как известно, свой путь индустриализации гораздо раньше нас. Но до сих пор историческая практика знала лишь капиталистические методы индустриализации. Надо ли удивляться, что представления и теоретические взгляды, связанные с капиталистическими способами индустриализации, оказываются весьма живучими? Между тем, наш опыт социалистической индустриализации еще довольно мал, совершенно не разработан и не систематизирован.

До сих пор мы встречались с авторами, которые, в сущности, являются противниками линии на индустриализацию; если они иной раз выступают под личиной «друзей» индустриализации, то это, право, такие «друзья», которые хуже прямых противников. Уже на этом основании мы не можем целиком согласиться с утверждением такого рода: «В современной группировке общественных сил мы, по существу, не имеем в СССР таких классов, которые были бы заинтересованы в том, чтобы поддерживать чисто аграрный строй Советского Союза» [1]). Напротив, именно в современной обстановке определенные группы—прежде всего капиталистические слои деревни—являются и не могут не являться коренными противниками индустриализации. Разумеется, не следует переоценивать удельный вес этих групп. Еще менее допустимо впадать в какой-либо степени в панику перед призраком якобы безудержного роста кулака. Но из этого вовсе не следует, будто можно успокоиться на таком идиллическом представлении, что все классы и группы заинтересованы в индустриализации и являются ее сторонниками и защитниками. Именно в современной обстановке индустриализация является для кулацкой, эксплоататорской прослойки деревни достаточно ненавистным лозунгом. Этим слоям индустриализация сулит укрепление пролетарской власти в стране, консолидацию и рост социалистического сектора народного хозяйства. С другой стороны, индустриализация является преградой на том пути смычки с иностранным капиталом, который не может не составлять предмета чаяний кулацких элементов. Нет сомнений, поэтому, что эти группы относились бы довольно враждебно к индустриализации даже в том случае, если бы она проводилась под капиталистическим знаком. Правда, значительная доля остроты в этой враждебности могла бы исчезнуть. Социальная противоположность интересов пролетариата и буржуазных прослоек сменилась бы в этом случае внутренней склокой между буржуазией сельскохозяйственной и индустриальной. Тем не менее, можно считать, что деревенская буржуазия и в этом случае была бы во всяком случае, например, против протекционистской политики, необходимой для ускоренного осуществления индустриализации в капиталистических условиях.

[1]) Профессор З. С. Каценеленбаум, цит. ст. в «Соц Хоз» № 2 за 1927 г., стр. 5.

Так обстоит дело в отношении капиталистических прослоек деревни. Совершенно иную картину должны представлять чаяния капиталистических элементов города и тех слоев, которые находятся под их влиянием, к ним тянутся или от них зависят. Для буржуазных слоев города рост промышленности, рост городов и городской жизни является необходимейшим условием существования. Как эти слои должны относиться к индустриализации? Все зависит от того, о *какой* индустриализации идет речь, с каким, так сказать, знаком она берется. Социалистическая индустриализация сулит этим слоям, пожалуй, столь же мало приятного, как и деревенской буржуазии. Зато в проведении капиталистической индустриализации эти слои были бы кровно заинтересованы. *Такая* индустриализация явилась бы залогом их роста и преуспеяния.

Среди этих слоев не может не зародиться мысль о том, нельзя ли индустриализацию страны «немножечко» повернуть с социалистических рельсов на капиталистические. Точно так же буржуазные прослойки деревни мечтают о том, как бы индустриализацию превратить в аграризацию страны, или, по крайней мере, как бы навязать стране индийский тип индустриализации (производство предметов потребления при помощи ввозимых из-за границы средств производства). Мы уже видели, как подобные чаяния деревенских капиталистических групп находят свое отражение в ученых произведениях экономистов. Чаяния капиталистических групп города также не остаются без влияния на литературную полемику экономистов вокруг пятилетних перспектив народнохозяйственного развития СССР.

Выше мы же отмечали, что во всем достаточно единодушном хоре экономистов, осуждающих госплановское детище за нескромное желание продвигаться вперед несбыточным и непосильным темпом, резким диссонансом звучит голос профессора З. С. Каценеленбаума. В полную противоположность *всем* без исключения своим ученым коллегам, профессор Каценеленбаум считает проектируемый Госпланом темп не только не форсированным, но, напротив, явно *недостаточным*. Профессор Каценеленбаум называет госплановскую пятилетку «пессимистическим документом». Он считает, что при проектируемом темпе мы через пять лет «будем у того же самого разбитого корыта, у которого мы стоим и сейчас» [1]). Сказано, как видите, довольно сильно. В чем же корень этой гибельной сверхосторожности? «Этот осторожный подход коренится в финансовой стороне плана» [2]). Оказывается, «пятилетка Госплана доводит до своего логического конца ту идею устранения кредитного источника из области финансирования индустриализации, которая... нашла до того свое отражение в ряде документов». Автор—решительный сторонник широчайшего использования кредитного источника,—или, как он предпочитает говорить, кредитного метода—в деле финансирования индустриализации. Именно широкое использование этого метода должно дать, по его мнению, значительное убыстрение темпа хозяйственного развития, убыстрение, которое нас, наконец, отдалит от современного «разбитого корыта».

Присмотримся несколько ближе к аргументации автора. Его основной, в сущности, тезис гласит: «Мы не должны подходить к аккумуляции нацио-

[1]) Профессор Каценеленбаум, цит. статья, стр. 24.
[2]) Там же.

нального накопления—чистого национального дохода трудового населения—такими методами, которые подрывают стимулы к труду...

Этим методам противостоит метод аккумуляции чистого национального дохода при помощи кредита»[1]).

Имеются ли у нас вообще какие-либо возможности накопления?—спрашивает автор. На этот вопрос он без колебаний дает утвердительный ответ. Такие возможности существуют: налицо имеется «чистый национальный доход», который должен служить и в действительности служит источником накопления, источником средств для индустриализации, стало быть. Но дело в том, что аккумулировать средства из этого фонда «чистого национального дохода» можно различными методами. Основными практикующимися у нас методами являются следующие три: 1) внутрипромышленное накопление, 2) бюджет и 3) кредит. Автор находит, что между двумя первыми способами в наших условиях, когда промышленность находится в руках государства, существует чрезвычайно близкое сходство. В одном случае доходы трудового населения перекачиваются в общую кассу государства и промышленности при помощи высоких цен, в другом случае—при помощи налогов. Обоим этим методам присущ колоссальный недостаток с народнохозяйственной точки зрения, именно: эти методы «подрывают стимулы к труду» среди широких слоев трудового населения. Поэтому надо «подойти к населению с правильными методами по направлению... национального дохода в сторону индустриализации»[2]). Таким правильным методом, как уже было сказано, является кредитный. В противоположность первым двум способам, этот метод не только не подрывает стимулов к труду, а, наоборот, развивает в населении бережливость и трудолюбие. Укрепляется стремление к сбережению, усиливается заинтересованность в труде и его результатах.

Некоторые полагают, что кредит должен явиться подсобным источником средств для индустриализации на ряду с использованием первых двух источников: внутрипромышленного накопления и бюджетных ресурсов. Роль кредитной аккумуляции мелких сбережений в этом смысле никто, в сущности, не отрицает. Напротив, довольно общепризнанным является то положение, что при умелой постановке дела этот источник может, действительно, дать существенные добавочные суммы.

Можно, разумеется, спорить о том, достаточно ли предусмотрены эти кредитные ресурсы и источники в госплановской пятилетке. Можно считать, что пятилетка оценивает наши возможности в этом направлении чересчур пессимистически, что запроектированы чересчур низкие цифры. Этот ли вопрос подымает наш автор? В этом ли смысле считает он нужным внести поправку? Нетрудно убедиться, что весь вопрос о «кредитном методе» автор ставит в совершенно иную принципиальную плоскость.

Он рассматривает «бюджетный и кредитный источник, как взаимно друг друга исключающие». Оба эти рычага (к первому автором относятся, как мы помним, не только налоговые из'ятия, но и внутрипромышленное накопление) могут приводить в движение одну и ту же массу, а именно: чистый национальный доход, являющийся общим резервуаром, из которого черпаются средства для накопления. Если эти средства уже из'яты при помощи первого рычага—на долю второго метода ничего не остается. Эти оба метода не дополняют друг друга, не существуют мирно рядом друг с другом. Напротив, они друг другу в корне враждебны, друг друга исключают. И так как кредитный метод обладает таким колоссальным преимуществом, что

[1]) Профессор Каценеленбаум, цит. статья, стр. 29; у автора вся эта цитата выделена курсивом.

[2]) Там же, стр. 19; у автора подчеркнуто.

он усиливает стимулы к труду, между тем как бюджетный (вместе с внутрипромышленным накоплением) метод эти самые стимулы парализует, то можно ли сомневаться в выборе? Между двумя взаимно исключающими методами следует выбирать, и выбор может быть только один: в пользу «кредитного метода».

Разумеется, автор выступает в защиту постепенного перехода от одного «метода» к другому. «Это не значит, конечно, что мы уже с 1927—28 года можем сразу отказаться от внутрипромышленного и бюджетного накопления и сразу же поставить всю ставку на кредит. Предлагаемая перемена рычага аккумуляции должна произойти постепенно на протяжении предстоящих пяти лет»[1]).

Итак, речь идет о постепенной «перемене рычага аккумуляции». Не может быть сомнений в том, что принципиальная постановка проблемы у автора совершенно иная, чем у многочисленных практиков-хозяйственников и экономистов, выступающих часто в защиту более полного использования тех возможностей, которые у нас имеются в деле собирания мелких сбережений при помощи кредита. В чем заключается своеобразие выдвигаемой автором точки зрения?

Прежде всего, мы почти не находим здесь упоминания про такой фактор нашей экономики, каким является частный капитал. Лишь в одном месте автор как бы вскользь замечает, что, мол, «нетрудовое население играет... в настоящее время в нашем Союзе незначительную роль»[2]). Да еще в другом контексте мы встречаем следующее замечание, сделанное мимоходом: «Мы не хотим этим преуменьшать значение бюджета как аппарата перераспределения накоплений, образующихся внутри сектора государственного хозяйства, и как органа борьбы с социальным неравенством. Но эти роли бюджета ограничены определенными рамками»[3]). Все это до чрезвычайности характерно. Даже упоминая о роли бюджета в деле перераспределения накоплений, автор видит эту проблему лишь в отношении накоплений, «образующихся внутри сектора государственного хозяйства». Каждому понятно, что как раз эта сторона функций бюджета носит в сущности технический характер. Несравненно важнее, однако, социальная задача, выполняемая бюджетом в деле перераспределения накоплений между секторами народного хозяйства, в деле перекачки накоплений частнокапиталстического сектора в социалистический сектор. Обо всем этом—ни звука в статье, предлагающей замену бюджетного рычага кредитным. Остается лишь глухое, расплывчатое упоминание о «борьбе с социальным неравенством», каковая борьба, оказывается, «ограничена определенными рамками». Второе обстоятельство, не могущее не вызвать возражений, заключается в полной идентификации таких двух методов аккумуляции, как бюджет и внутрипромышленное накопление. Спору нет, в наших условиях, когда промышленность и бюджет в руках одного хозяина, между этими двумя методами существует много черт сходства. С другой стороны, нельзя, однако, забывать и про существеннейшие различия. Подробный анализ этой проблемы завел бы нас довольно далеко. В данной связи отметим лишь два коренных отличия. Во-первых, бюджетный метод аккумуляции в ряде случаев может действовать дифференцированно по отношению к разным классам и группам (прямое обложение и пр.). Во-вторых, внутрипромышленная аккумуляция при высоких ценах (как в настоящее время) лишь по аналогии может быть рассматриваема, как из'ятие части дохода из хозяйства потребителя—покупателя промпродукции.

[1]) Там же, стр. 29.

[2]) Там же, стр. 5.

[3]) Там же, стр. 27.

При достаточном же снижении цен в соответствии со снижением себестоимости продукции отпадет, в сущности, даже *повод* к подобного рода аналогиям. Ибо, где это сказано, чтобы промышленность *вообще* ничего не реализовала из производимого в ней прибавочного продукта, если мелкое хозяйство свой прибавочный продукт в процессе обмена с промышленностью вовсе не отдает ей безвозмездно, а реализует за определенный эквивалент? Если автор считает естественным, что мелкое трудовое хозяйство имеет «чистый доход», могущий быть аккумулированным, то почему, в сущности, запрещается иметь подобный же «чистый доход» крупной обобществленной промышленности, где производительность труда несравненно выше? Почему, собственно, промышленность должна свой «чистый доход» безвозмездно отчуждать в пользу хозяйств, приобретающих промышленную продукцию? А ведь именно *это* означает отказ от *внутрипромышленного накопления* и реализация товаров по ценам, равным себестоимости.

Наконец, последнее обстоятельство, которое не может не броситься в глаза при внимательном чтении статьи профессора Каценеленбаума, заключается в следующем: бюджетный и кредитный методы накопления рассматриваются как взаимно исключающие. Анализируется различие между действием того и другого. На этом основании делается выбор в пользу кредитного «рычага». Формируется предложение насчет «перемены рычага аккумуляции». И при всем этом забывается одна *мелочь*, одно «небольшое» различие между бюджетным и кредитным «методами», а именно: проблема *собственности*. Ведь всякому совершенно ясно, что эта проблема у нас еще далеко *не ликвидирована*. Разбираемое ним предложение является достаточно ярким подтверждением этого обстоятельства. А собственность есть *титул на доход*.

Оба метода—бюджетный и кредитный—*по-разному* решают проблему собственности, проблему титула на доход. И об этом «забывает» наш автор.

Мы имеем, таким образом, довольно странную забывчивость насчет частного капитала и насчет отношений собственности. Мы имеем не менее странную идентификацию бюджетного из'ятия и внутрипромышленного накопления. Причина всех этих «странностей» перестает быть секретом, когда мы приглядываемся к *классовому содержанию* предложения профессора Каценеленбаума.

Предлагается «перемена рычага аккумуляции» на протяжении ближайшего пятилетия. Постепенно следует бюджетный рычаг заменить кредитным. К чему это должно привести? «Если исходить из того расчета, что за пять лет всего надо будет аккумулировать через государственный сектор хозяйства накоплений на 18 миллиардов рублей, то из них не два миллиарда, а, по крайней мере, 9 миллиардов надо стараться получить при помощи кредита, оставляя остальные 9 миллиардов на внутрипромышленное накопление и бюджет» [1]). Предвидя некоторые возражения, профессор Каценеленбаум считает необходимым «подчеркнуть, что эта проблема при правильной ее постановке не стоит ни в какой связи ни с проблемой частного капитала, ни с проблемой дифференциации деревни» [2]).

По мнению автора, дифференциация деревни может послужить даже препятствием для выполнения предлагаемого им плана: растущий кулак стал бы вкладывать свои накопления в свое собственное мелкокапиталистическое хозяйство, не прельщаясь теми выгодами, которые ему сулит городская индустриализация. «Совершенно в другом положении находится «середняцкое» хозяйство. *Середняцкое хозяйство и в деревне и в городе*, сбережения этого хозяйства,—это и есть как раз *основа* индустриализации, та *база*, на которой развилась промышленность и за границей и у нас, в дореволюционной России, и на которую нам нужно поставить ставку и сейчас» [1]).

Какие же меры необходимы для осуществления этого плана? Автор указывает *три* меры, из них одна носит, так сказать, моральный характер, другая—отрицательный и третья—положительный. Мероприятие в моральной области: перестать относиться с осуждением к сбережениям. Отрицательная мера: *не* изымать при помощи бюджета и цен то, что должно остаться в качестве источника кредитного накопления. Положительное требование: «иной подход к *процентной проблеме*» [2]).

Такова программа. Надо признаться, она носит довольно продуманный характер. И, несмотря на это, в ней сочетаются элементы мелкобуржуазной утопистики в области теоретических положений с буржуазно-капиталистическим содержанием практических требований. Образцом типичного мелкобуржуазного построения являются подчеркнутые нами рассуждения насчет того, как «середняцкое хозяйство в городе и в деревне» явилось «базой» и «основой» индустриализации во всем мире. В этой одной фразе содержатся, по меньшей мере, два открытия, вносящие полный переворот в экономическую науку. Прежде всего, *середняк в городе*,—что может быть удачнее этого термина! Поистине «trouvé le mot»! Выше мы уже видели, какие колоссальные неудобства испытывают некоторые экономисты из-за невозможности называть городскую буржуазию крестьянством. Наш автор нашел счастливый выход из затруднения. Даже не крестьянство, а прямо середняк! Разумеется, несмотря на наличие весьма солидных «социальных заказов» на термин подобного рода, отнюдь нельзя его признать сколько-нибудь приемлемым.

Второе открытие относится к «базе» и «основе» индустриализации «и за границей и у нас, в дореволюционной России». Оказывается, этой «основой» были «середняки города и деревни». Нет сомнений, что подобное открытие существенно изменяет ту картину истории капитализма, которая была нам до сих пор известна. В этой действительной панораме капиталистической истории «середняк города и деревни» играл роль *такой* «базы» и «основы», ценой гибели, разорения и *уничтожения* которой покупалась и осуществлялась капиталистическая индустриализация. Этот процесс в действительности весьма далек от мелкобуржуазной его идеализации.

Реальная программа, развернутая нашим автором, ничего общего не имеет с этими мелкобуржуазными послеобеденными теориями. Несмотря на прекрасные, повидимому, суб'ективные желания автора, его программа в своем об'ективном значении является программой буржуазных слоев городского населения, которые желали бы осуществлять индустриализацию по-своему. Недаром автор оговаривается насчет безнадежности деревенского кулака в отношении индустриализации. В этом отношении он прав целиком. Действительно, капиталистические прослойки деревни не пойдут на индустриализацию. Они мечтают лишь о том, как бы закончить с этой, ненавистной им, программой хозяйственного строительства и получить развязанные руки для необозримых подвигов на лоне эксплоатации деревни. Иное положение, понятно, у городской буржуазии. Она не против, пожалуй, помечтать о том, чтобы «перевести» индустриализацию, хотя бы «постепенно», с одного «рычага» на другой: с социалистического на капиталистический. И об'ективное значение программы профессора Каценеленбаума

[1]) Там же, стр. 29.
[2]) Там же, стр. 30.

[1]) Там же, стр. 30; курсив наш.
[2]) Там же, стр. 32; курсив автора.

в том, что она в ряде существенных пунктов идет навстречу зтим чаяниям: снять налоги; снизить цены вплоть до уничтожения внутрипромышленного накопления; усвоить «иной подход к процентной проблеме», т.-е., попросту говоря, значительно повысить ставки,—на фоне всех этих мероприятий взять для вложения в социалистический сектор народного хозяйства 9 миллиардов рублей у «середняка города и деревни». Девять миллиардов,—это половина всей суммы капитальных вложений. Если из этой суммы исключить строительство, соответствующее износу основных фондов и осуществляемое при помощи амортизации, то девять миллиардов составят гораздо больше половины действительно новых вложений. Какие именно слои «середняков города и деревни» смогут дать за пять лет девятимиллиардную сумму, вряд ли вызовет у кого-либо малейшие сомнения. Независимо от желания автора подобное предложение может означать лишь программу «постепенной» передачи права собственности на основные фонды обобществленного хозяйства в руки новой буржуазии. «Иной подход к процентной проблеме», означающий высокую доходность этого титула собственности, должен еще более форсировать этот процесс денационализации в рассрочку, должен скорее привести к его полному завершению.

5. Заключение.

Мы рассмотрели ряд выступлений видных экономистов по основным проблемам, связанным с хозяйственными перспективами Советского Союза. Работая и выступая в специфических условиях пролетарской диктатуры, эти экономисты облекают свои выступления в соответствующую форму. По форме мы имеем работы высококвалифицированных специалистов, посвященные «деловой критике» опубликованных наметок перспективных планов. По форме речь идет даже не о критике прошлого или настоящего, а всего лишь неутвержденных пока проектов на будущее. По форме высококвалифицированные экономисты лишь выполняют свою задачу... Чрезвычайным дураком, однако, оказался бы тот, кто не смог бы за этой внешне-лойяльной и доброжелательной формой вскрыть истинное классовое содержание разобранной нами серии выступлений.

В своей речи на последней московской губпартконференции тов. Бухарин совершенно правильно отметил, что «есть в среде квалифицированной интеллигенции сменовеховская прослойка. Своими прогнозами и анализом, анализом того, что есть, и того, что должно быть, по их мнению, она, примерно, сходится с нашей оппозицией, потому что тоже думает, что мы перерождаемся и будем перерождаться, расценивая это с положительным знаком Они в общем и целом работают, иногда хорошо работают, но их политическая установка есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы отвести их с настоящего, советского пути. Делают они это очень осторожно, очень умно по внешности, они очень лойяльны по отношению к советской власти, а иногда делают вид, что даже больше чем лойяльны. Но есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения» [1]).

Эта характеристика определенного слоя квалифицированных специалистов и его нынешней политической тактики до чрезвычайности подходит к тем выступлениям, которые разобраны в настоящей статье [2]). «Есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения». В области экономических дискуссий эта линия, действительно,

[1]) См. «Правда» № 269 от 24 ноября 1927 года.

[2]) Статья написана в конце ноября 1927 г., поэтому ряд новейших критических выступлений в ней не мог быть освещен.

проводится чаще всего «очень осторожно», «очень умно по внешности». Как это делается?

Прежде всего, берется спекуляция на наши действительные трудности в хозяйственной области. Надо отдать справедливость нашим противникам. В большинстве случаев они вскрывают достаточно глубоко действительные затруднения, встающие на пути социалистического хозяйственного строительства. Можно даже утверждать больше. Можно сказать, что эта часть их работы приносит известную пользу. Они фиксируют наше внимание на реальных трудностях; такого рода указания могут быть полезны, независимо от того, с какой целью они делаются. Многое из того, что подчеркивается нашими противниками, это—действительные трудности, действительные противоречия нашего хозяйственного роста. Известная коллизия между интересами потребления и накопления, трудности, связанные с форсированием тяжелой индустрии в обстановке неполного удовлетворения спроса на предметы широкого потребления, необходимость понижения цен и повышения зарплаты, усиления независимости СССР и расширения внешнеторговых сношений, коллективизации деревни и известного развязывания капиталистических отношений,—все эти и многие другие противоречия реально существуют в нашей действительности. Чтобы изживать эти трудности, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе хозяйственного роста, чтобы уничтожать эти преграды,—надо, прежде всего, их знать, притом знать не только в самом общем виде, но и в совершенно конкретной их числовой характеристике. Повторяем, поскольку работы буржуазных экономистов могут способствовать более детальному выяснению этой стороны дела—они, до известной степени, могут оказаться небесполезными. Именно этими соображениями об'ясняется их печатание на страницах советской экономической прессы.

Но в этих выступлениях заключается еще другая сторона, и надо признаться, этой другой стороне уделяется зачастую недостаточно внимания. Мы в настоящей статье показали, как из отдельных «кусочков», рассыпанных по произведениям разных авторов, составляется довольно цельная «стопроцентная буржуазная» программа экономической политики. Все авторы исходят из анализа наших хозяйственных затруднений. Для устранения последних один автор предлагает одни меры, другой—еще несколько мероприятий, третий—еще что-либо. Из этих отдельных мероприятий составляется, однако, целая система, целая программа. И это есть программа, употребляя выражение тов. Бухарина, «действительного перерождения». Основные пункты этой программы мы уже характеризовали выше. Это, прежде всего, изменение распределения народного дохода в пользу «крепких» слоев города и деревни; сокращение заработной платы; свобода капиталистической эксплоатации, прежде всего, в деревне; отказ от принятого темпа развития народного хозяйства и, прежде всего, социалистической промышленности; иное распределение капитальных вложений, означающее фактический отказ от осуществления индустриализации. В качестве программы мер первого порядка этот ряд достаточно красноречив. А на втором плане стоят уже меры более кардинального значения: отмена национализации земли, отмена монополии внешней торговли, отказ от индустриализации или осуществление индустриализации на капиталистических началах. Надо ли добавлять, что эта, развернутая буржуазными экономистами, программа построена, действительно, в расчете на «сознательное сворачивание с нашего классового пути»? Надо ли добавлять, что это есть программа перевода нашего хозяйственного строительства на другой классовый путь, на путь буржуазных слоев и групп города и деревни?

Столь богатая серия программно-теоретических выступлений буржуазных экономистов в течение последних нескольких месяцев отнюдь не является

полнейшей случайностью. Это оживление—пока-что в идеологической форме — активности глашатаев экономических вожделений буржуазных слоев в нашей стране следует поставить в связь с общим оживлением активности тех групп, интересы которых наши экономисты—сознательно или бессознательно—представляют. Социализм есть уничтожение классов. Переходный период—период этого уничтожения. Но это отнюдь не исключает, что на определенных исторических участках этого переходного периода мы имеем моменты обострения классовой борьбы, моменты оживления враждебных нам классовых группировок. Один из таких исторических зигзагов[1]) мы переживаем в настоящее время. Возросшая активность в области идеологической—программного творчества буржуазных экономистов не должна рассматриваться изолированно. Напротив, ее необходимо поставить в связь с указанными особенностями настоящего периода. И эти особенности настоятельно требуют от нас удвоенного и удесятеренного внимания ко всем подобного рода выступлениям. К сожалению, далеко не всегда проявляется эта необходимая степень внимания. Далеко не всегда выступления наших противников на теоретически-программном поприще встречают должный отпор. Далеко не всегда отдельные элементы формирующейся буржуазной идеологии своевременно улавливаются «чутким партийным ухом». Опасность, возникающая отсюда, заключается в том, что наиболее успешно замаскированные элементы буржуазной идеологии могут быть некритически восприняты теми практиками-хозяйственниками, уловление которых составляет, в сущности, одну из важнейших задач, которые ставят перед собою буржуазные экономисты в своих выступлениях[2]). Внимательно следить за подобными выступлениями, давать им должный отпор на научной почве, брать их в штыки самым беспощадым образом—эта задача сейчас важнее, чем когда-либо.

---

[1]) Выражение тов. Бухарина; см. его цитир. речь «Правда» № 269.

[2]) В этом отношении чрезвычайно любопытна история предложения НКФ СССР насчет обложения буржуазии, рассказанная тов. Ю. Лариным в «Правде» от 11 янв. 1928 г., № 9 (3841). Как известно, это предложение встретило своевременный суровый отпор со стороны бюджетной комиссии ВЦИК.

Дм. Илимский.

Пути советского накопления.

Повидимому, главными причинами, тормозящими у нас развитие народного хозяйства до размеров полного раскрытия всех производительных способностей страны, являются, во-первых, недостаточное вложение капиталов в промышленность, во-вторых, затяжной недостаток сельскохозяйственного сырья внутреннего производства. Если же иметь в виду, что при обильном предложении товаров деревне последняя ответила бы увеличением производства сырья для промышленности и для экспорта, то придется говорить о *проблеме вложения капиталов в промышленность, как об основной и центральной*. А так как в то же время мы участвуем достаточно широко в международном товарообмене и весь промышленный мир сейчас переживает горячку больших технических и организационных нововведений, удешевляющих товар и усиливающих значение массового производства, то оказывается, что мы должны не только расширять промышленность, но и переоборудовать значительную часть существующих фабрик и заводов на новой технической основе. В противном случае разрыв между нами и внешним миром будет возрастать к явной политической невыгоде для нас.

Не останавливаясь здесь на обширном круге вопросов, касающихся программы расширения промышленности и связанных с этим организационных и экономических задач, я остановлюсь в этой статье на материальной предпосылке этого расширения, т.-е. на изучении источников вложения капиталов и особенностей той обстановки, в какой находится в этом вопросе социалистическое государство.

Потребность в обновлении и расширении промышленности остро ощущается после войны во всем капиталистическом мире. Но следует сказать, что не только основные промышленные страны, но и многие страны, переживающие переход от аграрного типа к смешанному аграрно-индустриальному, не испытывают сейчас недостатка в потребных для этого деньгах. Если исключить отдельные местные и кон'юнктурные заминки, то в общем деньги предлагаются, если не в изобилии, то во всяком случае в достаточном количестве. Страны, одержавшие *экономическую* победу в войне (это далеко не совпадает со списком стран, одержавших *военную* победу), а также страны, с выгодой для себя использовавшие нейтралитет во время войны, покрывают потребность своей промышленности в капиталовложении целиком или в большей части за счет внутреннего полнокровного денежного рынка. Таковы С.-А. С. Ш., Голландия, Швейцария, Швеция и Япония (последняя—до кредитного кризиса 1927 года). Остальные ввозят недостающие им сверх ресурсов внутреннего рынка капиталы от более богатых соседей, главным образом, конечно, от С.-А. С. Ш. Хотя Англия все еще продолжает экспорт капитала в колонии и за границу, но в последние годы ей удается делать это только за счет вкладов в ее банки из других стран, так что ее приходится отнести также к разряду стран, фактически *ввозящих*

капитал. Возможно, однако, считать, что потребности в новых капиталах для внутренней промышленности Англии покрываются внутренним же денежным рынком, и, таким образом, ввозимый капитал идет на усиление экспансии английского империализма.

Насколько велико значение этого ввоза капиталов, видно из следующей справки о чистом импорте капиталов некоторых крупнейших стран за время, истекшее после версальского мира:

Англия	140 млн.	фунтов.
Германия	4.580 млн.	марок.
Франция	7.200 млн.	франков.
Италия	190 млн.	долларов.

Лишь, примерно, пятая часть ввезенных капиталов (да и то, главным образом, в малых странах, как Польша, Румыния, Венгрия, Прибалтика) пошла на правительственные и военные нужды или в торговлю. Основная же масса влилась в промышленность, давая (вместе с внутренней эмиссией промышленных акций) возможность не только залечить раны, нанесенные войной, но и расширить производственную базу, одновременно обновив почти полностью оборудование старых предприятий.

Рядом с этими грандиозными цифрами весьма слабое впечатление производят 59 миллионов рублей концессионного капитала, ввезенного в СССР. Он занимает лишь 0,91% капитальной стоимости нашей промышленности. Если даже прибавить сюда нашу задолженность загранице, по долгосрочным кредитам на оборудование, превышающую сейчас 200 миллионов рублей, то все же получится ничтожная цифра по сравнению с другими крупными странами. Да и к тому же так называемая «долгосрочность» кредита равняется в среднем двум годам, т.-е. не может итти в сравнении с действительно долгосрочными займами капиталистических стран. Благодаря всему этому мы за восемь лет революционной внешней торговли могли ввезти к себе промышленного оборудования всего лишь на 320 миллионов рублей, что составляет 4% к стоимости основного фонда нашей промышленности и 33% ко всем нашим капитальным вложениям в оборудование промышленности за последние три года. Переоборудование сельского хозяйства почти целиком производилось за счет внутренних ресурсов.

В этой диспропорции между нами и европейскими странами по части использования иностранного капитала нет, однако, ничего удивительного. Борьба между СССР и капиталистическим миром должна была задержать приток капиталов к нам извне. Это—логическое последствие революции, и мы предвидели его еще в самом начале нашей концессионной политики.

Мы знаем, что все ценности создаются трудом рабочего и крестьянина и что в конечном счете всякое накопление происходит за их счет. В капиталистическом обществе лишь ничтожная часть капиталонакоплений складывается из сбережений трудящихся и из небольших прямых налогов, взимаемых с буржуазии. Для основной же массы накоплений действует закон экспроприации прибавочной стоимости владельческими классами, которые затем отлагают в виде накоплений непрожитую часть того, что они экспроприировали, а финансовый механизм капиталистического общества находит затем пути для вложения этих накоплений в новые предприятия, при чем попутно он захватывает в сферу своего влияния и прямые сбережения трудящихся, заставляя их служить, в конце-концов, интересам расширения производственной базы буржуазии.

В советских условиях вся эта пирамида переворачивается вверх ногами. Рабочее государство экспроприирует различными путями значительную часть прибыли буржуазных классов, обращая ее на нужды трудящихся. Сверх того сами трудящиеся своими сбережениями усиливают финансовые резервы государства и кооперации. Наконец, рабочий класс и крестьянство через посредство своего государства извлекают основную массу средств из своей же среды как путем налогов, так и при помощи системы займов.

Для более подробной характеристики нашего положения я сравню здесь процесс накопления в СССР с тем же процессом в дореволюционной России. Тогда, кстати, станет ясно, почему мы должны игнорировать жалобы тех мещан, которые пытаются некритически сравнивать Советский Союз с довоенной Россией.

Рассматривая данные по довоенной России за годы расцвета ее капитализма, т.-е. в промежуток между 1905 и 1914 годами, мы видим, что *главной составной частью накоплений* (а следовательно, и вложения капиталов в новые предприятия), *была экспроприация значительной части народного дохода владельческими классами.*

Если взять последние четыре года перед войной, то окажется, что средний ежегодный прирост денежных накоплений составлял 1290 миллионов рублей, при чем на самом деле, каждый год давал более высокую цифру, чем предыдущий. В этом подсчете накоплений я исключаю тезаврирование (накопление золота и драгоценностей в домах), как в силу того, что оно трудно поддается учету, так и потому, что в периоды политической и социальной стабильности и насыщенности рынка товарами тезаврирование играет в жизни страны небольшую роль. Кроме того, золото и драгоценности в домашнем обиходе и в сундуках являются мертвой величиной для производительной жизни страны.

Выявленные денежные накопления складывались из среднего годового прироста: по кредитным товариществам—80 м. р. в год, по сберегательным кассам—100 м. р., по банкам—258 м. р. и по эмиссии ценных бумаг — 852 млн. руб.

Если (условно) отнести все сбережения до 500 р. на вкладчика к разряду трудовых сбережений, то окажется, что прирост последних составляет в названном выше итоге лишь около 80 м. р. в год (40% по кредитным товариществам и 45% по сберегательным кассам). Можно вполне уверенно считать, что ни в пассивах акционерных банков, ни в эмиссии ценных бумаг трудовые классы непосредственно не участвовали (система мелких шер, ценою в полтинник и в десять рублей, широко применяемая в Англии и Америке, была совершенно неизвестна в России).

Надо, однако, иметь в виду, что в указанном выше подсчете скрываются двойные цифры. Так, сберегательные кассы вкладывали в среднем около 80 м. р. в год в ценные бумаги на основании закона о хранении свободной наличности. В меньших размерах то же делали кредитные товарищества, хранившие в процентных бумагах свои запасные капиталы. Наконец, акционерные банки, широко играя на бирже, также употребляли часть прироста вкладов на покупку промышленных и железнодорожных бумаг. Со всеми этими поправками можно с достаточной верностью сказать, что *накануне войны в России ежегодно откладывалось в среднем около миллиарда рублей*, представлявших собою базу как для правительственных внутренних займов, так и для эмиссии ценных бумаг, т.-е. для развития промышленности, торговли и транспорта. В *этом миллиарде трудовые сбережения составляли меньше одной десятой части*, вся же основная масса возникала из экспроприированного владельческими классами народного дохода.

Лишь ничтожная часть денежных накоплений оставалась неиспользованной, представляя собой кассовый резерв кредитных учреждений, или сбережения мелких держателей, не решавшихся пускать их на биржу ценностей. Свыше же четырех пятых уходило в эмиссию ценных бумаг, которых было выпущено на внутреннем рынке на 713 млн. р. в 1910 году, на 980 м. р.

в 1911 году и на 868 м. р. в 1912 году. Сверх этого в те же годы было привлечено на русский фондовый рынок 205, 256 и 448 м. р. из-за границы, так что общий размер вложений в ценные бумаги достиг 1316 м. р. в 1912 году против 899 м. р. в 1908 году.

Однако, далеко не все эти средства оплодотворяли народное хозяйство. Часть поглощалась государственными займами, которые хотя и падали в своем относительном значении (с 272 м. р. в 1908 году до 40 м. р. в 1912 году), но все же играли заметную роль на рынке. Огромная часть снималась ипотечными ценностями (в среднем за 5 лет по 466 м. р. в год), что в основном представляло собой скрытый процесс перехода земель из рук дворянства в руки новой буржуазии. И лишь примерно половина представляла собой то, что мы называем производительным вложением капиталов в народное хозяйство. Однако, доля и размеры этих вложений возрастали с каждым годом. Они составляли 349 м. р. (38% всех инвестиций) в 1908 году, 382 м. р. (41%) в 1910 году и 620 м. р. (47%) в 1912 году.

Для сравнения этих цифр с теперешними следует иметь в виду, что они не показывают всего размера вложений. Так, сюда не входят ассигнования правительства на переселенческое дело и мелиорацию, вводившие в хозяйственный оборот большое количество новых земель. Здесь нет организованных вложений сибирского и вологодского крестьянства через свои кооперативы в оборудование новых маслодельных заводов. Нет также вложений кредитной кооперации (самостоятельных и через сельскохозяйственную кооперацию) в прокатные пункты, ссыпные амбары, зерноочистительные пункты и т. д. Сюда не входит сооружение элеваторов Государственного банка и постройка казенных железных дорог, расширение их паровозного и вагонного парка. Наконец (что особенно важно), здесь не отражаются те новые промышленные предприятия и домостроительство, которые производились не в акционерной форме (прибегающей к услугам фондового рынка и потому поддающихся учету), а в порядке единоличного предпринимательства. Подсчет и анализ всех этих вложений недоступен отдельному исследователю, и было бы очень полезно, если бы им занялась какая-нибудь авторитетная организация, в роде Комакадемии, или научно-исследовательского института при Наркомфине. Пора уже нам иметь ясное и исчерпывающее представление об этой важной стороне жизни нашей страны до революции.

Откуда брались деньги, необходимые для этого накопления и для этих вложений?

Мы уже видели, что трудовые сбережения играли во всем этом незначительную роль, хотя их ежегодный прирост и кажется нам большим по сравнению с нашими нынешними масштабами. Для характеристики всех вообще мелких сбережений любопытны сведения о составе вкладчиков сберегательных касс и кредитных товариществ на 1-е января 1914 года. Он был таков:

Крестьяне	843 млн. руб.
Служащие	342 » »
Помещики, торговцы и духовенство	217 » »
Рабочие и прислуга	185 » »
Лица, занятые городскими промыслами	179 » »

Если принять во внимание, что в кредитной кооперации вклады выше 500 р. составляли 60% (что, кстати, подтверждает кулацкий характер довоенной крестьянской кооперации), что среди крестьянских вкладов в сберегательных кассах крупные (кулацкие) вклады составляли 50% и что из вкладов лиц, занятых городскими промыслами, надо, по крайней мере, половину отнести за счет содержателей обозов и трактиров, то окажется, что данная мною выше оценка соотношения трудовых и нетрудовых сбережений в приросте средств сберегательных касс и кредитных товариществ очень близка к действительности.

Прокопович в своем исчислении народного дохода Европейской России в 1913 году считает, что владельческие классы (землевладельцы, промышленники, торговцы и домовладельцы) экспроприировали в свою пользу 22,4% народного дохода, т.-е. 2646 миллионов рублей. Если ввести сюда поправку на эксплоататорский доход части лиц, занятых промыслами, а также на верхнюю группу служащих частных предприятий (принадлежавших по существу к буржуазии), то эту сумму можно будет округлить до 2800 миллионов. Как мы видим, она выше того, что, видимо, накоплялось владельческими классами. Разница должна быть отнесена на личное потребление буржуазии, на экспорт доходов за границу (вспомним, что значительная часть нашей промышленности принадлежала иностранцам), на отмеченные выше индивидуальные вложения в домостроительство, промышленность и торговлю, не проходящие через учет фондового рынка. В общем, однако, надо признать, что из экспроприируемой владельческими классами части народного дохода большая половина (если иметь в виду также и индивидуальные вложения) возвращалась в народное хозяйство в виде производительных капиталовложений.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в довоенной России денежно-накопительная способность была сравнительно высока, что потребности хозяйства поглощали всю мобильную часть ежегодного прироста накопления, а недостаток покрывался ввозом иностранного капитала, что с каждым годом усиливалось значение фондовой биржи в размещении накоплений, что государство и дворянское землевладение оттягивало в свои руки заметную часть накоплений. Наконец (что для нас особенно важно), основным источником накопления (а следовательно, и вытекающих отсюда капитальных вложений) являлась экспроприация части народного дохода владельческими классами, т.-е. тот процесс, который в условиях капиталистического хозяйства является автоматическим и действующим как на всех стадиях товарных и производственных отношений, так и во всех хозяйствах, вовлеченных в рыночные отношения.

В каких же размерах определяется наше денежное накопление при советском строе?

Прежде всего остановимся на выявленных накоплениях частных лиц, т.-е. на том участке вопроса, с которым у нас обстоит хуже всего.

Если отбросить подписанную, но непокрытую часть государственных займов, а также вычесть ссуды под облигации займов, то видимое накопление частных лиц представится в следующем виде:

	1/X—25 г.	1/X—26 г.	1/IX—27 г.
По госуд. займам	85 м. р.	58 м. р.	144 м. р.
По сберегат. кассам	21 м. р.	66 м. р.	120 м. р.
По советским банкам и банкам взаимн. кредита	51 м. р.	61 м. р.	60 м. р.
По кредит. кооперации	2 м. р.	7 м. р.	10 м. р.
Всего	162 м. р.	192 м. р.	334 м. р.

что дает скачок прироста от 30 до 142 м. р. за год.

Делая поправку на обесценение рубля (принимая последний за 60% его довоенной стоимости) и отбрасывая от довоенной суммы 30% на отошедшие области бывшей Российской Империи, мы видим, что современный видимый годичный прирост денежного накопления физических лиц составляет всего 12% довоенного (беру темп 1926—27 г.). Между тем, темп расширения продуктивности народного хозяйства (рост валовой продукции в неизменных ценах) составляет у нас 25,7% в 1925—26 г., 7,6%—в 1926—27 г. и наме-

чен в 7,1% на 1927—28 г., тогда как до войны (1900—1913 г.г.) он составлял 2,9% в неизменных ценах и 5,7% в ежегодных ценах, т.-е. был значительно медленнее. Таким образом, очевидно, что потребности народного хозяйства в капитальных вложениях удовлетворяются не за счет видимых денежных накоплений населения, а за счет каких-то других источников накопления, заменяющих прежнюю автоматическую экспроприацию прибавочной стоимости владельческими классами. Мы находим эти источники, во-первых, в накоплении обобществленного сектора народного хозяйства, во-вторых, в доходах буржуазии, в-третьих, в бюджете.

По данным Госплана, чистый доход обобществленного сектора народного хозяйства составлял 1.213 миллионов рублей в 1924—25 году, 1.777 миллионов рублей—в 1925—26 году и 2.171 миллион рублей—в 1926—27 году. На текущий год спроектировано 2.499 миллионов рублей. В этом доходе (беру данные за 1926—27 год) промышленность составляет 38%, торговля (государственная и кооперативная)—18%, кредитные и страховые операции—12%, коммунальное дело—10%, эксплоатация недр, лесов и земель—13%, транспорт и связь—9%.

Конечно, далеко не весь этот чистый доход, выводимый бухгалтерским путем, представляет собою денежное накопление. Бесспорную денежность можно установить лишь по отношению к банкам, страховому делу, коммунальным предприятиям, транспорту и связи, что составляет 31%, или 673 миллиона рублей в истекшем году. Из чистого же дохода промышленности, торговли, лесов и совхозов надо еще вычислять долю денежного накопления, внимательно исследовав движение текущих счетов в банках (без вкладов НКФ) и касс в предприятиях и учреждениях. Однако, если даже принять денежное накопление в 60% чистого дохода названных четырех отраслей обобществленного сектора, то и в этом случае окажется, что в лице государственных предприятий и кооперации мы имеем мощный насос для концентрации денежного накопления в руках планового хозяйства, при чем именно нахождение этого насоса в обобществленном секторе народного хозяйства позволяет нам быть спокойными за судьбу планового хозяйства.

Госплан определяет доходы советской буржуазии в 861 миллион рублей для 1924—25 года, 1.091 миллион рублей—для 1925—26 года и 1.090 миллионов рублей—для 1926—27 года, что сотавляет 3,6%, 3,5% и 3,4% к валовой продукции народного хозяйства, т.-е. в относительном значении в 7 раз меньше, чем экспроприация народного дохода довоенной буржуазией. Исчисление это неполно, так как в него не входят несомненные цифры экспроприации прибавочной стоимости в деревне в отношениях между кулаком и остальными слоями крестьянства. Некоторым показателем этой экспроприации может служить тот факт, что расход деревни на наем рабочей силы, инвентаря и скота (могущий быть базой для экспроприации прибавочной стоимости) составляет от 503 миллионов рублей в 1924—25 году до 671 миллиона рублей в 1926—27 году.

Для определения размеров денежного накопления буржуазных классов мы имеем расчеты Наркомторга и расчеты тов. Ларина. Беря среднее между ними, можно определить накопление в частном торговом и промышленном секторе в 200 млн. руб. в 1924—25 году, 250 млн. руб.—в 1925—26 году и 250 млн. руб.—в 1926—27 году. Принимая во внимание, что основной точкой приложения сил советской буржуазии является торговля, мы можем признать эти цифры определяющими, быть-может, лишь с некоторым округлением.

Наконец, государство (по общему и местным бюджетам) накапливало в своих руках 1.565 млн. руб. в 1924—25 году, 2.112 млн. руб.—в 1925—26 году и 2.833 млн. руб.—в 1926—27 году. Здесь я беру только налоговые

доходы, так как все остальные источники бюджета уже фигурировали раньше в исчислениях чистого дохода обобществленного сектора и в займах.

Таким образом, все видимое денежное накопление в Советском Союзе, могущее служить источником как покрытия чисто государственных нужд, так и вложения капиталов в обобществленный и частный сектор народного хозяйства, представляется (со всеми, конечно, оговорками и приблизительно) в следующем виде:

	24—25 г.	25—26 г.	26—27 г.
Выявленное накопление отдельн. лиц .	60 м. р.	30 м. р.	142 м. р.
Банки, страховое дело, коммунхоз, транспорт, связь	400 м. р.	535 м. р.	673 м. р.
Промышленность, госторговля, кооперация, леса, совхозы, недра (ориентировочно)	487 м. р.	745 м. р.	900 м. р.
Накопление буржуазии (ориентировочно, включая кулака)	250 м. р.	300 м. р.	300 м. р.
Прямые и косвенные налоги и сборы .	1.565 м. р.	2.112 м. р.	2.833 м. р.
Итого	2.762 м. р.	3.722 м. р.	4.848 м. р.

Если для 1926—27 года исключить 2.471 млн. руб. на чисто-государственные расходы (армия, просвещение, медицина, аппарат управления), то чистый остаток для капиталовложения в народное хозяйство определяется в 2.377 млн. руб.

По Госплану общий размер капитальных вложений за тот же год определяется (за вычетом предполагаемых крестьянских вложений в свое хозяйство и социально-культурных расходов, уже учтенных мною в бюджете) в сумме 2.936 млн. руб. Разница в 559 млн. руб. отчасти покрывается возрастанием нашей задолженности загранице по закупкам оборудования, отчасти—ввозом концессионного капитала, отчасти же—изменением баланса капитальной стоимости оборудования не за счет вложений, а за счет более точного учета, и, наконец, тут возможна слишком низкая оценка мною доли накопления промышленности и торговли. Кроме того, несомненно, некоторые суммы вложений (по промышленности и постройке домов в городах) оценены Госпланом слишком высоко. Наконец, в истекшем году были и вложения за счет накопления предыдущих лет и за счет эмиссии, что отразилось на росте денежной массы при одновременном упадке текущих счетов.

Прежде, чем приступить к политико-экономической характеристике всех этих цифр и к выводам, я считаю нужным оттенить одно весьма важное обстоятельство.

В то время как до войны во вкладах сберегательных касс и кредитной кооперации доля нетрудовых классов составляла 11%, а доля крестьянства (включая и кулаков)—44%, сейчас первая группа занимает 3,6% и вторая—около 10%. Главным современным держателем мелких сбережений является служащий (45%) и затем рабочий (15%). Факт этот требует изучения, и нельзя его об'яснить только недостатком агитационной работы по привлечению мелких сбережений.

Абсолютное и относительное понижение доли нетрудовых классов в мелких сбережениях (а также и в госзаймах, где на их долю приходится, по мнению НКФ, всего лишь 6%) в основном об'ясняется революцией, понизившей их участие в народном доходе с 22,4% до 5,3%. Кроме того, рентабельность современной частной торговли настолько велика, что почти все денежное накопление буржуазии уходит в торговлю. Для отвлечения этих средств в кредитный сектор государственного хозяйства нужны особые условия, о которых я буду говорить в выводах.

Что касается крестьянских сбережений, то здесь дело гораздо сложнее.

Во-первых, следует иметь в виду, что в общей массе производимых в стране продуктов доля сельского хозяйства упала по сравнению с довоенным временем с 70 до 59%. Во-вторых, по исчислениям Наркомторга, переплаты деревни на высоких ценах промышленных изделий составляют около 1 миллиарда рублей, что вполне компенсирует тот факт, что доля денежной выручки крестьянства по сравнению с довоенным временем поднялась с 20 до 35%. В-третьих, именно в ближайшие к нам годы крестьянство приводило в порядок все положительные и отрицательные элементы, доставшиеся ему от революции, что вызвало у него огромные расходы на землеустройство, восстановление и постройку новых жилищ, оборудование выделившихся дворов, постройку мостов и дорог и т. д. Одни только ежегодные вложения крестьянства в строения, сооружения и оборудование хозяйства Госплан исчисляет в сумме около полутора миллиарда рублей. Здесь не учтено землеустройство и ряд других расходов. Наконец, деревня, наученная горьким опытом затяжного товарного голода, боится сберегать деньги в их советском выражении и стремится свои незначительные накопления тезаврировать. Этот факт отмечается целым рядом наблюдателей, и о нем же говорит то обстоятельство, что за последнее время, при активности внешне-торгового баланса, золотая десятка, золото в слитках и предметах и иностранная валюта резко поднялись в цене.

Таким образом, мы видим, что задача привлечения крестьянских сбережений в государственное и кооперативное русло связана с целым рядом крупнейших экономических вопросов.

Характеризуя все состояние дела денежного накопления в Советском Союзе, мы можем притти к следующим выводам:

1) Основной базой частного сектора накопления пока является город.

2) Налоговый механизм занимает пока решающее место в накоплении (58%), но значение его упало с 11 руб. 17 коп. на душу населения (в 1913 году) до 8 руб. 89 коп. (в 1926—27 году), что означает высвобождение части народного дохода из-под налогового пресса.

3) Рожденный революцией путь накопления через обобществленную промышленность, торговлю, банки и транспорт занимает второе по значению место (32%), при чем размеры его и абсолютно и относительно возрастают.

4) Сосредоточение основных источников накопления в руках обобществленного сектора, придает хозяйственной политике советского государства огромную силу, ослабляя значение стихийных влияний на размер накоплений, позволяя с значительной уверенностью проектировать капитальные вложения, давая возможность путем комбинаций этих источников и усиления одних за счет других проводить классовую политику и быстро создавать нужные для данного момента резервы.

Теперь мы можем сделать и те практические выводы, которые напрашиваются сами собою при знакомстве с общим состоянием вопроса о накоплении. Я перечислю их в форме тезисов:

1) Хотя достигнутые результаты больше того, чего можно было бы ожидать за короткий промежуток планового хозяйства, при незаконченной еще реконструкции народного хозяйства, при продолжающемся процессе экономической революции и при всех наших трудностях и ошибках,—однако,на этих результатах нельзя останавливаться, а надо итти вперед, приковав общее внимание к этому участку хозяйства.

2) При решительной директиве на снижение промышленных цен и при нормировке наложений торгового аппарата, накопление по этому источнику может абсолютно и относительно нарастать лишь при условии расширения обобществленного сектора производства и торговли за счет частного и расширения общего об'ема товарного обращения.

3) Накопление частного капитала должно быть уловлено в государственное русло путем улучшения техники обложения. Повидимому, нельзя рассчитывать на добровольный переход накоплений частного капитала в кредитный сектор государственного хозяйства. По мере усиления обобществленного сектора в торговле и кооперировании кустаря, высвобождающиеся оборотные средства частного капитала, не находя себе применения, частью нелегально эмигрируют за границу, частью же найдут себе тихое прибежище в сберегательных кассах и в большей мере в государственных выигрышных займах. Этот процесс в небольшой мере наблюдается уже и в нынешнем году.

4) Возрастание товарности крестьянского хозяйства, рост зарплаты, уменьшение расходов на обновление построек в деревне (поскольку самый бурный период уже прошел) и понижение цен на промтовары (одновременно с уменьшением стоимости кредита и обращения) заставляют нас думать, что в ближайшие годы денежное накопление трудовых слоев населения будет быстро возрастать, ища себе выхода в сберегательных кассах, выигрышных займах и кредитной кооперации. Этот рост может быть очень бурным, и к нему надо быть готовым, при этом центр тяжести накопления будет медленно перемещаться из города в деревню, что следует учесть при организационных мероприятиях. Однако, решающей предпосылкой для этого должна быть ликвидация товарного голода, так как только насыщенность рынка товарами и бесперебойность снабжения создают у населения (и особенно у крестьян) доверие к деньгам и отсутствие страха за обесценение или нереализабельность своих сбережений, выраженных во вкладной книжке, сертификате или облигации.

5) Анализ существа накоплений в Советском Союзе весьма наглядно показывает размеры того переворота в социальных отношениях, какой принесла с собой революция. Если до революции доля дохода буржуазии в общем народном доходе России составляла 22,4%, то в денежном доходе населения она составляла 34,4%. После же революции экспроприация денежного дохода буржуазией составляет всего лишь 8,7%, а из всего народного дохода страны буржуазия извлекает 5,3%. Если произвести расчет по довоенным рублям, то это будет обозначать, что революция отняла у буржуазии ровно 2 миллиарда ежегодного дохода, вернув его трудящимся классам. Таким образом, не считая конфискованного основного капитала (земли, дома, фабрики, железные дороги), российская буржуазия потеряла, а трудовые классы сохранили за десять лет 20 миллиардов рублей.

6) Учитывая происхождение налогов, распределение товарооборота между городом и деревней и другие признаки, можно ориентировочно считать, что в процессе выявленного денежного накопления город и деревня участвуют почти поровну, с небольшим перевесом на долю деревни. Но, так как численность деревенского населения в пять раз превышает численность городского населения, то это значит, что пролетариат (включая служащих) участвует в создании фондов финансирования народного хозяйства гораздо более энергично, чем крестьянство. В виду большой социально-политической важности этого факта его следовало бы подвергнуть особому изучению в авторитетных организациях. Нужно, однако, отметить, что все финансирование сельского хозяйства как в государственном, так и в частном порядке, полностью покрывается крестьянскими накоплениями.

Х. С. Гуревич.

Безработица и экономполитика.

В нашей стране, где носителем власти является пролетариат, проблема безработицы приобретает исключительно важное значение.

Борьба с безработицей органически связана с такими основными задачами совласти, как поднятие материального благосостояния и обеспечения широких пролетарских и пролетаризирующихся масс, как укрепление смычки с крестьянством, как социалистическая индустриализация страны.

Наша экономика сложна и содержит в себе условия как положительные, так и отрицательные с точки зрения борьбы с безработицей.

К положительным относятся те, которые созданы Октябрьской революцией, к отрицательным—наследие старого.

Плановое руководство решающими отраслями народного хозяйства, особенно плановое управление госпромышленностью, политика на под'ем покупательной способности широких трудящихся масс не только уничтожают условия, порождающие кризисы перепроизводства в отношении нашей госпромышленности, но и способствуют предохранению от таких кризисов и частной промышленности в СССР.

Таким образом, основной фактор, обусловливающий существование резервной промышленной армии труда в капиталистическом мире, у нас подорван Октябрьской революцией. Но у нас осталось в наследство от старого режима огромное аграрное перенаселение.

Многомиллионные массы крестьянской бедноты, созданные старыми, варварскими феодальными и капиталистическими условиями существования деревни и страны, представляют собой колоссальный, через край переливающийся резервуар ищущей применения рабочей силы.

Важно с самого начала реконструкционного периода полностью учесть требования, пред'являемые к нашей экономполитике со стороны безработицы, чтобы использовать все доступные нам средства для преодоления этого социального зла.

Мероприятия по борьбе с безработицей зависят от всей совокупности народнохозяйственной обстановки и от положения с безработицей.

По данным бирж труда Наркомтруда, положение с безработицей представляется в следующем виде.

Остаток зарегистрированных на биржах труда.

	Тысяч	%%	%% к пред. периоду
1/X —25 г. . . .	920,4	100	—
1/I —26 „ . . .	951,1	103,3	103,3
1/IV —26 „ . . .	1.056,4	114,8	111,1
1/VII—26 „ . . .	1.065,5	115,8	100,9
1/X —26 „ . . .	1.070,7	116,3	100,5
1/I —27 „ . . .	1.310,4	142,4	122,8

	Тысяч	%%	%% к пред. периоду
1/IV —27 г. . . .	1.477,8	160,6	112,8
1/VII—27 „ . . .	1.216,9	132,2	82,3
1/X —27 „ . . .	1.041,2	113,1	85,6
1/XI —27 „ . . .	1.139,0	123,8	109,4
1/XII (совер. предв.)	1.238,9	134,6	108,8

А б с о л ю т н о е к о л и ч е с т в о б е з р а б о т н ы х н е п о д д а е т с я т о ч н о м у у ч е т у. Биржи труда не всюду имеются, и поэтому данные о численности безработных по учету бирж труда приходится считать преуменьшенными.

Но здесь надо учесть, что среди безработных имеется значительное количество фиктивных. По данным всесоюзной переписи 1926 г. [1]), в Москве количество безработных установлено в 129.168 чел., вместо зарегистрированных на бирже 185.185 чел., т.-е. на 56.017 чел., или на 30,2% менее. Правда, метод учета, применявшийся при переписи был иной, чем применявшийся на бирже труда, а именно: не учитывались лица, имевшие хотя какую-либо временную работу и не по своей специальности, а также не вошли лица, живущие в 25-верстном радиусе вокруг Москвы.

Но вернемся к приведенной табличке.

Из нее видно, что зарегистрированная безработица за последние 2 года с колебаниями, но все же проявляет тенденцию к росту и к декабрю 1927 года достигает цифры, примерно, в 1.200 тыс. человек. Правда, здесь сказывается окончание сезонных строительных работ.

По официальным данным [2]), в Германии количество ищущих работы составляло: в октябре 1926 года 1.920,0 тыс.; в ноябре—2.007,1 тыс., в октябре 1927 года—884,1 тыс., в ноябре 1927 года—1.250,9 тыс. чел.

Резкий под'ем в ноябре 1927 года об'ясняется большим ростом безработицы среди строительных рабочих, вследствие внезапно наступивших холодов.

По официальным данным [3]), в Англии состояло безработных на биржах труда: в ноябре 1926 года—1.545,0 тыс.; в октябре 1927 года—1.132,0 тыс.; в ноябре 1927 года—1.172,0 тыс.

Конечно, это сравнение может иметь только иллюстративно-ориентировочное значение, так как и методы учета, и характер безработицы, и категории безработных у нас и в капиталистических странах различны.

Из приведенных данных о нашей безработице видно, что в 1925—26 г. динамика безработицы не отличалась такими резкими колебаниями, как в 1926—27 году. За весь 1925—26 год безработица выросла на 150,3 тыс. челов., или на 16,3%, а за ½ года, с 1 октября 1926 г. по 1 апреля 1927 года—на 407,1 тыс. чел., или на 60,6% (сравнительно с численностью на 1 октября 1925 года), достигнув максимальной цифры—1.477,8 тыс. человек. Здесь, обычно указывают на то обстоятельство, что с ноября 1926 года профсоюзы стали требовать от своих безработных членов обязательной регистрации на бирже труда, что должно было искусственно увеличить численность безработных за счет членов профсоюзов.

Сопоставление данных о количестве зарегистрировавшихся на биржах труда показывает следующее:

---

[1]) «Стат. Обозрение» № 8, 1927 г. С. Успенский, «Безработные гор. Москвы по переписи 1926 г.».

[2]) «Reichsarbeitsblatt» № 36, 1927 г.

[3]) «The Ministry of Labour Gazett» № 12, 1927.

Было зарегистрировано:

	Всего в тыс.	% к пред.	Из них чл. профс. в тыс.	% к пред.
В I кв. 1925/26 г.	688,6	—	529,0	—
„ II „ 1925/26 „	667,2	96,9	303,4	57,4
„ III „ 1925/26 „	845,9	126,8	415,8	137,0
„ IV „ 1925/26 „	748,4	88,5	378,0	90,9
„ I „ 1926/27 „	876,5	117,1	519,1	137,3
„ II „ 1926/27 „	834,3	95,2	456,5	87,9
„ III „ 1926/27 „	986,9	118,3	614,9	134,7

Количество зарегистрировавшихся членов профсоюзов в 1 квартале 1926—27 года против IV квартала 1925—26 года, действительно, увеличилось с 378 тыс. до 519,1 тыс., т.-е. на 141 тыс. человек, или на 37,3%, в то время как общее количество зарегистрированных увеличилось лишь с 748,4 тыс. до 876,5 тыс., т.-е. на 128,1 тыс. чел., или на 17,1%, но мы видим, что в I кв. и 1925—26 года количество зарегистрированных членов профсоюзов составило 529 тыс. Таким образом, следует думать, что здесь в направлении увеличения безработных действовали факторы: сезонный, сокращения и организационный, а не только последний.

С апреля до октября 1927 года безработица резко падает, снизившись с 1.477,8 тыс. до 1.041,2 тыс., а затем вновь начинает подниматься.

Падение безработицы с апреля также об'ясняется двумя причинами: 1) благоприятными сезонными условиями—послано на работы:

	Всего	%%	Из них на врем. раб.	%%
За апрель 1927 г.	290,0	100	225,4	100
„ май 1927 „	429,8	148,2	320,0	142,0
„ июнь 1927 „	399,4	137,7	318,3	141,2

и 2) переменой порядка регистрации в смысле ограничения регистрации не работавших по найму. Этот организационный фактор необходимо учитывать и в дальнейшем.

Для нашей безработицы характерен большой удельный вес женщин в общем числе безработных.

Остаток безработных женщин на учете бирж труда составлял:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге безраб. в %%
1/X —25 г.	424,7	100	46,1
1/X —26 „	519,7	122,4	48,5
1/IV —27 „	647,2	152,4	43,8
1/VII—27 „	486,9	114,6	46,8

Таким образом, удельный вес женской безработицы в общем достигает чуть ли не 50%.

В Германии из общего числа 1.250,9 тыс. чел., ищущих работы, в ноябре 1927 года женщин было 254,8 тыс. человек, или 20,8%, т.-е. удельный вес женской безработицы в Германии меньше, чем у нас, в 2 с лишним раза.

Прибывшие из сельских местностей участвуют в безработице следующим образом:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге безраб. в %%
На 1/X —25 г.	100,6	100	10,9
„ 1/X —26 „	126,1	125,3	11,8
„ 1/IV —27 „	190,8	189,7	12,9
„ 1/VII—27 „	165,6	164,6	13,6
„ 1/X —27 „	110,2	109,5	10,6

К числу прибывших из сельских местностей относятся только прожившие по прибытии до момента регистрации не более 3 месяцев, проживившие больше считаются местными жителями.

Поэтому приведенные данные несколько преуменьшенно отражают роль прибывших из сельских местностей в безработице.

Они составляют более десятой части всего состава безработных, зарегистрированных на биржах труда. За 1925—26 год количество их увеличилось на 25%, а к 1 апреля 1927 года (по сравнению с 1 октября 1925 года) чуть ли не удвоилось, поднявшись с 100,6 тыс. чел. до 190,8 тыс. человек.

С апреля, и особенно с июля, 1927 года наблюдается резкое падение численности этих безработных: с 190,8 тыс. на 1 апреля 1927 г. до 110,2 тыс. на 1 октября 1927 года.

Подростки среди безработных занимают довольно видное место:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
На 1/X —25 г.	122,1	100	13,3
„ 1/X —26 „	144,0	117,9	13,4
„ 1/IV —27 „	163,3	133,7	11,1
„ 1/VII—27 „	160,3	131,3	13,2
„ 1/X —27 „	168,6	138,1	16,2

Обращает на себя внимание рост безработицы среди подростков. Удельный вес за 2 года увеличился с 13,3% до 16,2%. Абсолютная цифра повысилась с 122,1 тыс. до 168,6 тыс., т.-е. на 38,1%, в то время как общая безработица при сравнении данных на 1 октября 1925 года и на 1 октября 1927 года, дает повышение лишь на 13,1%.

Ограничение регистрации лиц, не работавших по найму, должно было особенно отразиться на подростках, и все же % прироста безработных среди них к 1 октября 1927 года чуть ли не в 3 раза превысил % прироста общей безработицы на эту дату.

Проблема использования труда подрастающего поколения выпирает этими цифрами особенно резко.

Безработные члены профсоюзов дали следующую динамику:

	В тыс.	%%	Доля в общей безработице в %%
1/X —25 г.	406,1	100	44,1
1/X —26 „	514,7	126,7	48,1
1/IV —27 „	795,2	195,8	53,8
1/VII—27 „	701,5	172,7	57,6
1/X —27 „	652,2	160,6	62,6

Количество безработных членов профсоюзов растет быстрее общей безработицы: удельный вес за 1925—26 год поднялся с 44,1% до 48,1%, к 1 октября 1927 года достиг 62,6%. Здесь оба организационных фактора действовали в смысле повышения удельного веса. С 1 октября 1925 года по 1 октября 1926 года видим рост на 26,7% против роста общей безработицы за этот период лишь на 16,3%. Общая численность безработицы членов профсоюзов к 1 октября 1927 года выросла на 60,6% против общего роста безработицы к этой дате на 13,1%.

Ниже приводятся данные о безработице с подразделением на группы—индустриальную и интеллигентного труда.

Даты	Индустриальная группа (квалиф., полуквал., неквал.)			Интеллигентного труда (старш., средн. и младш. перс.)		
	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
1/X —25 г.	170,1	100	18,5	205,4	100	22,3
1/X —26 „	230,9	135,7	21,6	210,5	102,5	19,7
1/IV —27 „	317,6	186,7	21,5	283,8	138,2	19,2
1/VII—27 „	273,9	161,0	—	260,5	126,8	21,4
1/X —27 „	221,8	130,4	21,3	261,7	127,4	25,1

За 1925—26 год безработица среди индустриальных рабочих (считая и неквалифицированных) выросла на 35,7%, в то время как общая безработица выросла лишь на 16,3%, а безработица среди лиц интеллигентного труда за этот период чуть ли не осталась стабильной, выросши лишь на 2,5%, или на 5,1 тыс. человек—с 205 тыс. до 210,5 тыс. Индустриальная группа за этот период выросла с 170,1 тыс. до 230,9 тыс., т.-е. на 60,8 тыс. человек.

За 1926—27 год индустриальная группа поднялась до 317,6 тыс. к 1 апреля и упала до 221,8 тыс. к 1 октября, снизившись против остатка на 1 октября 1926 года с 230,9 тыс. до 221,8 тыс. человек, т.-е. на 9,1 тыс. Удельный вес в течение 1926—27 года сохранился почти стабильным (21,6% на 1 октября 1926 года и 21,3% на 1 октября 1927 года).

В Англии из 1.209,6 тыс. безработных (полн. и частичн.), числившихся на учете в ноябре 1927 года в органах страхования, 767,7 тыс. индустриальных, т.-е. 63,5%, при чем неквалифицированных там должно быть на много меньше, чем у нас, кроме того, там прибывших из сельских местностей не имеется, и сравнение это, конечно, очень ориентировочное, но все же оно показывает, что в Англии среди безработных преобладающая масса—индустриальные, а у нас (считая и неквалифицированных) они составляют лишь пятую часть, а если взять без неквалифицированных, но с полуквалифицированными, то и, примерно,—лишь одну шестую часть.

Группа интеллигентного труда в 1926—27 году дала значительный рост, с 210,5 тыс. до 261,7 тыс. человек, т.-е. выросла на 51,2 тыс. человек, и увеличила свой удельный вес с 19,7% до 25,1%, заняв, таким образом, к 1 октября 1927 года **четвертую часть** всей зарегистрированной на биржах труда массы безработных.

В группе интеллигентного труда выделяются совторгслужащие. Их было зарегистрировано:

	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
На 1 октября 1925 г.	133,7	100	14,5
„ 1 „ 1926 „	144,7	108,2	13,5
„ 1 апреля 1927 „	202,8	151,7	13,7
„ 1 октября 1927 „	177,0	132,4	17,0

За 1925—26 год рост совершенно незначителен, с 133,7 т. до 144,7 т, т.-е на 11 тыс. человек; в течение же 1926—27 года наблюдается сильный рост, давший максимум к 1 апреля 1927 года 202,8 тыс. За 2-ю половину 1926—27 года удельный вес поднялся с 13,7% до 17,0%, несмотря на уменьшение абсолютной цифры с 202,8 тыс. до 177,0 тыс., что об'ясняется более медленным падением безработицы среди совторгслужащих, сравнительно с падением общей безработицы за этот период.

Таким образом, чуть ли не шестую часть зарегистрированных безработных составляют одни совторгслужащие.

Место квалифицированных и полуквалифицированных безработных в индустриальной группе видно из следующей таблицы:

Даты	Квалифицированные			Полуквалифицированные		
	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%	В тыс.	%%	Доля в общем итоге в %%
1/X —25 г.	92,5	100	10,0	49,6	100	5,4
1/X —26 „	120,5	130,3	11,3	62,1	125,2	5,7
1/IV —27 „	158,7	171,6	10,7	81,5	164,3	5,6
1/VII—27 „	126,3	136,5	10,4	76,3	153,8	6,3
1/X —27 „	103,2	111,6	9,8	61,3	123,5	5,8

За 1925—26 год квалифиц. инд. безработные повысили свою численность к 1 октября 1926 года с 92,5 тыс. до 120,5 тыс., т.-е. на 28 тыс. человек, или на 30,3%, при повышении общей безработицы за год к этой дате на 16,3%. при чем удельный вес увеличился с 10 до 11,3%.

Полуквалифицированные безработные увеличили за год, к 1 октября 1926 года, свою численность с 49,6 тыс. до 62,1 тыс., т.-е. на 12,5 тыс., или 25,2%, при незначительном повышении удельного веса с 5,4% до 5,7%.

В течение 1926—27 года наблюдаем сначала резкий под'ем безработицы квалифицированных в первой половине года (на 1 апреля—158,7 тыс.), а затем еще более резкое падение (1 октября 1927 года—103 тыс. чел.), т.-е. на 17,3 тыс. меньше, чем было на 1 октября 1926 года, при чем и удельный вес упал до 9,8%.

В более смягченной форме то же явление мы наблюдаем и среди полуквалифицированных. Под'ем за первую половину года с 62,1 тыс. на 1 октября 1926 года до 81,5 тыс. на 1 апреля 1927 года, т.-е. на 19,4 тыс., и падение к 1 октября 1927 года до 61,3 тыс. против 62,1 тыс. на 1 октября 1926 года, при чем удельный вес к 1 октября 1927 года сравнительно с удельным весом на 1 июля 1927 года упал с 6,3% до 5,8%, но в общем за 2 года держится, примерно, на одном уровне—около 5½%.

Безработица среди квалифицированных рабочих по профессиям, выделяющимся безработицей, такова:

Даты	Строители		Металлисты		Пищевики		Швейники	
	В тыс.	%%	В тыс.	%%	В тыс.	%%	В тыс.	%%
1/X —25 г.	31,0	100	24,7	100	15,5	100	17,7	100
1/X —26 „	26,0	83,9	38,8	157,1	15,5	100	20,6	116,4
1/IV —27 „	85,4	276,5	47,8	193,5	22,7	146,5	24,6	139,0
1/VI —27 „	90,1	290,6	45,4	183,8	20,4	131,6	20,0	113,0
1/VII —27 „	63,3	204,2	40,9	165,6	16,1	103,9	19,5	110,2
1/X —27 „	32,7	105,5	32,6	132,0	12,0	80	16,9	95,5

За 1925—26 год, к 1 октября 1926 года, безработица среди квалифицированных повысилась у металлистов с 24,7 тыс. до 38,8 тыс., или на 57,1%,

у швейников—с 17,7 до 20,6 тыс., или на 16,4%, осталась стабильной у пищевиков и уменьшилась у строителей с 31 до 26 тыс., или на 16,1%. К 1 апрелю 1927 года у всех—под'ем численности безработных, при чем первое место занимают строители, за ними следуют металлисты, затем пищевики и швейники. Под'ем зарегистрированной безработицы у строителей, повидимому, обусловлен началом сезонных работ, вызвавшим наплыв из деревни. У строителей под'ем достиг максимума к 1 июня 1927 года, что косвенно говорит о запаздывании с развертыванием строительных работ. К 1 октября 1927 года наблюдаем падение безработицы: у пищевиков (12,4 тыс. к 1 октября 1927 г., против 22,7 тыс. к 1 апреля 1927 года и 15,5 тыс. к 1 октября 1926 года, и 1 октября 1925 года), у швейников (16,9 тыс., против 24,6 тыс. к 1 апреля 1927 года и 17,7 тыс. к 1 октября 1925 года), у строителей (32,7 тыс., против 90,1 тыс. к 1 июня 1927 года, 26 тыс. к 1 октября 1926 года и 31 тыс. к 1 октября 1925 года), и у металлистов (32,6 тыс., против 47,8 тыс. к 1 апреля 1927 года, 38,8 тыс. к 1 октября 1926 года и 24,7 тыс. к 1 октября 1925 года). Сравнительно с численностью безработных на 1 октября 1925 года дали увеличение к 1 октября 1927 года: металлисты—на 32% (при уменьшении сравнительно с 1 октября 1926 года) и строители—на 5,5%. Обращает на себя внимание, что в разгар сезона к 1 октября 1927 года все же имелось 32,7 тыс. зарегистрированных квалифицированных безработных строителей, что, учитывая указания на нехватку квалифицированных строителей, говорит или о недостатках организации переброски строительных рабочих, или о недостатках в определении квалификации на биржах труда, а возможно, и о том и о другом.

Среди квалифицированных металлистов (без полуквалифицированных) выделяются безработицей (данные на 1 января 1927 года):

слесаря всех специальностей	18.910 чел.
токари	3.362 „
электромонтеры	3.242 „
кузнецы	2.405 „
машинисты всех специальностей	2.348 „
котельщики „ „	1.862 „

Между прочим, по данным ЦК ВСРМ, число работающих и число безработных членов союза равнялось (к концу квартала):

	Число работающих		Число безработных	
	В тыс.	%%	В тыс.	%%
I кв. 1925/26 г.	682,0	100	40,6	100
II „ 1925/26 „	713,6	104,6	48,2	118,7
III „ 1925/26 „	722,5	105,9	64,3	158,4
IV „ 1925/26 „	732,8	107,4	70,7	174,1
I „ 1926/27 „	743,1	109,0	79,3	195,3
II „ 1926/27 „	753,4	110,5	84,3	207,6
III „ 1926/27 „	763,3	111,9	86,3	212,6

Таким образом, мы видим непрерывный рост числа работающих членов профсоюза металлистов и в то же время рост безработных.

На рост безработных членов профсоюза металлистов, при одновременном росте числа работающих, влияет некоторое замещение их нечленами союза, чему способствует большой оборот рабочей силы при найме и помимо бирж труда до 30%, из которых большая половина нечлены союза.

В общем, среднее количество безработных за 1926—27 год в целом [1], по данным бирж труда, равняется 1.258,0 тыс. человек, и составляет 121,7% по сравнению со средней за 1925—26 год. По индустриальной группе в среднем за 1926—27 год было (без неквалифицированных) 206,8 т., на 29,4% больше, чем в 1925—26 году. Строителей (без неквалифицированных)—70,4 тыс., увеличение против 1925—26 года на 24,6%.

[1]) «Стат. Обозрение» № 11, 1927 г.

Работников умственного труда—260,2 тыс., на 34,5% более 1925—26 г.; неквалифицированного труда—611,9 тыс., увеличение на 15,2%.

В Москве безработных было 182,5 тыс., в Ленинграде—162,2 тыс. Число посланных на работу за месяц в %% к остатку безработных (сведения по август включительно)—21,6%, что дает увеличение (улучшение) против прошлого года на 36,7%.

Выводы.

В общем, подводя итоги статистическим данным, можно сказать, что наша безработица характеризуется тем, что женщины составляют приблизительно 45% (на 1 октября 1927 года 46,8%).

Впервые ищущие работу по найму—свыше $1/4$ части.

Неквалифицированные—примерно, половину.

Подростки—примерно, $1/6$—$1/7$ часть (на 1 октября 1927 года—16,2%).

Прибывшие из сельских местностей—свыше $1/10$ части.

Лица интеллигентного труда—примерно $1/6$—$1/7$ часть (на 1 октября 1927 года 17%).

Индустриальная группа (без неквалифицированных)—примерно $1/6$ часть.

При росте *в среднем* безработицы за 1926—27 год численность рабочих в цензовой промышленности также увеличилась за 1926—27 год, в среднем, против 1925—26 года, на 6%.

Таким образом, можно сделать вывод, что наша безработица обусловливается не уменьшением численности занятых в производстве, а тем, что избыточная рабочая сила, выталкиваемая аграрным перенаселением, свободная женская рабочая сила и излишки служащих поглощаются ростом численности наемного труда еще недостаточно сравнительно с имеющимися ресурсами.

Если мы учтем возможность недорода в ближайшие годы, который может поднять волну отхода из деревни в города, если мы учтем, что по контрольным цифрам Госплана на 1927—28 год намечается увеличение численности лиц наемного труда СССР по цензовой промышленности (рабочих) на 3%, в строительном деле—на 13%, а всего, по всему Союзу,—на 1,8%, то станет ясным все значение проблемы безработицы при установлении линии экономполитики.

Борьба с безработицей должна вестись путем усиления, расширения социалистических секторов нашего хозяйства (на первом плане социалистическая индустриализация, коллективизация в деревне, обобществленная торговля) и путем ограничиваемого известными пределами использования частных и частнокапиталистических ресурсов.

Здесь, прежде всего, может помочь большее развитие кустарно-ремесленной промышленности. СНК СССР в своем постановлении по поводу кустарно-ремесленной промышленности (май 1927 года) *отмечает недооценку значения этой промышленности в народнохозяйственной жизни.*

Об этом же говорили делегаты на XV партс'езде.

И, действительно, в этом отношении необходимо еще добиваться перелома. Между прочим, следует согласиться с тов. Лариным, предлагающим в своей известной книге о частном капитале воздействовать на условия использования наемного труда в кустарно-ремесленной, мелкой и вообще частной промышленности, в смысле допущения большего количества наемного персонала.

Частный капитал в мелкой промышленности, по данным контрольных цифр Госплана, имел наемного персонала (в тыс.):

1924/25 г.	69,9
1925/26 „	74,1
1926/27 „	74,1

Таким образом, в течение истекших 2-х лет численность наемного персонала на службе у частного капитала в мелкой промышленности оставалась стабильиой на уровне, который трудно назвать большим.

Следует также присоединиться к мнению тов. Ларина о том, что в ряде отраслей промышленности (производство кирпича, строительство) мы можем допустить рост или стабильность частного капитала, проводя дифференцированную политику и содействуя переходу частного капитала из области торговли в соответствующие области производства.

Миллиардные вложения, производимые нами в госпромышленность, ее техническая реконструкция, усиливающая ее социальную значимость, рост обобществленного сектора народного хозяйства,—все это говорит за то, что в целях использования подсобных средств в борьбе с безработицей, мы можем вести такую дифференцированную политику в отношении частного капитала.

Важно также дальнейшее усовершенствование налоговой системы в направлении увеличения из'ятий путем возможного повышения квот для зажиточных слоев деревни и некоторых высших категорий торговцев-частников. Увеличение накоплений в обобществленном секторе, увеличение из'ятий из частного сектора необходимы для возможно большего развития социалистической индустриализации, кредитования бедняцких масс, для содействия организации коллективных хозяйств и введению трудоемких культур в деревне—этом очаге безработицы.

Большее расширение легкой индустрии также поможет в смысле увеличения капиталонакоплений, увеличения численности работающих и в смысле увеличения сел.-хоз. экспорта, а отсюда и импорта сырья и оборудования.

Добавление для промышленности смен в связи с введением 7-часового рабочего дня должно, по предположениям, изложенным в последней 5-летней ориентировке Госплана, дать добавочный рост численности наемного персонала, в течение пятилетия, примерно, на 400—500 тыс. человек.

Но и введение дополнительных смен в известной части будет зависеть от добавочного финансирования, т.-е. от величины накоплений в обобществленном секторе и из'ятий из частного сектора.

Таким образом, разрешение проблемы безработицы связано с общим направлением нашей современной экономполитики, представляющей собой метод строительства социализма в условиях допущения и комбинированного использования и преодоления на соответствующих стадиях частного и частно-капиталистического хозяйства.

Павел Алисов.

Страна, которую 10 лет назад украли.

I. Бессарабский вопрос, как орудие вовлечения Румынии в антисоветский блок.

Рабочие и крестьяне Советского Союза не забыли да и не могли забыть, кто это 10 лет назад, крадучись, как шакал, похитил у них, воспользовавшись гражданской войной, целую область с 3-миллионным населением, и вот уже 10 лет, как шантажирует «великие» державы для оформления своего акта международного грабежа.

... Это было 26 (13) января 1918 г., а мародером была... ну, кто ее не знает?

Румыния не была в войне ни с Советским Союзом, ни со старым правительством; наоборот, она была союзником последнего. Следовательно, Бессарабия не могла перейти к Румынии в результате войны между спорящими сторонами. Мировая империалистическая война происходила не из-за Бессарабии. Россия ни царская, ни советская Бессарабии никому не дарила. Так почему же плодороднейшая область в 44 тыс. кв. километров попала в лапы боярско-буржуазной Румынии?

Путем подлой лжи, наглого шантажа и прямого грабежа и мародерства Румынии удавалось, при поддержке той или иной «великой» империалистической державы, утолять свой назойливый империалистический аппетит. Военный и послевоенный период наиболее ярко характеризует Румынию, как страну, способную ради своих «маленьких» империалистических целей переходить на содержание любого «сильного» империалистического государства и быть политической игрушкой в руках последнего. «Великие» же державы, борясь между собой из-за румынского об'екта своих империалистических вожделений, использовывают румынскую содержанку, кроме того, как об'ект противосоветского блока.

Румыния служит тем клубком, в котором скрещиваются как империалистические тенденции по отношению к ней, так и антисоветские стремления. Румыния служит одновременно и об'ектом эксплоатации и необходимым орудием противосоветской борьбы. Одним из лучших же средств вовлечения Румынии (как об'екта и суб'екта) в орбиту империалистической экспансии и в антисоветский блок является вопрос о Бессарабии.

Бессарабия, выходящая непосредственно к дельте Дуная, служит не только об'ектом империалистических стремлений великих держав, но является тем естественным плацдармом антисоветской политики, орудием проведения которой служит Румыния. Бессарабия представляет для Румынии богатейшую область с 3 млн. населения, ежегодный довоенный вывоз которой только по зерновому хлебу составлял 100 млн. пудов. Кроме того, владея Бессарабией, неизбежно можно владеть устьем Дуная, т.-е. входом и выходом водного пути—«Дунай—Майн—Рейн». Бессарабия служит также удобным

плацдармом для военно-стратегических целей, являясь мостом, соединяющим южно-русскую равнину с Балканами [1]).

Румыния к тому же готова продать себя любой державе за любую цену, дабы владеть Бессарабией, как своей колонией, осуществляя свой идеал «Romania Mare» («Великой Румынии»).

Во время империалистической войны румынский хищник долго торговался с воющими державами, высматривая, где бы урвать у своего соседа кус покрупнее, зная, что в предстоящем грабеже ей «поможет» та или другая воюющая сторона: румынская нефть служит для этого первой хорошей приманкой.

Румыния в начале войны была определенной сторонницей центральных держав. Когда Германия разгромила Румынию, последняя стала просить у первой и мира и Бессарабии. Германия Вильгельма дала ей и то и другое. Получив право на фактический грабеж у Германии, Румыния после поражения последней, санкции своего грабежа стала просить уже у Антанты, как платы за разгром Венгерской Советской Республики и за свою роль противобольшевистского жандарма.

Стремясь к захвату устья Дуная, как звена великого водного пути (по Дунаю) через Черное море к турецкой и персидской нефти, с одной стороны, и желая создать барьер и оплот против большевистской «заразы»—с другой, Антанта, конечно, санкционировала этот захват, подписавши так называемый «парижский протокол» о признании Бессарабии за Румынией (1920 г.). Протокол этот приобретает силу, по замыслу творцов, после ратификации его парламентами четырех держав (Англия, Франция, Италия, Япония) [2]).

В этом деле центральную роль играла «парижская бумажка», которая должна была быть ратифицирована «четырьмя парламентами». В погоне за этими подписями Румыния, отказываясь от предложения Советской России, сделанного ею в 1924 г. на Венской конференции о плебисците в Бессарабии, продолжает продавать себя и оптом и в розницу, а соответствующая «великая держава» за одну лишь свою подпись под ничего не стоящей бумажкой, не без борьбы с другими державами из-за влияния на Румынию, усиливает свои империалистические щупальцы в пределах Румынии и, «попутно» вплетая ее в антисоветский блок, расширяет кольцо антисоветских государств.

Франко-румынский договор «о дружбе» 1926 года был не чем иным, как, с одной стороны, «новым подарком» от Франции—Пуанкаре Румынии—Авереску в виде гарантии ее нынешнего территориального статус-кво (Бессарабия), а с другой—закреплением влияния Франции на Румынию путем военных заказов последней на французских заводах.

Но как далее получить ратификацию парижского протокола третьей державой—Италией—при наличии итало-французских противоречий? «Ничтоже сумняшеся», Румыния на другой же день меняет свою ориентацию уже на Италию. В том же году появляется на свет итало-румынский договор тоже «о дружбе», в результате коего итальянский (а стало быть и английский) капитал еще более внедряются в экономику Румынии путем более широкого доступа к эксплоатации нефти и путем военных заказов. За это парламент Муссолини подарил Румынии парламентскую подпись на «парижском протоколе». Мы видим, что и Италия взялась вооружать Румынию против Советского Союза, пользуясь безграничным стремлением Румынии «закрепить» за собой Бессарабию. Известно, кто стоит за спиной Италии и почему итало-румынскому пакту предшествовало свидание Чемберлена—Муссолини в Ливорно.

---

[1]) См. речь Мих. Павловича (журн. «Красная Бессарабия» № 2, 1926 г.), произнесенную в 8-ю годовщину оккупации Бессарабии.

[2]) А также и парламентом Румынии.

Поскольку в деле судеб трехмиллионного населения оперируют не имеющей никакой силы «бумажкой», интересно напомнить боярской Румынии про другой документ, подписанный не третьими державами, а представителями самой настоящей современной грабительской Румынии, с одной стороны, и Советского государства—с другой. Документ этот представляет собой мирный договор, заключенный в Одессе 5 марта 1918 года, между генералом Авереску (от Румынии) и Х. Г. Раковским (от РСФСР), возглавлявшим иностранную коллегию «Румчерода», и сводится он по существу к обязательству Румынии очистить Бессарабию в двухмесячный срок со дня подписания договора. Вот этот румынский вексель мы противопоставляем парижскому протоколу 1920 г. и требуем уплаты по нему. По существу же, конечно, дело не в этом. Бессарабский вопрос разрешится не дипломатическими разговорами, не подписанием тех или иных буржуазных документов, да еще без участия и за спиной Советского Союза. Бессарабский вопрос разрешится волею рабочих и крестьян Бессарабии через советы рабочих и крестьянских депутатов.

II. Экономическое состояние края.

Бессарабия до ее аннексии была экономически связана с Украиной и Центрально-Промышленной областью России и весьма мало — с Румынией. Как земледельческая страна, Бессарабия экспортировала продукты сельского хозяйства. Продукция зерновых хлебов до войны ежегодно составляла свыше 150 млн. пудов, из коих за границу вывозилось 100 млн. пудов, т.-е. около 10 проц. всего экспорта зерна из России. Юг Бессарабии (два уезда) экспортировал не менее 30 млн. пудов ежегодно.

Производство вина давало ежегодно до 100 млн. ведер, а на вывоз за границу уходило около 10 млн.

Фруктовое садоводство является в Бессарабии одной из важнейших отраслей хозяйства, и урожай его доходил ранее в год до размеров, иногда не поддающихся учету. Экспорт составлял в год свыше 200 тыс. пуд. свежих фруктов и свыше 300 тыс. сухих.

Помимо того, Бессарабия вывозила рыбу, шерсть, молочные продукты, табак, кожу. Главнейшей артерией для вывоза за границу был Одесский порт, куда товары свозились, главным образом, по Днестру.

Взамен экспортируемой продукции Бессарабия ввозила металлические изделия (Харьков, Екатеринослав), мануфактуру (Москва, Лодзь, Варшава), керосин (Баку), уголь (Донбасс), сельскохозяйственные орудия и проч.

С Румынией экономическая связь была весьма слабой. Вывоз в Румынию составлял не более 20 проц. всего экспорта из Бессарабии. Из Румынии (главным образом, транзитных промышленных товаров) ввозилось в Бессарабию едва 3 проц. всего импорта.

Чрезвычайная слабость экономических связей Бессарабии с Румынией вполне об'ясняется однородностью их хозяйственных укладов, как аграрных стран. Промышленность Румынии, очень слабо развитая, не могла ничего ввозить в Бессарабию, а из сельскохозяйственной продукции Бессарабия даже больше ввозила в Румынию, чем последняя—в Бессарабию.

Разорвав естественные экономические связи Бессарабии с Украиной и Россией, Румыния оказалась совершенно экономически неприспособленной и неспособной заменить прежние экономические связи новыми, прежние рынки сбыта и закупки какими-либо другими. Экспортируя, главным образом, по Днестру, в меньшей мере через гирло Дуная и морем к Одесскому порту, Бессарабия обладала дешевым транспортом, который обеспечивал ей вполне сбыт ее продукции благодаря незначительной себестоимости при незначительных транспортных расходах. Аннексировав Бессарабию, Румыния

не могла также дать иных транспортных средств для вывоза бессарабской продукции. Порты Дуная не обладают достаточной пропускной способностью (не сравниться же им с Одесским портом), а жел.-дор. транспортные средства даже по своей грузопод'емности не в состоянии вывезти уменьшившегося урожая Бессарабии. При нормальном урожае Бессарабии нужно не менее 200 тыс. вагонов грузов, из коих не менее 160 тыс. вагонов для зерна. Железнодорожная же администрация в состоянии предоставить не более 70 тыс. вагонов, т.-е. около 30 проц. необходимого количества.

Насколько иссякают ресурсы страны, видно из следующего сопоставления. Средняя урожайность, например, ячменя за 1885—1900 год колебалась по уездам от 6 до 8,6 квинт. с одного гектара, а в период оккупации с 1921 до 1925 г. составляла соответственно (в квинт. на гект.) по годам 3,9; 11,7; 7,3; 2,9; 2,2.

Такое же сильное падение производительности и по другим хлебам. По основному предмету питания в Бессарабии, кукурузе, мы наблюдаем такую регрессию (по тем же годам в квинт. на гект.): 7,1; 8,8; 10,8; 8,3; 5,5.

Понижение производительности происходит при весьма слабом увеличении посевной площади. В 1914 году посевная площадь составляла 2.609 тыс. гектаров, а в 1925 году—2.878 тыс., увеличение на 11 проц.; зато площадь под зерновыми культурами дает несомненное уменьшение, так в 1926 г. она уменьшилась на 13,8 проц. (562 тыс. *га* против 670 тыс. *га* пр. года).

Такое постепенное ухудшение развития сельского хозяйства имеет место при проведении румынским парламентом так называемой аграрной реформы, которой румынская буржуазия очень гордится и считает наилучшим достижением сельскохозяйственной политики.

Между тем, аграрная реформа румынской олигархии не разрешила аграрного вопроса д а ж е с точки зрения законов буржуазного развития. Реформа коренным образом проведена не была, ибо значительная часть земли осталась неэкспроприированной, а та, которая подлежала распределению, попадала, отчасти, чиновникам, духовенству, кулакам. На долю одного хозяйства пришлось вместо 7 гектаров, как возвещала реформа, всего лишь 3,8 гектара [1]). Всего было наделено 357.016 собственников земельной площадью в 1.089.045 гектаров [2]). Остались же неэкспроприированными площади помещичьей земли не менее чем по 100 гектаров на каждое владение. При юридическом дроблении владения (например, на каждого члена семьи) норма (100 *га*) рассчитывалась на каждое юридическое лицо. За помещиком, имеющим в семье члена с высшим сельскохозяйственным образованием, разрешалось оставлять еще одну «помещичью» норму. В общем за помещиками оставлена площадь около 700 тыс. гектаров, т.-е. еще 20 проц. всей удобной площади.

Реформа была об'явлена законченной в 1924 году, и правительство разрешило свободную продажу земель. Начался быстрый процесс земельной дифференциации в деревне, необыкновенно мучительный для беднейшего крестьянства.

Даже кулацкая газета «Бессарабское Слово» по этому поводу писала [3]):

«В июле пр. года было официально об'явлено, что проведение аграрной реформы в Бессарабии закончено. С того момента началась мобилизация земли, свободное отчуждение участков. Момент для крестьянства был самый неблагоприятный... Цены на землю стояли очень низкие... Отчуждаемые земли попадали в значительном числе случаев во владение сельского кулаческого элемента, иногда никакого отношения не имеющего к земледелию, а спекулирующего на земле и на горбе денежно бедного малоземельного крестьянства. Нечего и говорить, насколько

[1]) См. подробнее об аграрном вопросе в Румынии в «Большевике» за 1927 г., № 1

[2]) Вся площадь удобной земли в Бессарабии исчисляется в 3,5 млн. гектаров.

[3]) См. № от 20 августа 1925 г.

опасно такое положение. О н о с о з д а е т в д е р е в н е н о в ы й с л о й м а л о з е м е л ь н ы х, а т о б е з з е м е л ь н ы х п р о л е т а р и е в, к о т о р ы м р е ш и т е л ь н о н е к у д а д е в а т ь с я» [1]).

Земля снова стала попадать к помещикам и кулакам. Слой безземельных и малоземельных крестьян, составлявший до реформы около 23%, стал настолько быстро расти при одновременном росте нового помещичьего и кулацкого слоя, что правительство основательно затревожилось и об'явило распродажу земли запрещенной. Этим запретом процесс капиталистической дифференциации в бессарабской деревне, конечно, не приостановлен, хотя он стал несколько замедленным, ибо распродажа стала нелегальной. Но юридически нелегальная распродажа была фактически легальной, что весьма возможно при наличии в Румынии самой широкой системы взяток и подкупов. Все это способствует еще большему замиранию хозяйственного развития края.

П р о м ы ш л е н н о с т ь и т о р г о в л я влачат жалкое существование. В Бессарабии имеются сейчас всего три акционерных компании с капиталом в 2.450 тыс. лей, т.-е. на наши деньги с 200 тыс. рублей. Банкротства растут и еще более дезорганизуют торговлю и промышленность. 6-процентный кредит Национального Банка, благодаря сети частных банков, доходит фактически до 24-х, 34-х и даже до 60% годовых. «Мы не ошибемся,—пишет «Бес. Слово» [2]),—если скажем, что в 99 случаях из 100 банкротства являлись результатом непомерного процента». Пошлины достигают 70 проц. стоимости импортного товара.

Имеющиеся около 260 предприятий с 5,2 тысячами рабочих, работают при необычайной эксплоатации и весьма нищенской зарплате, которая все больше и больше отстает от все растущей дороговизны. Зарплата трамвайных рабочих в прошлом году составляла 65 лей в день, т.-е. в месяц на наши деньги 20 руб. После забастовки зарплата была увеличена до 80 лей (менее 80 коп.) в день. Рабочие пекарен получают при сдельной оплате 30—35 лей «за печку», что в месяц составляет около 30 руб. Зарплата в других производствах тоже выражается в таких мизерных цифрах и не превышает в среднем 35 руб. в месяц. Неудивительно, что рабочие об'являют беспрерывно забастовки, невзирая на неимоверные гонения сигуранцы, и требуют увеличения зарплаты на 40—60 проц. Многие забастовки кончаются победой рабочих.

Неимоверно свирепствует и н а л о г о в ы й пресс в Бессарабии. Несмотря на то, что в 1927 году румынское правительство перевело на самоокупаемость почту, телеграф и железные дороги, в силу их убыточности, бюджет 1927 года был составлен в суме 33.380 млд. лей, что составляет увеличение против прошлого года на 5 млд. лей, т.-е. 15%. Поэтому, на душу населения налог был увеличен на 20% и доведен в среднем до 2.000 лей в год. Увеличились также и косвенные налоги на керосин, на сахар (4 леи с килограмма вместо 1 леи); втрое повышены налоги на недвижимости. Всякий раз вводятся новые налоги; введен новый налог в 20 лей с головы рогатого скота и 10 лей с гектара обрабатываемой земли [3]). Надо же кормить армию казнокрадов и взяточников румынского государственного аппарата. Даже «Adeverul» сообщает, что, «по данным министерства финансов, чиновники

[1]) Разрядка автора

[2]) №№ от 19 и 27 декабря 1927 года.

[3]) «Бесс. Слово» в № 1055 от 7/XII 1927 г., в статье «Всесильный перчентор» (сборщик податей *П. А.*) описывает новые ухищрения румынских властей по части выжимания налогов. Там, между прочим, написано: «Один из сельских банков установил триер (зерновая очистительная машина. *П. А.*), который стоил 18.000 лей. Выручка с него 2.000 лей, а перчентор обложил его в 1.800 лей... Одна пасека в 30 ульев была обложена в 4.000 лей... К разряду столь же нецелесообразных обложений относится обложение рядовых сеялок, виноградных прессов и т. д. Здесь речь идет не об отдельных случаях рвения перченторов: речь идет о системе»

раскрадывают, не считая взяток, ¼ всех доходов государства». За такие «вещи» в Румынии почти не преследуют, ибо весь аппарат снизу до верху нечист на руку. Экономическое разложение вызывает гнилость всего государственного аппарата.

III. Национальный вопрос и политический режим.

Национальности Бессарабии [1]) при царском правительстве находились под гнетом руссификаторской политики последнего. Особенно подвергались преследованиям евреи, молдаване и украинцы. Но румынское правительство своим национальным гнетом, преследованиями и погромами несравненно превзошло картинки проявлений националистического угара в дореволюционной России. Не говоря уже о еврейских погромах, которые черносотенцы-фашисты под предводительством «профессора» Кузы, беспрерывно практикуют во всех крупных городах Румынии и Бессарабии (Яссы, Кишинев, Бухарест и проч.), но даже по отношению к национальностям, которых румынская буржуазия считает своими и называет «румынами», по отношению даже к родственным национальностям проводятся такие же гонения. Молдаван румынская олигархия и ее шовинистические пособники считают «румынами» и, исчисляя, напр., численность румын в Бессарабии определяют ее в 68%, относя к румынам всех молдаван. Шовинисты-румыны называют последних «некультурными румынами», а первых—«культурными молдаванами». Хотя между румынами и молдаванами имеется общее далекое историческое прошлое,—языковые, бытовые и национальные различия настолько велики, что только оголтелый шовинизм может молдаван причислить к румынам, подобно тому, как «великодержавное руссификаторство» причисляло украинцев и белоруссов к русским. Между румынами и молдаванами не меньшее различие, чем между украинцами и великоруссами, хотя и последние имеют общий исторический корень происхождения. Между тем даже у нас, у советских публицистов по румынскому и бессарабскому вопросу, встречаешь смешение молдаван и румын в «одну нацию». Некоторые проводят между ними знак равенства по недоразумению, вернее, по неразумению, а иные (увы!) по убеждению, уподобляясь румынскому шовинизму. В речи, Х. Г. Раковского [2]), по случаю 7-летия захвата Бессарабии прямо проводится знак тождества между языковыми особенностями этих национальностей. Говоря о румынских притязаниях на Бессарабию, основанных на «этнографических и филологических факторах», Х. Г. Раковский (тогда член ВКП), между прочим, говорит, продолжая эту мысль: «Иначе говоря, исходя из таких аргументов (доказательств), нужно предполагать возможность, что так как молдаване говорят по-румынски, то они хотели об'единиться с румынами по ту сторону Прута». А В. Дембо (беспартийный), делая сноску, поправляет его: «Хотя на самом деле и язык бессарабских молдаван—молдавский—значительно отличается от румынского языка». Еще более определенно «разрешается» вопрос т. Бадулеску в брошюре «Румыния» [3]), где автор вскользь бросает реплику по адресу большевистской политики в конкретном национальном вопросе (молдавском). Иначе как именовать такой фортель тов. Бадулеску: «Румыны (так называмые молдаване) составляют в Бессарабии только 47% населения»? Вот так «так называемые»! Кем называемые, товарищ Бадулеску?

---

[1]) Их насчитывается свыше 14: молдаван — 47,6%, украинцев — 19,6%, евреев—11,8%, русских—8,0%, болгар—5,3%, гагаузов—2,9%, немцев—3,1%, поляков—0,5%, армян, греков, французов и проч.—каждой менее 0,5%.

[2]) См. Х. Раковский и В. Дембо. Румынские притязания на Бессарабию. Изд. «Московский Рабочий». 1926 г. Москва. Стр. 24.

[3]) «Румыния». Изд. «Московский Рабочий». 1927 г. Стр. 30.

Ну, что нужно было бы сказать, если бы те же авторы по вопросу об Украине написали бы: «русские (так называемые украинцы) и пр.»? Каково было бы?!

Пора согласиться с национальной политикой АМССР [1]) в молдавском вопросе, против которой в особенности румынские олигархи направляют острие своих нападок. Самая широкая румынизация Бессарабии в виде принудительных обязательств говорить на румынском языке во всех правительственных и общественных местах, закрытие всех национальных школ, национальные преследования и гонения сигуранцы и ее агентов «кузовцев»-фашистов, перманентные еврейские погромы, насильственное, предвзятое административное деление Бессарабии на избирательные округа с абсолютным преобладанием молдавского (так называемого румынского) населения, и проч., и проч.,—все это лишь все более обостряет национальные противоречия и еще более усиливает национальную ненависть к оккупантам со стороны всех народностей Бессарабии. Негодование против оккупантов, как иноземцев, доходит до того, что многие рабочие и крестьянские семьи отказываются отдавать своих детей учиться в румынские школы, обучая их тайком на дому на родном языке, или предпочитая оставлять их пока без учебы в ожидании дней скорого освобождения от ига румынских пришельцев. Только твердое убеждение и уверенность в освобождении Бессарабии могут создать такой длительный бойкот румынских школ. Разнообразие национальных особенностей в Бессарабии настолько велико, что только правильная национальная политика в бессарабском вопросе может искоренить национальные противоречия в бессарабском вопросе; это может сделать только коммунистическая партия, изучающая и учитывающая весь опыт национальной политики ВКП(б).

Национальные преследования румынских захватчиков против рабочих и крестьян тесно переплетаются с политическими гонениями, перед которыми бледнеют даже методы гонений времен испанской инквизиции. Система пыток доведена в румынской охранке (сигуранца) до чрезвычайной утонченности, целью которых является причинение наибольших страданий своей жертве. Втыкание иголок под ногти пальцев рук; сжимание дверью рук до хрустения костей; вставление раскаленных яиц под мышки (рук); подвешивания; истязание по голым пяткам вплоть до получения «мясного тряпья»; хождение с истерзанными таким путем ногами по холодной, как лед, воде; капанье холодной воды на бритую голову; кормление кисло-соленым составом и лишение при этом по нескольку суток воды; обычные побои, вплоть до обморочного состояния; откачивание и снова побои и т. д., и т. п. Волосы становятся дыбом при одном воспоминании об этих ужасах пыток.

Помимо индивидуальных пыток и истязаний, румынская сигуранца и жандармерия применяют массовый террор, по одному лишь подозрению в большевизме разрушая целые деревни и села артиллерийским огнем, поджигая как отдельные хаты, так и целые кварталы, запирая жертвы в погреб и нагромождая живые тела до предела, а затем расстреливая и удушая жертвы пороховым дымом.

Все это лишь весьма и весьма бледные строки всех тех действительных ужасов, в которых находятся трудящиеся массы, благодаря насилию незваных, остервенелых пришельцев. История десятилетнего господства румынского боярства и буржуазии вкупе с бессарабскими помещиками и капиталистами, это—сплошная, непроглядная тьма, кромешный ад, из которого раздаются стоны рабочих и крестьян Бессарабии, взывающих о помощи к международному пролетариату. Неудивительно, что Бессарабия, это—пороховой погреб, в который достаточно бросить спичку, чтобы вспых-

---

[1]) Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика.

нуло восстание. История десятилетнего гнета румынской буржуазии над Бессарабией есть, вместе с тем, история беспрерывных восстаний против ига иноземцев, против помещиков и капиталистов, за восстановление власти Советов рабочих и крестьян; это—история восстаний, то внезапно вспыхивающих, то снова затихающих, чтобы собраться с силами и снова нанести удар в тыл румынского владычества. История Бессарабии за период оккупации ее Румынией насчитывает несколько десятков крестьянских восстаний и сотни экономических забастовок пролетариата. Наиболее грандиозными из них были Хотинское восстание 1919 года, Татарбунарское 1924 года и политическая жел.-дор. забастовка в 1921 году. В борьбе с режимом сигуранцы немало погибло лучших борцов за освобождение Бессарабии в тюрьмах, в ссылках, в застенках сигуранцы, на полях восстания, от пули из-за угла, под пытками и истязаниями.

Вся эта борьба рабочих и крестьян пока не имеет еще достаточно сил, чтобы окончательно сбросить иго оккупантов, но она свидетельствует о нарастании революционных сил, об усилении классовых и национальных противоречий, которые рано или поздно приведут снова к освобождению Бессарабии. Бессарабский вопрос может служить орудием вовлечения Румынии в антисоветский блок, но Бессарабия, накопляя опыт предшествующих революций, таким орудием служить не будет. Являясь одним из факторов, революционизирующих Румынию, эта оккупированная окраина первой пробьет брешь в кольце антисоветских блоков и союзов. Не за горами час создания Советской Бессарабии, об'единенной с Автономной Молдавской Советской Социалистической Республикой.

А. Сучков.

Как не надо рассматривать вопрос о формах землепользования.

(Ответ на статью тов. М. Устинова).

Помещенная мною в № 10 «С.-Х. Жизни» 1927 г. статья «Двор или община» дала повод тов. М. Устинову выступить в № 19—20 «Большевика», от 31 октября 1927 г. с статьей «К вопросу о формах землепользования», в которой он пытается доказать, что на страницах наших руководящих органов печати («С.-Х. Жизни») «культивируется» народническая община.

«Некоторые товарищи,—указывает автор,—говорящие и пишущие по этому вопросу, рассматривают формы землепользования не только и не столько со стороны пригодности их для целей развития производительности сельского хозяйства, а в первую очередь под углом зрения создания ими максимума условий для обобществления последнего».

А кто рассматривает формы землепользования со стороны создания ими условий для обобществления сельского хозяйства, кто считает, что формы землепользования обусловливают обобществление его, тот неминуемо будет путаться в противоречиях, из которых не будет выхода.

«Больше того,—продолжает тов. М. Устинов,—раз для широкого развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товариществ и т. д.) нет налицо тяги самого крестьянства, а равно соответствующих в достаточном количестве средств у нашего государства для поощрения этих коллективных форм, то товарищи, считающие, что обобществление сельского хозяйства обусловливается формой землепользования, вынуждены итти вглубь прошлого, давно отжившего народнического понятия».

И, наконец, автор приводит цитаты из Маркса и Ленина в подтверждение того, что «не форма землепользования создает систему хозяйства, а система хозяйства, назревая, создает свою, ей лишь свойственную форму землепользования» и приходит к выводу о том, что «переход к социализму не будет зависеть от форм землепользования, а социализм, придя (разр. наша. *А. С.*), создает ту или иную форму землепользования». И все изложение тов. М. Устинов ведет в направлении рассмотрения форм землепользования только со стороны пригодности их для целей развития производительных сил сельского хозяйства, без всякого учета той целевой установки, согласно которой это развитие должно быть введено в общее русло нашего социалистического строительства. А между тем, в этом все дело. Но обратимся к существу вопроса и к соображениям по нему тов. М. Устинова.

Он нам рекомендует положиться на стихию, отказаться от планового регулирования сел.-хоз. строительства и предоставить развитие деревни в этом отношении самому себе, а она, «матушка-деревня», через капиталистический способ землепользования и хозяйства, эволюционным путем дой-

дет до социализма, и сама по себе создаст необходимые нам социалистические формы производства.

Сопоставим эти взгляды с напечатанными в том же номере «Большевика» выдержками из тезисов тов. Молотова к XV партс'езду.

«Ведущим началом всего народнохозяйственного развития,—говорится в тезисах, являются командные хозяйственные высоты, в первую очередь крупная промышленность. Но если в капиталистическом обществе ведущая роль этих командных высот определялась их капиталистическим содержанием, то национализированная промышленность, кредитные институты, транспорт, кооперация и госторговля пролетарского государства являются могущественнейшими рычагами социалистического преобразования деревни. Плановое руководство хозяйством, которое делается возможным благодаря громадной централизации средств производства и аппаратов, обслуживающих процесс обращения, в руках пролетарской власти, неизбежно создает гигантские возможности преобразующего воздействия на экономику деревни».

«Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком».

«За последнее время нужно констатировать значительное усиление планово-регулирующей роли пролетарского государства в сельском хозяйстве и рост влияния социалистических элементов в самой деревне».

Из этих выдержек мы видим, что советское государство ведет экономику деревни через планово-регулирующий путь по столбовой дороге к социализму, отвергая в силу этого, эволюционно-стихийный путь, как путь буржуазно-капиталистический.

По частному же вопросу о формах землепользования в тезисах тов. Молотова, одобренных высшими органами партийного руководства, определенно говорится, что необходимо зажимать хуторские и отрубные формы там, где они способствуют росту и укреплению кулацких элементов, и всячески способствовать образованию форм, наиболее благоприятствующих кооперированию сел.-хоз. производства. Отсюда мы видим, какое громадное пространство отделяет равнодушно-эволюционную точку зрения тов. М. Устинова на формы землепользования от активной целеустремленности в этом вопросе тезисов ЦК ВКП(б) о работе в деревне.

«Община служит,—говорит тов. М. Устинов,—громадным тормозом в развитии производительных сил сельского хозяйства».

Этот аргумент не является новым: слышали его задолго до М. Устинова из уст как буржуазных экономистов, так и простых обывателей, которые доказывали и доказывают, что частное хозяйство работает лучше государственного и общественного; частное доходно, а государственное убыточно; отсюда требование буржуазного обывателя: дать простор и размах частному предпринимателю, который поставит свое хозяйство на должную высоту, и т. д.

Здесь, очевидно, речь идет об индивидуальном прогрессе на старых буржуазных основах. Но ради такого прогресса наше государство едва ли пойдет на ликвидацию общины.

Для нашего государства, превратившего прежние общественные отношения в их противоположность, ничто прогресс индивидуумов; для него все—это прогресс всего общества на социалистических основах, и на обязанности этого государства лежит массовый под'ем слабых и просвещение отсталых.

Острие мысли тов. М. Устинова всецело направлено против общины в защиту двора. Верно то, что прежняя община была препятствием для развития сельского хозяйства, что защитниками общины были народники; и, наконец, верно то, что Ленин народническую общину высмеивал. Все это так. Все это верно. Но в чем же дело, и из-за чего спорят товарищи в печати,—одни, беря под защиту общину, другие—двор? А дело в том, что здесь спор идет не столько о форме землепользования, сколько о сути хозяйствования.

Тот, кто отстаивает по этой линии подворную форму землепользования, катится к кулачеству. И если это устремление не получит должного освещения и отпора, то оно может проникнуть в массы и принести большой вред в работе земорганов в случае, если будет воспринято нашими, особенно низовыми, работниками строительства советской деревни.

Тов. М. Устинов, явно не учитывает того, что современная община (земельное общество) есть творение Октябрьской революции, оформленное в законодательстве Союза рабочих и крестьян. Современная община нисколько не похожа как на народническую общину, так и на столыпинские земельно-хозяйственные формы.

В XIX столетии Фридрих Энгельс писал: «Уцелело ли от русской общины столько, чтобы она и теперь, как еще мы надеялись с Марксом в 1892 г., смогла, при наступлении переворота в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития,—судить не берусь. Но не подлежит сомнению вот что, для того, чтобы уцелело хоть что-нибудь от этой общины, необходимо, прежде всего, низвержение царского деспотизма, необходима революция в России. Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса наций, крестьяне, и которые составляют их «мир», их вселенную, не только вырвет крестьян из этой обстановки и выведет их на широкую арену, где они узнают внешний мир, а вместе с тем и самих себя, узнают собственное свое положение и средства избавиться от теперешней нужды, но и даст новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, без которой внешняя Россия не может притти ни от общины, ни от капитализма к преобразованию общества на социалистических началах».

Из этого мы видим, что для Энгельса народническая община не являлась ключом к социальному перевороту: для него этим ключом была революция в России, которая сохранит остатки общины, преобразовав их в новую форму применительно к пути развития нового класса, который станет господствующим после революции.

А вот и выдержка из Маркса [1]): «Врожденный дуализм общины (общественное землевладение и индивидуальное пользование) допускает альтернативу: либо начало собственности одержит в ней верх над началом коллективным, либо последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

«Отвлечемся на минуту от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Она занимает совершенно особое положение без прецедентов в истории. Она лишь одна в Европе является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда существования капиталистического производства—дает ей в готовом виде материальные усло-

---

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Институт Маркса и Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. 1, Госиздат. Москва 1924 г. В. Засулич и К. Маркс, III черновик, стр. 285.

вия кооперативного хозяйства, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными изобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее Кавдинские ущелья. Она может при помощи машин, для которых так удобна физическая конфигурация русской почвы, постепенно заместить парцеллярное хозяйство сложным хозяйством. Будучи предварительно приведенв в ее теперешней форме, она может стать непосредственным отправным пунктом экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая для этого к самоубийству.

«Ну, а проклятие, которое поражает общину,—ее обособленность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других общин, этот локализированный микроскоп, который лишал ее до настоящей поры всякой исторической инициативы. Он исчезнет посреди общего сотрясения русского общества».

То, что предвидели Маркс и Энгельс, мы имели: Февральскую революцию (низвержение царского деспотизма) и Октябрьскую революцию (низвержение буржуазии). Отсюда, как следствие, мы имеем нашу советскую общину (земельное общество), как земельную ячейку, являющуюся основой землепользования в деревне.

Основными завоеваниями Октябрьской революции в области земельных отношений являются: национализация земли и отмена навсегда частной собственности на землю. Национализированная земля составляет собственность рабоче-крестьянского государства, которое, оставаясь собственником земли, предоставило в трудовое пользование огромную долю сельскохозяйственной площади республики (до 97 проц.) земельным обществам с тем, чтобы землепользователи обрабатывали землю личным трудом, и притом правильно и целесообразно использовали находящиеся в их пользовании угодия.

Тов. Суханов в журнале № 11—12 «На Аграрном Фронте» пишет об общине: «Освобожденная от сословных, полицейских и прочих пут, современная община юридически характеризуется следующими признаками: 1) она имеет фиксированную территорию (постоянную земельную площадь); 2) она имеет население, использующее эту территорию (землю) для хозяйственных целей; 3) она управляется либо общим собранием ее населения (сходом), либо выборными своими людьми; 4) сход или выборный орган располагает всей полнотой прав в области распоряжения землей; 5) права его ограничиваются лишь невозможностью отказа ее членам в равном с другими праве на землю без особых к тому оснований; 6) сход или заменяющий его орган обладает полнотой прав и в прочих хозяйственных делах, не связанных прямо с пользованием землей, поскольку эти дела касаются всего населения данной территории; 7) сход обладает правами юридического лица при сношениях с внешним миром; 8) все эти права сход осуществляет большинством голосов; 9) принадлежность к общине определяется рождением и является пожизненной; 10) выход из общины без земли определяется простой отлучкой ее члена; 11) вступление в общину со стороны возможно, согласно приговору схода; 12) выход из общины отдельных ее членов с причитающейся им долей земли возможен с согласия общины, т.-е. община имеет право самоуправления; 13) лица, живущие на территории общины, но не являющиеся ее членами (пришлые), не участвуют в управлении делами общины».

В настоящее время основным и главным землепользователем является исторически сложившееся, но преобразованное революцией земельное общество, это земельное общество образуется из дворов, а в некоторых случаях является коллективом, состоящим из отдельных землепользователей. И подобно тому, как государство подходит к отдельным дворам только через со-

ставляющиеся из них земельные общества, так само земельное общество подходит к отдельным землепользователям, своим членам, только через дворы, в которые они входят и вследствие принадлежности к которым они осуществляют свои права. Таким образом, мы получаем последовательность владельцев земельных прав: государство—земельное общество—двор—землепользователь, из которых первому принадлежит право собственности на земли, второму—право распоряжения землепользованием, третий же является об'единением непосредственных землепользователей и имеет право участия, соответственно своему составу, пользования землей, закрепленной за земельным обществом, на правах членства, согласно уставу общества или установленному его приговором порядку землепользования.

Земельному обществу, как указано выше, присвоены права так наз. юридического лица, т.-е. оно может от своего лица приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в других учреждениях и т. п.

Таким образом, община, преобразованная в земельное общество, является низовой организацией, на основе которой происходит регулирование государством всего землепользования.

М. Устинов неправильно говорит, что община мешает хозяйству и держит в тисках передовых крестьян. Во-первых, мы через общину, несмотря на пережитое трудное время, не только достигли в сельском хозяйстве довоенного уровня, но и перешагнули его. Во-вторых, община может быть улучшаема, т.-е. из трехпольной, превращаться в многопольную, из страдающей много-мелко- и узкополосицей—в широкополосную, из переделяющейся чуть не каждый год—в редко переделяющуюся и т. д. В-третьих, земельный кодекс не держит крестьян в общине насильно, а дает им выход из нее как в коллективы, так и на улучшенные формы единоличного хозяйства (поселки, выселки и проч.).

Реорганизованная на советских началах община, в противоположность хуторскому и отрубному землепользованию, наиболее разобщающему землю и хозяйство, дает возможность на своих *общих* для всех хозяйств севооборотных полях применять крупные и сложные сел.-хоз. машины и орудия, т.-е. проводить *производственное кооперирование* и при помощи агрикультурного воздействия обеспечивает *массовые* сдвиги входящих в них хозяйств.

Отрицательные же стороны подворного землепользования, к которому так сочувственно относится тов. М. Устинов, выражаются в следующем:

1) Подворное землепользование не отвечает социально-политическим и экономическим требованиям современного строительства и, вместе с тем, способствует расслоению крестьянства, которое сейчас хотя не протекает в резкой форме, но с введением подворного землепользования может обостриться и толкнет крестьянство по так наз. фермерскому пути; таким образом, подворное землепользование явится предпосылкой для развития частнохозяйственных отношений в деревне.

2) Переход к формам подворного землепользования укрепляет в сознании крестьян собственнические стремления и, в силу консервативности единоличных земельно-хозяйственных форм, создает большие препятствия для перехода к крупным социалистическим формам сельского хозяйства на основе индустриализации.

3) Подворное землепользование не составляет той формы, при которой дается облегченная возможность развития крестьянского сельского хозяйства по пути его обобществления. Под'ем последнего возможен лишь на основании широкого развития сельскохозяйственной кооперации. Подворное же землепользование, хотя и повышает производительность отдельных дворо-хозяйств, но повышает его только на несколько лет; затем создается за-

стой, так как производственное кооперирование сельского хозяйства затрудняется здесь формами, размерами и существом подворного землепользования.

4) Переход к подворной форме землепользования осложнит государственное регулирование сел.-хоз. строительства и проведение земельной политики в деревне, так как общества тогда будут заменены 24 миллионами распыленных, одиночных дворов и не будет той организации, которая их об'единяет и через которую производится воздействие на землепользование, т.-е. такой организации, которая теперь устанавливает и изменяет порядок землепользования, определяет способы пользования общими угодиями, производит переделы, ходатайствует о землеустройстве и проч.

5) Наконец, подворное землепользование предполагает как бы собственность на землю, устраняет переделы земли, оставляет пролетариат и полупролетариат в деревне без земельного обеспечения, порождает в сельском хозяйстве беспорядок производства и имеет труднопреодолимые признаки столыпинской формы землепользования, являясь излюбленной кулацкой формой.

Из всего этого вытекает, что более выгодной и целесообразной в текущем переходном периоде следует считать усовершенствованную общинную форму землепользования, создающую удобную территориальную базу для перехода к общественной форме хозяйства, а не подворную форму и что поэтому, в противоположность либерализму тов. М. Устинова, на содействие образованию первой формы должны быть направлены меры экономической политики, как это и имеет место теперь в руководимом партией земельно-хозяйственном строительстве.

В заключение скажем, что у тов. М. Устинова, кроме его буржуазного взгляда на существующие вещи в нашей стране, не было данных для защиты выдвинутого им положения. Это видно из того, что М. Устинову понадобилась литературная подделка: приведенная им цитата из моей статьи— «Общинная форма землепользования отвечает всем запросам как кооперирования, так и вообще земельной политике в деревне»,—грубо подделана, так как подлинный абзац моей статьи нужно читать так: «Более выгодной и целесообразной надлежит считать общественную форму землепользования (земельное общество), но не подворную форму, так как первая отвечает всем запросам как кооперирования сельского хозяйства, так и вообще земельной политике в деревне». Этим фактом свидетельствуется вся несостоятельность положения, выдвинутого М. Устиновым.

В. Астров.

Ответы на некоторые вопросы читателей.

В редакцию «Большевика» поступил целый ряд вопросов, относящихся к выяснению существа социализма и коммунизма, т.-е. низшей и высшей стадии коммунистического общества, и взаимного отличия этих двух стадий. Вместе с тем товарищи спрашивают снова о характере наших государственных предприятий и о характере кооперации в советском строе. Подобные вопросы поступили от группы преподавателей-экономистов брянской губсовпартшколы (тт. Спивак, Петрищев, Орликова), от т. Федорова, т. Крупника и др.

Говорить о социалистическом типе предприятий в наших условиях можно, лишь уяснив себе основное в понятии «социализм». Поэтому мы и начнем с выяснения вопроса: что такое социализм? Для этого нам придется привести некоторые выдержки из сочинений Маркса и Ленина.

Под коммунизмом мы понимаем полное уничтожение частной собственности на средства производства, замену ее общественной собственностью и коммунизм в потреблении, основанный на принципе: с каждого—по способностям, каждому—по потребностям.

Этой коммунистической организации хозяйства соответствует полное отсутствие в коммунистическом обществе классов и государства. В области культурной, предпосылкой осуществления полного коммунизма является уничтожение противоположности между трудом умственным и физическим, возможное лишь на весьма высокой ступени развития производительных сил.

Маркс так характеризует эту высшую стадию коммунизма:

> «Лишь на высшей стадии коммунистического общества после того, как исчезнет порабощающее человека разделение труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком,—лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «каждый—по способностям, каждому—по потребностям». («Критика Готтской программы»).

Первая (низшая) ступень коммунизма, которую Маркс и Ленин называют социализмом, означает осуществление первого из названных нами выше экономических условий высшей коммунистической стадии: уничтожение частной собственности на средства производства и замена ее общественной собственностью. Что же касается сферы потребления и принципов организации труда, то в этой области экономики еще сохраняется, по выражению Маркса, «буржуазное право», ибо распределение труда и средств потребления регулируется принципом: каждому—по

его труду, что связано с индивидуальной собственностью на средства потребления. В соответствии с этой не вполне коммунистической экономикой остается не вполне коммунистическим и все социальное и культурное лицо социалистического общества, сохраняя на себе, по выражению Маркса, «родимые пятна» капитализма. Классы, как постоянные общественные группы, противостоящие друг другу в процессе производства, в основном уничтожены, так как не существует частной собственности на средства производства, но еще сохраняются остатки былого общественного неравенства, связанные с некоммунистическим распределением средств потребления и пр. Государство перестает быть органом классового угнетения, но оно сохраняется еще для охраны общественной собственности на средства производства и для регулирования социалистической системы распределения труда и средств потребления. Существует еще неравенство и противоположность между трудом умственным и физическим.

Маркс пишет о социализме, как о «товарищеском, основанном на общем владении средствами производства обществе»; в нем «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями,—продолжает Маркс,—то здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой форме». («Критика Готтской программы»).

Ленин, разбирая в своей книге «Государство и революция» вопрос о фазах коммунистического общества и опираясь на Маркса, говорит о социализме, как о «низшей фазе коммунистического общества», следующее:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу»... «Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)».

И далее:

«Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, а лишь в меру достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку—и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта»—и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продуктов».

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм». (Соч. Ленина, т. XIV, ч. 2, стр. 372—374).

После того, как мы из этих положений Маркса и Ленина уясним себе суть и отличие социализма от коммунизма, нам не трудно будет ответить на вопросы, которые ставят нам читатели «Большевика».

Первый вопрос. — Тов. Крупник спрашивает нас, не правы ли те товарищи, которые, видя отсутствие на наших государственных предприятиях коммунистического распределения продуктов и вполне коммунистической организации труда, склоняются к толкованию слов Ленина о «последовательно-социалистическом типе» госпредприятий в том смысле, что эти предприятия лишь в будущем «последуют» к социализму? Само собой понятно, что они кругом не правы! Они не продумали до конца точки зрения Ленина и нашей партии на характер госпредприятий, они не поняли до конца, в чем именно состояла оппортунистическая суть взглядов оппозиции на этот вопрос.

В чем состоит социалистический «тип» производственных отношений? Из вышеизложенного ясно, что он состоит в уничтожении частной собственности на средства производства, в общественной собственности на них. Что касается распределения продуктов и распределения труда, то, при социалистическом типе производственных отношений, в этой области еще сохраняется, по выражению Маркса, «буржуазное право», как «родимое пятно» капиталистического общества, из которого революционным путем рождается социализм. Таким «родимым пятном» сейчас является денежная зарплата, сдельщина, различие в ставках, продажа продуктов и пр. (не говоря уже о наличии тех или иных бюрократических извращений в управлении предприятиями). Все эти «родимые пятна» никоим образом не уничтожают того факта, что средства производства принадлежат обществу, что и делает госпредприятия социалистическими по типу производственных отношений.

Ленин говорит не о коммунистическом, в полном смысле этого слова, а о социалистическом типе советских госпредприятий, и он вполне прав, когда об'являет этот тип предприятий в полном смысле этого слова (именно это и означает сделанное им добавление «последовательно») социалистическим типом. «Социализм—не икона», социализм мы «протаскиваем в повседневную жизнь», часто повторял Ленин. Эти слова следует напоминать тем, кто сомневается в последовательно-социалистическом характере наших госпредприятий, внутри которых уничтожена частная собственность на средства производства и уничтожены классы.

Второй вопрос. — Группа тт. преподавателей брянской совпартшколы не удовлетворяется теми раз'яснениями по вопросу о социалистическом характере кооперации при диктатуре пролетариата, которые автор этих строк дал в своей прошлой статье (№ 19—20 «Большевика» за 1927 г.). Товарищи утверждают, что отказываясь признать сбытовую и потребительскую кооперацию в советских условиях за последовательно-социалистический тип предприятий, я недооценил значения диктатуры пролетариата и к тому же впал в противоречие со своей собственной позицией, занятой в споре с Преображенским (№ 21—22 «Большевика» за 1926 г.).

По существу вопрос становится ясным, если мы обратимся к вышеизложенным принципиальным взглядам на сущность социализма. Является ли сбытовая кооперация такой организацией, которая сама по себе уничтожает частную собственность на средства производства подобно тому, как это мы видим в госпредприятиях? Ясно, что нет. После этого, если для нас теория не есть собрание пустых догматических формул, а обобщение живой жизни, то мы обязаны провести известную теоретическую грань между определениями социально-экономического существа наших госпредприятий и сбытовой кооперации. Я и провел эту грань, отказавшись признать сбытовую кооперацию, которая, пользуясь выражением Энгельса, предоставляет мелкому крестьянину еще «долго подумать» о переходе к товарищескому хозяйству на своем «клочке земли» (в СССР—над «своими» орудиями производства), последовательно-социалистическим типом предприятия.

Вместе с тем, можно и должно говорить о социалистическом характере (точнее—о социалистической р о л и) такой кооперации, как сбытовая и потребительская, в условиях диктатуры пролетариата в т о м с м ы с л е, что эта кооперация в е д е т мелкое производство по пути к обобществлению, к уничтожению частной собственности и классов. Не являясь еще последовательно-социалистическим типом производственных отношений в наших условиях, эта кооперация является средством, путем, рычагом, руслом к п р е о б р а з о в а н и ю мелкого производства в производство последовательно-социалистического типа.

Удивляюсь, как товарищи могли меня упрекнуть в том, что я будто бы отступил от своей точки зрения, выраженной в полемике с Преображенским. В своем письме они, ведь, сами приводят цитату из моей статьи, гласящую:

> «С упорством, достойным безусловно лучшей участи, т. Преображенский пропагандирует идею о социалистическом характере одной лишь производственной кооперации... Ленин же имел в виду прежде всего к о о п е р а ц и ю в с ф е р е о б р а щ е н и я, х о т я и м е н е е п р и б л и ж а ю щ у ю с я к с о ц и а л и с т и ч е с к о м у п р о и з в о д с т в у п о с в о е м у т и п у, ч е м к о о п е р а ц и я п р о и з в о д с т в е н н а я но зато способную проще, легче и быстрее охватить основную массу, торгующую своими продуктами мелко-крестьянского населения, чтобы впоследствии подвести ее к коллективному производству».

Из этой цитаты видно, что я, отстаивая социалистический характер кооперации в советских условиях, и тогда, в 1926 г., делал то же самое р а з л и ч и е между «обращенческой» и производственной кооперацией по их социально-экономическому т и п у, какое я сделал и в «Ответах на некоторые вопросы читателей».

Вообще кооперация, как таковая, есть известная о р г а н и з а ц и о н н а я ф о р м а, наличие которой еще не предрешает характера охватываемых ею производственных отношений. Эта организационная форма в различных условиях наполняется различным социально-экономическим содержанием: при капитализме внутри кооперации развиваются капиталистические отношения, при диктатуре пролетариата—социалистические. Из последнего обстоятельства вытекает социалистическая роль нашей кооперации. Однако, внутри ее социалистические производственные отношения возникают и развиваются в процессе п е р е д е л к и мелкого частного производства, которое отнюдь не превращается в социалистическое сразу, в момент «записи в кооперацию» (если исключить построенные на основе полного обобществления средств производства колхозы). Социалистическая кооперативная форма «заполняется» социалистическим содержанием, т.-е. социалистическими производственными

отношениями, по мере р а з в и т и я социализма в СССР. На этом пути возможно частичное возрождение даже капиталистических отношений внутри кооперации, с чем нам приходится упорно бороться и что мы, в конце концов, преодолеем.

В о п р о с т р е т и й. — Тов. Федоров спрашивает: «Имеется толкование, что данный (нынешний) период именуется социализмом, так как при социализме есть классы, между тем как Ленин и Маркс говорят, что при социализме классов не будет. Правильно ли такое толкование?»

Из вышеизложенного ясно, что толкование современного общественно-экономического строя СССР, в целом, как строя социалистического, не правильно и оно будет неправильным до тех пор, пока мы в основном не уничтожим классы в нашей стране, заменив частную собственность на средства производства общественной собственностью не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Было бы никчемной схоластикой пытаться определить сроки или делать какие-либо цифровые выкладки на тему о том, с какого момента, с какого «процента» обобществления средств производства в стране («70%», «90%», и т. п.) мы сможем уже начать «летосчисление социализма» в СССР. Для нас должно лишь быть ясным, что социализм, как сложившийся общественный строй, ни в коем случае не упадет к нам «с неба», а явится п р о д у к т о м р а з в и т и я социалистических элементов в нашей экономике, продуктом развития обобществленной промышленности и коллективного сельского хозяйства. Та эпоха, которую мы переживаем, эпоха строительства социализма при диктатуре пролетариата, при существовании в СССР классов и разнообразных экономических укладов, есть эпоха п е р е х о д н а я о т к а п и т а л и з м а к с о ц и а л и з м у.

Однако, существеннейшее значение имеет та гегемония, то руководство, которое социалистические элементы экономики уже отвоевали себе в процессе хозяйственного развития страны (в е д у щ а я роль социалистического города в хозяйстве). Служа прочной (и р а с т у щ е й) экономической базой диктатуры пролетариата и обеспечивая нам возможность построения социализма, социалистическая промышленность уже сейчас позволяет нам называть СССР подлинно-с о ц и а л и с т и ч е с к и м отечеством международного пролетариата, «с т р а н о й с о ц и а л и з м а». Если дореволюционная Россия, имевшая крупнейшие остатки феодализма, большинство полунатуральных крестьянских хозяйств и пр., все же считалась в основном страной к а п и т а л и с т и ч е с к о й, то удельный вес социалистических элементов, имеющих на своей стороне крупное преимущество классовой организации, в СССР уже сейчас не меньше, чем был удельный вес капиталистических элементов в царской России. Поскольку социалистические элементы у нас играют ведущую роль в хозяйстве, допустимо в э т о м смысле, а не в смысле сложившегося социалистического строя, называть нашу страну социалистической.

В о п р о с ч е т в е р т ы й. — Тот же тов. Федоров спрашивает: «Уживается ли диктатура пролетариата с социализмом (первая стадия коммунизма) и не есть ли это одна стадия общественной формации?»

Строго говоря, это есть д в е р а з л и ч н ы х, следующих одна за другой стадии: при диктатуре пролетариата еще существуют классы и частная собственность, при социализме—нет; при социализме государство уже теряет характер органа классового угнетения, т.-е. существеннейшую черту диктатуры пролетариата. Однако, было бы неправильно проводить резкую грань или черту, воздвигать несуществующую «китайскую стену» между периодом диктатуры пролетариата и социализмом, ибо исторически эти два периода в ы р а с т а ю т один из другого, постепенно сменяют друг друга, так сказать, «входят» один в другой. В конце периода диктатуры пролетариата на-

ступает момент, когда социалистические элементы начнут играть такую преобладающую роль в экономике страны, что, в сущности, уже начнется период социализма, хотя известное время диктатура пролетариата будет существовать и как орган классового угнетения и классового руководства по отношению к тем остаткам других классов (в особенности мелких производителей), которые еще на известный срок будут уживаться на ряду с преобладающим социалистическим сектором хозяйства. Период диктатуры пролетариата перерастает в социализм, как первую стадию коммунизма, являясь сам, как мы уже сказали, переходным периодом от капитализма к социализму.

Существенно важно для характеристики периода диктатуры пролетариата усвоить, что этот период по разному начинается и кончается: начинается он с пролетарской революции, с насильственного свержения власти буржуазии пролетариатом, с революционной ломки экономики и т. д., а кончается он эволюцией в социализм, безреволюционным перерастанием в следующую фазу исторического развития.

Из приведенных выше положений Маркса и Ленина мы видели, что, согласно их теории, в течение всей первой фазы коммунизма, т.-е. социалистической фазы, государство еще будет существовать, точнее «отмирать», пока оно совсем не отомрет с наступлением высшей фазы коммунизма. Продолжать ли называть это государство в эпоху социализма «диктатурой пролетариата», или называть «социалистическим государством», или как-либо иначе,—это вопрос второстепенный. Важно лишь понять, что тогда пролетариата, как особого класса, противостоящего другим классам и обществам, уже не будет, и государство будет лишено функции классового угнетения. Тем самым только одна традиция, а не существо дела, может сохранить за таким государством наименование «пролетарской (т.-е. классовой) диктатуры».

Что касается вопроса того же товарища: «исчезнет ли государство при коммунизме?»,—то ответ на него уже был дан выше: оно совершенно исчезнет. Опять-таки, если правильно, что нет «китайской стены» между переходным периодом от капитализма к социализму (период диктатуры) и социализмом, то это тем более правильно по отношению к низшей и высшей фазам коммунизма. Коммунистические принципы начинают осуществляться при социализме и окончательно осуществляются, в развернутом виде, при высшей фазе коммунизма.

* * *

Перейдем к другим вопросам. Некоторые товарищи спрашивают, является ли в советских условиях так называемая «рабочая аристократия» в какой бы то ни было мере базой для оппортунистических настроений? Тов. Файн в присланной нам статье «О неоднородности пролетариата» утверждает, что «верхний слой пролетариата в нашем государстве, хотя и оторван от рабочего-«середняка», отнюдь не является проводником буржуазного влияния, а, наоборот, служит опорой коммунистической партии и советской власти».

Вопрос этот требует более или менее пристального рассмотрения. Во-первых, очевидно, что у т. Файн речь идет не о всем слое квалифицированного пролетариата в широком смысле этого слова (ибо тогда нечего было бы говорить об оторванности этого слоя от рабочего-середняка), а о более узкой прослойке рабочих, получающих наиболее высокие ставки, об «унтер-офицерах» и «офицерах» в производстве: о мастерах, техниках, частью служащих, специалистах и т. д. Во-вторых, далее, вопрос ставится автором так, как будто бы этот слой, в силу того, что его выше других оплачивает не буржуазия, а советское государство, является наилучшей опорой советской власти (здесь обнаруживается некоторое внутреннее противоречие у автора, ибо выходит, что «оторванный» от рабочей основной массы слой якобы может быть основной опорой советской власти!).

Рассмотрим вопрос по существу. В империалистических странах рабочая аристократия оппортунистична потому, что ее, за счет колониальных сверхприбылей, подкупает буржуазия. Ясно, что этой экономической базы в наших советских предприятиях нет и быть не может. Поэтому вопрос об оппортунистических влияниях на лучше оплачиваемые слои пролетариата у нас стоит в корне иначе, по другому, чем в империалистических странах.

Но дает ли это бесспорное положение основания утверждать, что у нас данный слой пролетариата наиболее обеспечен и предохранен от оппортунистических влияний? Нам кажется, что это неверно.

Данный слой получает высокую зарплату, действительно, не от буржуазии, а от советской власти. Но ведь и в старое время этот слой получал более высокую заработную плату, чем остальные. Следовательно, он имеет меньше экономических причин ненавидеть капиталистический строй, сравнивая его с советским, чем другие рабочие. Это—первое.

Второе. При общем курсе на выравнивание зарплат мы подчас относительно уменьшаем зарплату «рабочей аристократии» по сравнению со старым временем (относительно других слоев рабочих). Это может вызывать некоторые затаенные симпатии по отношению к капитализму.

Третье. Некоторые представители «рабочей аристократии» кое-чего лишились в итоге Октябрьской революции, например, вкладов, сбережений и т. д.

Четвертое. Эти слои имели, частью имеют и сейчас, возможность приобретать ту или иную частную собственность вне производства, что способно заражать их мелкобуржуазной психологией. И т. д., и т. п.

Все это составляет некую особую (отличную от условий империализма) базу для оппортунистических влияний на нашу «верхушку» рабочего класса. Эта база, разумеется, несравненно уже империалистической базы, в особенности в нашей стране, где и империализм-то в старое время был слабее других империализмов. Но все же эти обстоятельства не дают возможности выделить верхушку рабочего класса из остальной его массы, как якобы особо крепкую базу советской власти и нашей партии. Наоборот, она принадлежит к слоям более подверженным оппортунизму, чем рабочие «середняки».

Вот что писал об этом Ленин:

> «Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т.-е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, рабочих на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно всех тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем—постепенно—это зло». («Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Соч., т. XVII, стр. 197).

Но, конечно, в нашем пролетариате есть и другие слои, подверженные в сильной степени мелкобуржуазным влияниям, слои, которые существуют и в империалистических странах. Это—пролетарии, связанные с мелкой собственностью; на Западе очень часто—с ремеслом или домовладением, у нас большей частью—с крестьянским хозяйством. Этот слой у нас является наиболее массовым носителем различных, по преимуществу неустойчивых, оппортунистических настроений и колебаний. Степень его подверженности оппортунизму опять-таки никоим образом не может итти в сравнение

с оппортунистичностью рабочей аристократии в империалистских странах. При всем наличии базы для возникновения оппортунизма, корни оппортунизма при победившей диктатуре пролетариата, в общем, слабее, чем в буржуазных странах, ибо сила оппортунизма в стране теснейшим образом связана с силой в ней капитализма и империализма.

* * *

В заключение ответим на один из практических организационных вопросов, заданных нам, отложив ответ на остальные до другого раза. Тов. Б. пишет нам, что в Архангельской губернии (по его утверждению, и в других губерниях) практикуется такая форма работы с беспартийным активом, когда парторганы систематически созывают на совместные собрания весь беспартийный актив своего района, работающий в самых разнообразных организациях: советских, профессиональных, кооперативных и т. д. Правильна ли такая форма работы?—спрашивает т. Б., и высказывает мнение, что с его точки зрения эта форма неправильна.

К мнению т. Б. следует присоединиться. Как он правильно указывает, эта форма работы есть нечто в роде возрождения института и организации «сочувствующих». Такой институт в свое время был необходим, но сейчас, когда общественная активность, в условиях социалистического строительства, не может итти иначе, как по руслам той или иной практической работы, связанной с определенными организациями, такой «всеохватывающий» воспитательный институт был бы осужден на бесплодие, «болтологию». Он мог бы даже принести вред, в особенности в деревне, где при умелом «подталкивании» со стороны антисоветских элементов он может противопоставлять себя партийным ячейкам, что не поведет к улучшению условий работы и к воспитанию действительно советского беспартийного актива.

Сказанное не исключает возможности созывать отдельные, чисто-эпизодические совещания, устраиваемые, например, для обсуждения плана срочного выполнения хлебозаготовок или каких-либо исключительно важных и срочных общеполитических вопросов. Но как система, как «институт», такая форма работы для настоящих условий нам представляется непригодной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О ЧЕМ ОНИ ПРОРОЧИЛИ.

(Историческая справка о нэпе и идеологах русской буржуазии).

Не из-за любви к библиографии, к «раритету», к «уникуму» рассматриваем мы в настоящем очерке давно забытые статьи давно забытого журнала. Мы считаем, что, несмотря на то, что со времени издания «Экономиста» прошло уже шесть лет, все же статьи его своей ценности не потеряли.

В них слышен голос наших врагов, врагов трезвых и сознательных. Это не эмигрантская литература, призывающая к насаждению монархии путем порки крестьян и отбирания у них конфискованной в 1917 году у помещиков земли. Авторы статей в «Экономисте» не эмигранты, и это чувствуется в их оценках, в их взглядах. Не на помещика у них ставится ставка, а на кулака. На того кулака, который, наливаясь кровью и богатея, должен был, по их мнению, стать у власти, на «хозяйственного мужика» ставилась ставка русской (неэмигрантской) буржуазии.

Внутрироссийская буржуазия встретила нэп, как переходную ступень обратно к капитализму. В этом была ее основная ошибка. Нэп является, конечно, переходной ступенью, но не к капитализму, а к социализму.

Наша линия, наша политика должна постоянно проверяться отзывами наших врагов. Скверно, когда враги наши начинают хвалить нас: это значит, что мы ошибаемся, что мы идем по неверному пути.

Экскурс в один из последних внутрироссийских буржуазных журналов, который мы делаем в настоящей статье, позволит нам проверить наш путь и убедит нас в его правильности.

Если нам позволит время, в одном из ближайших №№ «Большевика» мы опять вернемся к нашей теме и посвятим немного времени на обзор других буржуазных журналов времени 1921—1923 годов.

1.

Эпоха военного коммунизма, эпоха, когда деньги превратились в какой-то ненужный придаток к пайку, когда такие понятия, как «промышленник» и «торговец», стали понятиями отвлеченными, теоретическими построениями, когда торговка с Сухаревки олицетворяла собою частную торговлю, а кустарь, делающий зажигалки из краденого на заводе материала—частную промышленность, — была эпохой спячки для тех представителей буржуазии, которые не сумели своевременно перекочевать в более благоприятные для них жизненные условия, в какую-либо из соседних стран.

Все помыслы, все заботы их были посвящены тому, чтобы набить себе чем-нибудь желудок, чтобы достать дров для отопления замерзшей комнаты. Это было для них время духовной спячки, время полной прострации. Впрочем, нет — прострация была не полной. Из вышедших за границей воспоминаний некоего Д. Лутохина мы видим, что в это время в Петрограде существовал «XI Отдел Русского Технического Общества»,

руководителем которого являлся бывший член Государственного Совета от торгово-промышленников Е. Зубашев. Состав членов этого «XI Отдела» — занимавшегося экономикой—достаточно характерен. В списке членов его мы встречаем почти всех находившихся в Петрограде идеологов буржуазии: ее ученых, ее экономистов и ее политиков. Подробнее мы рассмотрим его позже при рассмотрении состава сотрудников органа того же «XI Отдела Р. Т. О.» журнала «Экономист», так как в нем участвовали те же лица, пока же установим, что заседания посвящались вопросам послевоенной экономики. «Доклады делались обстоятельно, возбуждали к себе большой интерес тем более, что обстановка заседаний допускала полную свободу суждений. Лиц, сколько-нибудь подозрительных, на заседаниях заметно не было», — вспоминает Д. Лутохин и последней фразой выдает, что речь шла не только о «послевоенной экономике», но и политических выводах из нее.

Но все же и это общество, и эти доклады не исключали того состояния спячки, в которую была погружена старая буржуазия. Этими заседаниями она только пыталась сама себя уверить в своей жизнеспособности, в том, что ей суждена еще какая-то политическая роль.

А в это время понемногу, так, что это и не заметно было со стороны, вырабатывался новый тип буржуазии — буржуазии более ловкой, более наглой, не брезгающей подчас и уголовщиной, рвущей отовсюду, продающей и покупающей что угодно. Этот тип рекрутировался из мешочников, из торговцев валютой, из воров, служивших в продовольственных учреждениях. И пока старая буржуазия погибала в борьбе за существование и вся ее деятельность проходила в заседаниях, «на которых не было заметно сколько-нибудь подозрительных людей», новая буржуазия выделяла путем борьбы с ЧЕКА, с Ревтрибуналами, с продотрядами самых ловких, самых наглых, самых смелых, тех, которым суждено было стать родоначальниками так называемых «нэпманов».

2.

1921 год был годом радости и надежд для буржуазии. Ни на минуту она не верила, что Советам удастся сохранить власть в своих руках. На сохранение совласти, на сохранение в руках государства промышленных предприятий буржуазия смотрела как на временное, как на переходное состояние. «Кто сказал А, тот должен сказать и Б»[1]), говорится в статье В. Штейна—«Нищета и роскошь». И эта фраза была лозунгом дня. Буржуазия, т.-е. старая буржуазия, ликовала. Правда, ликовала она с опаской, с оглядкой, с осторожностью, потому что сегодня-то еще существовали и ЧЕКА и Ревтрибуналы и проч. советские «зверства», но что завтра всего этого уже не будет, в этом для старой буржуазии не было уже сомнений. И пока новая буржуазия, буржуазия спекулятивного типа, с лихорадочной поспешностью пользовалась каждым днем свободной торговли, не рассчитывая на долговечность «нэпа» и стараясь урвать все, что можно, старая буржуазия выжидала окончания того процесса, который, по ее мнению, должен был неизбежно закончиться восстановлением довоенных экономических, а стало быть и политических отношений. И плодом такого настроения и явился журнал «Экономист».

3.

Время перехода с рельс военного коммунизма на рельсы «нэпа» было сумбурным, смешанным временем. То, что запрещалось вчера, разрешалось сегодня, и в этом порыве раскрытия ворот буржуазии делались и некоторые ошибки. Такой несомненной ошибкой являлось разрешение журнала «Экономист». Этого журнала вышло четыре книжки, которые дают картину тех надежд, стремлений и верований, которыми жила тогда старая буржуазия. Это должен был быть не только экономический журнал. Самый список его сотрудников, в котором, среди других, мы встречаем имена: Н. Бердяева, Б. Бруцкуса, С. Булгакова, Д. Зернова, А. Изгоева, М. Кулишера, А. Мануилова, И. Озерова, П. Пальчинского, А. Пешехонова, Т. Сорокина, Е. Тарле,— показывает, что журнал этот являлся об'единением буржуазии всех видов и оттенков для одной цели—для борьбы с большевиками.

В четырех книжках этого журнала мы находим ряд статей по поводу почти всех важнейших экономических, а подчас и политических вопросов. Попытаемся на основании этих статей охарактеризовать сущность политической линии руководителей журнала.

Вопрос о возвращении к старому буржуазному строю для них решен. «Мечты о великих социальных достижениях, которые мы (?!) пытались осуществить уже при жизни нынешних поколений, так и остались мечтами. Социальные достижения были лишь социальными запросами»[1]), философствует один из авторов и в другой своей статье он же говорит: «Принципам приходится на практике изменять, ибо страна оказывается слишком бедной и в материальном и в культурном отношении, не может позволить себе роскошь осуществления широко задуманного социального строительства»[2]). Расправившись столь решительно со всем социальным строительством, автор вздыхает о том, что «в настоящее время судьба заставляет нас мечтать даже о многом довоенном... о довоенных культурных достижениях» и т. д.

Задача экономического журнала, конечно, не только в том, чтобы отмечать и регистрировать явления, но и в том, чтобы ставить прогнозы о дальнейшем развитии. Эти прогнозы особенно любопытны, если их посмотреть через несколько лет. Правильностью или неправильностью их данных класс подтверждает свою «политическую грамотность», свое уменье разбираться в событиях и давать им надлежащую оценку.

В статье «Новая экономическая политика» Рафалович характеризует введение нэпа следующим образом: «В указанной политике ценны отнюдь не проводимые ею отдельные меры, недостаточные и «худосочные», а главным образом откровенное признание факта ошибочности (?) и вредности проводившейся в течение последних четырех лет экономической политики». И, исходя из этого, конечно, неверного взгляда, автор приходит к таким выводам: «Экономическая жизнь не может быть восстановлена суррогатами, нельзя действовать частично, нерешительно и несогласованно, необходима общая, коренная реформа всей экономической политики минувшего четырехлетия в совокупности». И автор указывает, в чем должна заключаться «реформа». «При существующих у нас условиях лишь предоставление самого широкого простора частной хозяйственной деятельности, обеспеченной в свою очередь необходимой правовой и моральной обстановкой, может еще спасти страну от дальнейшего разрушения и гибели»[3]).

И. Озеров поддерживает его: «Сила вещей приводит нас опять к капитализму... Теперешняя система народного хозяйства, сочетая элементы коммунистического строя и капиталистического, является ублюдком, об'единяющим лишь невыгодные для продуктивной работы черты того или другого порядка... Нужно быть решительными и здесь и взять все предпосылки капиталистического строя...».

Но, у экономистов из «Экономиста» мы видим не только общие рассуждения о прелестях капитализма, но и рассуждения по каждому отдельному вопросу нашей экономики.

[1]) «Экономист» № 2, стр. 22.

[1]) «Экономист» № 2, стр. 3, ст. Зверева—«Накануне Генуи».
[2]) «Экономист» № 3, стр. 4, ст. Зверева—«О путях нашего прогресса».
[3]) «Экономист» № 2, стр. 133—135

Особенно много места занимает обсуждение нашего финансового положения. Время, когда выходил этот журнал, было временем организации Госбанка, выпуска червонца и накопления золотого запаса. Это были те основные пути, которыми мы пришли к твердой валюте. Что же пишут об этих мерах идеологи безработной буржуазии.

«Необходимо... добавить, что и в области оздоровления денежной системы банку едва ли придется сыграть заметную роль—рассчитывать на приток частного капитала в банковские кассы нельзя, этот капитал неохотно пойдет туда, где и собственный «испаряется», кроме того, не восстановлено еще и то доверие между вкладчиками и кредитными учреждениями, которое было разрушено при национализации банков»,—пишет А. Рафалович (ст. «Новая экономическая политика»).

«... Теперь ни внутренних займов, ни, тем более, внешних, сделать нельзя—нет доверия», поддерживает его И. Озеров, в статье «О регулировании денежного обращения». И в той же статье он грозно пророчествует о червонцах: «Банкнотами в собственном смысле они сделаться не могут: в стране, где доверие подорвано, банкноты некоторое время могут быть неразменными, где же это доверие подорвано, там денежные знаки, чтобы быть банкнотами, должны быть разменны».

Но если И. Озеров предвещает нашу гибель от того, что мы не размениваем наших банкнотов на золото, то мы можем утешиться тем, что в следующем номере этого же журнала Н. Шапошников пророчествует нам гибель уже от того, что мы готовимся к возможности размена банкнот.

«Нет основания,—пишет он в статье «О путях оздоровления денежной системы»,—расходовать столь скудные народные средства на накопление золотого запаса»[1]. Но в одном оба «Экономиста» согласны—гибель нашей финансовой системы неизбежна. Жизнь уже оценила эти теории по заслугам. Все то, что в приведенных нами выдержках «ученые» экономисты считали невозможным, то осуществилось. Это—лучшее доказательство их полной научной негодности.

Вопрос о монополии нашей внешней торговли также обсуждается самым страстным образом: «В настоящее время тем более пора отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена, что, в связи с новой экономической политикой, внутри страны на ряду с государством могут существовать и самостоятельные производители и потребители»[2],—пишет уже неоднократно цитировавшийся нами А. Рафалович.

«Необходимо допустить экспорт товаров частными лицами,—пишет И. Озеров,—...ввоз товаров из-за границы также должен быть денационализирован и предоставлен частным лицам»[3].

И проф. Тарле заканчивает свою статью «Генуя»: «Во всяком случае нам надлежит не особенно надеяться на то, что Европа без нас обойтись не может: еще и год, и два, и три, и—боимся—больше она обойдется без нашего хлеба, без нашего леса, без нашего льна, без нашего убойного скота. Мы ей нужны, но вовсе не до такого уже крайнего нетерпения, как склонны у нас иногда утверждать некоторые торопящиеся оптимисты. Но Европа нам нужна действительно, время, к сожалению, работает в данном случае не на нас, но на Европу»[4].

И. С. Зверев в статье «О путях нашего прогресса» подводит итог нашим внешним отношениям: «Платить придется много, и стоящий перед глазами пример Германии показывает, что с нашего государства, по крайней мере

[1]) «Экономист» № 4/5, стр. 54.
[2]) «Экономист» № 2, стр 131.
[3]) «Экономист» № 3, стр 84.
[4]) «Экономист» № 3, стр. 20.

при существующих общих условиях международной жизни, все, что причтется, взыщется «до копеечки»...[1]).

Такова печальная картина нашего финансового положения внешней торговли. Но, оказывается, не менее печальна картина нашей торговли и промышленности. «Не может дать сколько-нибудь значительного эффекта раскрепощенная на одну сотую часть торговля, сводящаяся к мелкой и нездоровой спекуляции и лишенная возможности проявить в полной мере своих полезных сторон, заключающихся в собирании из мелких количеств крупных запасов...»[2]).

«Не может равным образом и в области промышленности оказать особой пользы... перевод казенных предприятий на хозяйственный расчет»[3])—грозно пророчествуют наши «ученые».

4.

Краткий вывод, который можно сделать из всех цитированных выше статей, таков, что положение в Совреспублике безнадежное. Выхода из тупика нет, нет его, по крайней мере, при власти советов. В самом деле, там, где дается практический выход, он таков, что пользоваться им может любая другая власть, но не советская, рабоче-крестьянская.

На кого же надеются, на кого опираются идеологи буржуазии в своей борьбе с рабоче-крестьянским правительством? Очень любопытны оценки положения классов. Правда, идеологи связаны в своих суждениях о пролетариате, властителе и хозяине страны, о нем они говорить боятся, но зато их характеристика расслоения деревни представляет собою любопытнейший материал.

«...Нам не следует в такой уже степени наследовать прошлое, когда, блюдя высоту моральных принципов, в сознании своего высокого достоинства «носителей великой правды», мы брезгливо, пренебрежительно относились к разного рода «купцам», хозяйственным мужичкам и т. д. Нам нужно непрестанно помятовать о том, что ведь под их ответственным руководством создались те ценности, которыми мы жили»[4]),—пишет С. Зверев в статье «Накануне Генуи».

«Ставку надо ставить не на убогого, а на крепкого и сильного»[5]),—говорит о положении деревни П. Чубутский в статье «Предпосылки реальной экономической политики».

И с ненавистью и презрением смотрят они, эти представители старой буржуазии, ее идеологи, на нэпмана, на того, кто пришел им на смену.

«Никто и не помышляет о восстановлении полуразрушенных предприятий, о любовной и неусыпной заботе, об их расширении, которая так характерна для хорошего хозяина. Нужно мужественно (?!) признать, что, несмотря на новую экономическую политику, у нас еще нет или почти нет буржуазии. Те, что проводят ночи напролет в маскарадах и «балаганчиках», это — не буржуазия; не годятся они в строители обновленной русской промышленности...»,—пишет В. Штейн в статье «Нищета и роскошь» и делает вывод или, как теперь у нас говорят, «практическое предложение». «Для серьезной творческой работы нам нужно воспитать или выписать из-за границы буржуа другого душевного облика,—истинных промышленных орга-

[1]) «Экономист» № 3, стр. 5.
[2]) «Экономист» № 2, стр. 132.
[3]) «Экономист» № 2, стр. 133.
[4]) «Экономист» № 2, стр. 8—9.
[5]) «Экономист» № 3, стр. 50—51.

низаторов, живущих не дешевой мишурой ночного разгула, а неустанной созидательной работой»[1]).

5.

Класс, претендующий на руководство страной, должен уметь различать события, должен уметь и предсказывать их. Для руководства страной надо видеть не только то, что принес сегодняшний день, но и предвидеть, что принесет завтрашний. В 1922 году русская (неэмигрантская) буржуазия в последний раз держала экзамен на государственную зрелость, и она этого экзамена не выдержала.

Она лишний раз показала, что не видит дальше своего носа, что она бесполезна не только в качестве руководителя, но и в качестве рядового участника нашего социалистического строительства. Последыши русской буржуазии показали свое полное политическое, экономическое и научное банкротство.

И если сегодня, пять лет спустя, мы вспоминаем о них снова и стряхиваем пыль с застоявшихся на полках книжек журнала, то мы делаем это потому, что все эти пять лет были живым свидетелем в нашу пользу. Любая из контрольных цифр за прошлый или за этот год говорит, что пролетариат пошел более правильным путем, чем «ученая» буржуазия.

Русский «Экономист» показал свое банкротство. И наш рост показывает нам, что недалек тот день, когда буржуазные «Экономисты» всего мира, и в первую очередь лондонский «Экономист», будут таким же образом опровергнуты победившим пролетариатом.

Четыре книжки русского «Экономиста»—это свидетельство о бедности, которая выдала себе русская буржуазия. Если пять лет назад мы утверждали это, то сегодня с полным правом мы можем сказать, что мы это доказали.

К. Казимирский.

Е. Б. ПАШУКАНИС. «Империализм и колониальная политика». Часть первая. Экономика империализма. Изд-во Комакадемии. Москва, 1928, стр. 118, цена 1 р. 05 к.

Рецензируемая книга является лишь первой частью курса лекций, читанных тов. Пашуканисом в 1-м МГУ. Вся работа в целом охватит три части, при чем в дальнейших выпусках автор предполагает дать характеристику мировой колониальной проблемы и анализ основных вопросов империализма. Оценить, следовательно, всю работу в целом возможно будет лишь после выхода остальных частей. Однако, поскольку в первой части рассматривается самостоятельный вопрос теории финансового капитала, мы считаем целесообразным остановиться на разборе уже вышедшей части.

Как указывает сам автор, задачей книги является лишь дать комментарий к работе Ленина «Империализм как новейший этап капитализма». Таким образом, книга ставит себе не столько исследовательскую цель, сколько цель популяризации ленинской теории империализма.

Основные вопросы, которые получили свое освещение в рецензируемой книге, следующие: развитие монополистического капитализма, проблема взаимоотношений банков и промышленности, вывоз капитала, международные монополистические об'единения, борьба за источники сырья и экономическая теория империализма. Из этого перечня видно, что автором затронуты важнейшие проблемы экономики империализма. Поскольку автор, однако, посвящает специальный раздел вопросу о конкуренции за источники сырья,

[1]) «Экономист» № 2, стр. 19.

необходимо было затронуть также вопросы борьбы за рынки сбыта в эпоху империализма. Вопрос этот необходимо было тем более осветить, что проблема рынков приобретает важнейшее значение для современной фазы империализма.

В первой главе довольно подробно рассматриваются различные формы капиталистических об'единений. Непонятным является, почему автор совершенно не упоминает новейшую и самую распространенную форму об'единения—концерны. Для послевоенного капитализма характерным видом об'единения отдельных предприятий становится концерн. Юридическая природа концерна, в отличие от картеля, синдиката и треста, правда, недостаточно ясна. Но под концерном понимается такого рода об'единение отдельных предприятий, которые связаны между собой финансовым участием, обменом акций, взаимным делегированием директоров и т. д. Здесь уже речь не идет об об'единении предприятий одной отрасли промышленности, ни о комбинированном предприятии, охватывающем все виды производства—от сырья до выпуска готового продукта, ибо «концерн не знает границ в охвате предприятий или их об'единений, ни в количественном, ни в качественном отношении», как правильно указывает Цыперович в своей новейшей работе. Именно в концерне, где взаимные связи и переплетение интересов легче всего могут быть скрыты от глаз общества, нашла для себя подходящую форму новейшая неслыханная по своим размерам экспансия крупнейших национальных и интернациональных об'единений капитала. На этом вопросе необходимо было бы остановиться в новейшей работе по финансовому капиталу. Рассматривая развитие трестов в отдельных странах, автор дает краткое описание новейших об'единений в Соединенных Штатах, в Германии и Англии. Приходится удивляться тому, что автор около половины своего очерка о Германии посвятил Стиннесовскому концерну. Гигантское об'единение предприятий, которое было создано Стиннесом, не характерно для современной фазы капитализма, оно явилось лишь следствием инфляции и с окончанием инфляционного периода, в своей тогдашней форме должно было неизбежно погибнуть. Необходимо было бы зато более подробно остановиться на общем процессе современной концентрации в Германии (горизонтальная и вертикальная концентрация) и на отдельных новейших концернах. Известно, что, по официальным данным, 65% всех капиталов акционерных общества Германии уже в конце 1926 г. принадлежали обществам, об'единенным в концерны. Интересно при этом отметить, что, в то время как номинальный акционерный капитал обществ, входящих в концерны, составляет 13 млрд. марок из 20 млрд. марок номинального капитала всех акционерных обществ, число акционерных компаний, входящих в об'единения, составляет всего 16% числа акционерных обществ. Следовательно, 16% крупнейших акционерных обществ, об'единенных могущественными концернами, контролируют 65% всех капиталов, вложенных в промышленность, транспорт и страховое дело. Эти цифры показывают, как далеко ушел вперед процесс концентрации в современном народном хозяйстве Германии. Переходя затем к картелям и трестам в Англии, автор правильно указывает, что причиной слабого развития монополистических организаций в Англии является то обстоятельство, «что Англия долгое время не имела конкурентов, как страна крупного машинного производства» (стр. 34). Необходимо было, однако, указать, что одной из важных причин отсутствия крупнокапиталистических об'единений в тяжелой промышленности является наличие по сравнению с другими странами малочисленных источников минерального сырья, которые в других странах создают предпосылки для естественных монополий (например, Рурский угольный бассейн, калийные месторождения и т. д.). В Англии же имеются лишь богатые залежи одного минерального сырья—каменного угля, который в то же время разбросан по всей

стране. В отношении же остальных видов сырья, в частности руды, английская промышленность работает главным образом на импортном сырье. Автор недостаточно подчеркивает начавшийся более усиленный процесс концентрации английской промышленности за последние годы. Большинство перечисленных автором об'единений английской промышленности образовалось задолго до войны и подробно приводится уже у тов. Бухарина («Мировое хозяйство и империализм»). В новейшей работе желательно было бы осветить в первую очередь послевоенные изменения организационных форм в народном хозяйстве Великобритании и познакомить читателя с последними крупнейшими об'единениями.

В главе о новой роли банков, автор дает свежий и интересный материал о развитии финансового капитала в отдельных странах. В центре этой главы стоит критика теории Фин-Енотаевского. В нашей печати уже был дан отпор этой попытке пересмотреть ленинскую теорию империализма. Несмотря на то, что теория Фин-Енотаевского является абсолютно антимарксистской и антиленинской, она соблазнила уже кое-кого из наших экономистов. Теория эта, безусловно, нуждается в решительной критике, и прав тов. Пашуканис, когда говорит, что хотя Фин-Енотаевский формально критикует теорию Гильфердинга, острие его критики направлено против Ленина, и «гвоздь» концепции Фин-Енотаевского лежит в выводе, что «нет основания для решительных утверждений, что капитализм не сможет раздвинуть в ближайшем будущем и своих производственных отношений так, что они дадут ему возможность использовать эти производительные силы в сфере производства и обмена. И сделав зигзаги, монополистический капитал достиг бы тогда на командующих мировых хозяйственных высотах высшего положения, чем до войны» (стран. 70). Тов. Пашуканис подвергает теорию Фин-Енотаевского уничтожающей критике. Нужно отметить, что события последних лет полностью опровергают основной аргумент Фин - Енотаевского, что банки (в частности, германские) теперь меньше заинтересованы в промышленности, чем до войны. Если это было верно для инфляционного периода, то за последнее время банки во всех странах чрезвычайно усилили свое господство над промышленностью. Например, по последним данным, отношение кредиторов к капиталу у акционерных обществ составляло в германской текстильной промышленности в 1913 году 22%, а в 1926 году 41%. У 10 машиностроительных обществ соответствующие цифры были 22% и 70% и т. д. (из статьи М. И. Спектатора № 11 «Плановое Хозяйство» за 1927 год). Усилилось и сращивание банковского капитала и промышленного в Соединенных Штатах, ярким показателем чего служит избрание недавно банкира Моргана председателем крупнейшего треста—Стальной корпорации. Кстати, автор ошибается когда пишет, что комиссия по денежным трестам в Соединенных Штатах работала в 1918 году (страница 52), комиссия закончила свою работу в 1913 году, и данные о могуществе финансового капитала в С.-А. С. Ш. относятся еще к довоенному периоду. В критике Фин-Енотаевского автором, однако, упущен один существенный момент: это указание на роль так называемых «регулярных» банковских операций в деле подчинения банками промышленности. Фин-Енотаевский на протяжении всей своей работы подчеркивает, что банки заинтересованы главным образом в выпуске ценных бумаг, биржевых операциях, «которые проделываются вне всякого отношения к сфере производства» (стр. 68). Между тем, эмиссия является лишь редким событием в жизни промышленного предприятия. Связь промышленного предприятия с банком проявляется в регулярных банковских операциях, в текущем счете, в вексельном кредите, в предоставлении авансов и т. д. Еще Ленин указал на огромное значение текущего счета для приобретения банком господства над промышленным предприятием. В настоящее время значение банковского кредита в деле подчинения промышленных предприятий еще больше возросло. В Англии, например, авансы, предоставляемые банками промышленности, ведут к тому, что банки, не участвуя непосредственно в промышленном предприятии, имеют возможность фактически его контролировать. И в Соединенных Штатах, крупнейшие промышленные концерны должны считаться с интересами банков, от которых они зависят в отношении получения постоянно возобновляющихся оборотных кредитов. В других разделах настоящей главы, как мы уже указали, автор приводит конкретные данные о развитии финансового капитала в отдельных странах. Автор дает всюду новейшие данные и приводит много интересных цифр. Правильно указывая, что взаимоотношения между банками и промышленностью в Англии развивались иначе, чем в Германии и Соединенных Штатах, автор недостаточно подчеркивает новейшие изменения в этих отношениях. Благодаря крупной задолженности промышленности банкам, носившей сперва форму получения краткосрочных ссуд, но фактически превратившейся в долгосрочное кредитование, банки вынуждены были принять более усиленное участие в делах промышленности. Это участие выражается в реорганизации отдельных промышленных концернов и делегировании директоров банков в правления промышленных предприятий. Если до войны это носило случайный характер, то теперь имеет место личная уния между крупнейшими банками и главнейшими промышленными об'единениями Англии.

С другой стороны, нельзя об'яснять вытеснение Англии с мировых рынков исключительно «отсталостью укоренившихся в Англии методов финансирования промышленности» (стр. 60), как это пишет автор. Падение роли Англии, как промышленного государства, об'ясняется более глубокими причинами, чем плохая организация финансирования промышленности, и скорее последняя явилась следствием своеобразных условий, в которых развивалась промышленность в Англии.

Хотя автор приводит в начале следующей главы, посвященной вывозу капитала известное положение Ленина, что «для старого капитализма с полным господством свободной конкуренции типичен был вывоз товаров; для новейшего капитализма с господством монополий типичен стал вывоз капиталов» (стр. 77), он уделяет этой важнейшей проблеме современного империализма чрезвычайно мало места. Весьма бегло он излагает известную концепцию экспорта капитала, не останавливаясь подробно ни на новейших изменениях в мировом рынке капиталов, ни на существеннейших вопросах, связанных с экспортом капитала. Говоря об относительном избытке капиталов, не находящих себе приложения в наиболее развитых в капиталистическом отношении странах, автор совершенно не упоминает о причинах появления этого «избытка» в эпоху монополистического капитализма (усиление накопления благодаря росту техники и ускорению оборотов капитала, с одной стороны, и организация монополистических об'единений, ставящая границу новому помещению капитала,—с другой, и т. д.). Говоря о формах экспорта капитала, автор совершенно не указывает на все возрастающее значение вывоза капитала в виде финансового капитала, как такового. Очень мало уделено внимания новейшей экспансии Соединенных Штатов в отношении экспорта капитала. Почти совершенно не затронуты проблемы последствий вывоза капитала как для вывозящих так и ввозящих стран.

Специальный раздел книги посвящен международным монополистическим об'единениям. Автор поступил совершенно правильно, что уделил большое внимание этой проблеме. В современном мировом хозяйстве международные об'единения играют значительную роль. В то же время создание международных об'единений вызвало иллюзию у буржуазных и социал-демократических экономистов, что таким образом смягчаются противоречия в современном мировом хозяйстве. Между тем, небольшой промежуток времени, протекший со времени начала этого процесса, показывает, как

и следовало ожидать, что международные об'единения ведут не к смягчению, а к обострению борьбы между капиталистическими группировками. Автор подробно излагает историю возникновения крупнейших международных об'единений. Теоретически этот вопрос у автора совершенно не разработан. В частности, необходимо было указать на две совершенно различные группы международных об'единений: образованные путем соглашения между национальными об'единениями (международные об'единения картельного и синдикатского типа) и созданные путем заграничной экспансии отдельных крупнейших национальных трестов.

Примером первого вида об'единения являются Международный Стальной Картель, Международный Калийный Картель и т. д. примером второго являются Шведский Спичечный Трест, Американский Банановый Трест, «Рояль Детч Шелл» и т. д. Роль этих двух видов международных об'единений совершенно различна так же, как различна их политика и последствия их образования для народного хозяйства отдельных стран. Поэтому автору необходимо было бы этот вопрос осветить, а не помещать в общую рубрику и Шведский Спичечный Трест и Международный Стальной Картель и т. д. Между прочим, автор делает грубую ошибку, когда пишет, что Международный Стальной Картель «устанавливает для каждой страны определенную квоту вывоза» (стран. 84) и далее указывает цифры распределения экспорта. В картельном соглашении речь идет не о квотах вывоза, а о квотах производства. Наконец, в последней главе дана краткая, но содержательная критика теории империализма Павловича и Розы Люксембург.

Вышесказанным мы ограничим разбор новейшей работы тов. Пашуканиса. Автор поставил невыполнимую задачу—изложить теорию финансового капитала—и притом на основе новейшего материала—на 118 страницах. Вследствие этого ему пришлось ограничить изложение важнейших проблем лишь беглыми замечаниями. Местами книга носит характер конспекта, отдельные тезисы недостаточно проработаны и не обоснованы. В таком виде книга не может полностью удовлетворить того читателя, для которого она предназначена. Ею будут пользоваться те, кто уже знаком с «Империализмом» Ленина и «Мировым хозяйством» Бухарина. Приступая к книге Пашуканиса, читатель будет искать более новых фактов, углубленный анализ новейших процессов в развитии империализма и исчерпывающую критику последних теорий апологетов империализма. Все это мог бы дать автор, если бы он не ограничил себя такими узкими рамками. Это обстоятельство автору необходимо учесть при подготовке к изданию дальнейших выпусков.

М. Иоэльсон.

Письмо в редакцию.

(По поводу отзыва тов. Ольминского о IV томе соч. Ленина).

Странное впечатление производит вылазка тов. Ольминского против IV тома сочинений Ленина, облеченная им в форму письма в редакцию «Пролетарской Революции» (№ 1, 1928 г.). Назвать заметку тов. Ольминского «критическим отзывом» о книге или «рецензией»—никак нельзя, ибо ни малейшего намерения дать серьезную и всестороннюю, об'ективную, учитывающую все плюсы и минусы оценку книги и ее научного аппарата, как-никак занимающего более 150 страниц (на 500 страниц ленинского текста) и представляющего собой результат весьма и весьма сложного и кропотливого труда,—у тов. Ольминского нет. Казалось бы, если тов. Ольминский хочет правильно ориентировать читателя насчет IV тома Ленина, почему бы ему не написать обстоятельной, деловой рецензии, как это обычно принято в литературе, как это регулярно делает, например, «Большевик», действительно штудирующий каждый новый том Ленина и своими критическими отзывами и замечаниями не только знакомящий читательские круги с идейным содержанием «очередного» тома, но и помогающий редакции Института в ее дальнейшей работе [1]). Конечно, чтобы дать серьезный и обстоятельный отзыв о книге Ленина нужно время и ряд других условий, но, право же, сочинения Ленина заслуживают несколько большего внимания, чем им уделил тов. Ольминский, который прямо говорит, не видя всей... неловкости своего заявления, что он занимался «изысканиями» (выражение тов. Ольминского) над IV томом в течение одного (!) часа, разыскал в нем несколько корректорских ошибок и несколько, если верить тов. Ольминскому, промахов в примечаниях (о «промахах» я еще буду говорить ниже) и нашел, что этого совершенно достаточно, чтобы об'явить второе издание сочинений Ленина, издаваемое Институтом, безграмотным и недостойным имени Ленина.

Нет, тов. Ольминский, импрессионистские методы «уничтожающей» критики, основанные на выхватывании мелких и мельчайших погрешностей и дефектов в громадной работе и игнорирующие серьезность, научную добросовестность и точность работы в целом, решительно устарели и могут сейчас вызывать трепет только у наивных простаков.

Называя почему-то только второстепенные имена, имеющие отношение к тому, тов. Ольминский создает тем самым представление у читателя об отсутствии авторитетного партийного руководства изданием сочинений Ленина. Опять странный прием у тов. Ольминского, опять неправильная ориентировка партии! Ведь всякий, держащий в руках IV том Ленина, знает, что на обложке тома указана главная редакция сочинений Ленина в составе Н. Бухарина, В. Молотова и И. Скворцова-Степанова. Почему тов. Ольминский, так тщательно перечисляющий всех лиц, прикосновенных к изданию Ленина, вплоть до корректора, ни слова не говорит о главной редакции? Каковы бы ни были мотивы «умолчания» тов. Ольминского, читатели во всяком случае знают, что за IV томом Ленина, как и за всяким другим, был обеспечен надлежащий партийный контроль.

Что касается обнаруженных тов. Ольминским корректорских ошибок, давших ему повод упрекать редакцию в неграмотности, то все корректорские ошибки, как те, которые уже найдены тов. Ольминским, так и те, которые когда-либо впредь будут им обнаружены при последующих «изысканиях», я охотно и великодушно, без всякого «боя», готов уступить тов. Ольминскому. Впрочем, об одной корректорской ошибке, введшей тов. Ольминского в забавное заблуждение, стоит сказать несколько слов. Тов. Ольминский цитирует следующее место из предисловия к IV тому (стр. XII): «Приходилось Владимиру Ильичу не только писать статьи, править корреспонденции, вести громадную переписку с сотрудниками, корреспондентами, русскими организациями, личными свиданиями и совещаниями с приезжими, поддерживать и развивать связи с Россией...». По поводу этого места тов. Ольминский восклицает: «Переписку с личными свиданиями и совещаниями—это уже не корректурная ошибка, а безграмотность». Все обвинение тов. Ольминского по адресу приведенной им из предисловия фразы явно построено на... запятой, самозванно расположившейся после слов «с приезжими». Всякому читателю, даже менее грамотному, чем тов. Ольминский, ясно с первого же взгляда, что запятая тут ни к чему: устраните, тов. Ольминский, эту случайную запятую, проникшую не на свое место по чьему-то недосмотру,—и обнаруженная вами «безграмотность» исчезает без следа. «Мне смертью запятая угрожала»,—

---

[1]) См., например, «Большевик» № 6, № 22 (за 1927 г.), № 1—1928 г. (о IV томе).

могла бы пошутить по этому поводу редакция IV тома, перефразируя известное выражение Плеханова.

Перейдем теперь к результатам проверки тов. Ольминским примечаний. Здесь я сделаю то, чего не сделал тов. Ольминский по отношению к IV тому: я займусь тов. Ольминским «вплотную» (употребляю выражение тов. Ольминского). Посмотрим, что получится.

1. О журнале «Образование» у меня сказано (примечание 92), что журнал начал выходить с 1892 г. и что в журнале принимали участие: В. Богучарский, В. Львов-Рогачевский, Тан, Н. Иорданский, С. Прокопович, П. Берлин, А. Луначарский, П. Маслов, В. Фриче, А. Яблоновский, Н. Рубакин и др. По поводу этого примечания тов. Ольминский пишет: «Журнал «Образование» с 1906 г. (когда в нем была напечатана статья Ленина) несколько изменил состав сотрудников: в журнал вошли главные тогдашние большевистские литературные силы: Орловский (Воровский), А. Богданов, П. Румянцев, И. Степанов и многие другие. А. Иорданский имел свой журнал «Современный Мир». Автор примечания, повидимому, спутал в одно эти два журнала».

Что названные мною лица в разное время сотрудничали в «Образовании», тов. Ольминский как будто не отрицает (да это и невозможно отрицать: исключение он делает только для Н. Иорданского). Если бы кто-нибудь сказал, что желательно список сотрудников составить подлиннее и поподробнее, я бы не возражал, но только никак не мог бы согласиться с тов. Ольминским, что, например, Богданов и Степанов начали сотрудничать в «Образовании» с 1906 года. Неверно, тов. Ольминский! Богданов начал сотрудничать в «Образовании» с 1901 г., а не с 1906 года, как пишет тов. Ольминский, точно так же тов. Степанов, вопреки утверждению тов. Ольминского, сотрудничал в «Образовании» уже в 1901—1903 гг. Даже с Воровским (Орловским) тов. Ольминскому не совсем повезло. Когда в «Образовании» пошла статья Ленина (в № 2), Воровский еще не был сотрудником «Образования»: в списке постоянных сотрудников «Образования», приведенном в № 2, Воровского еще нет, он начал принимать участие в «Образовании» несколько позже.

2. Тов. Ольминский утверждает, что Н. Иорданский (у Ольминского ошибочно сказано А. Иорданский) не имел отношения к «Образованию». Неверно, тов. Ольминский! Н. Иорданский сотрудничал в «Образовании» в 1903—1904 гг. (см. «Указатель журнальной литературы Н. и В. Ульяновых», 1913 г., вып. 2, стр. 54—55). Значит, никакой путаницы с «Современным Миром» у меня нет. Путаница у Вас.

3. «О группе народовольцев также напутано»,—пишет тов. Ольминский. Что напутано? В чем путаница? Тов. Ольминский молчит. Он просто изрекает: «путаница», не потрудившись привести в доказательство правильности своего изречения ни единого словечка. И это—критика? И это—серьезное отношение к делу?

4. Я не могу подробно останавливаться на таком, мало выясненном в литературе и имеющем отдаленный интерес для читателя IV тома, вопросе, как история техники «лахтинской» типографии, и просто отсылаю читателя к следующим книгам: П. Куделли «Народовольцы на перепутье», 1926 г., стр. 9—10; В. Невский «Очерки по истории РКП», 2-е издание, стр. 540; В. Акимов-Махновец «Очерк развития с.-д. в России», 1905 г. стр. 56. Приведенный на указанных здесь страницах материал показывает с полной ясностью п р е м с т в е н н у ю с в я з ь типографий 1894 и 1895—96 гг.

5. У меня сказано, что журнал «Былое» с 1908 г. выходил под названием «Минувшие Годы». Тов. Ольминский согласен с этим. Это видно из того, что свое возражение по поводу моего примечания о «Былом» он начинает следующей перефразировкой моих слов: «Журнал «Былое» изменил название в 1908 г. на «Минувшие Годы». Правильно! Дело обстояло именно

так, как сказано в примечании: сначала (т.-е. в 1906—1907 гг.) «Былое» выходило под своим названием, а в 1908 г. — под названием «Минувшие Годы» (если не считать вышедшего в конце 1907 г., взамен запрещенного «Былого», — сборника «Наша страна»). Но т. Ольминский утверждает, будто у меня в этом примечании сказано, что «Былое» продолжает выходить в настоящее время под названием «М и н у в ш и е Г о д ы». Ей-ей, тов. Ольминский, у меня этого нет. Пусть любознательный читатель возьмет примечание 174-е к IV тому — и он убедится, что даже под микроскопом нельзя усмотреть в моем примечании этого утверждения. Ведь у меня ясно сказано, что «Былое» — такой-то журнал (исторический и пр.), а потом, в скобках, прибавлено: тогда-то, в старые годы, сей журнал «выходил» (выходил!!!, тов. Ольминский) под названием «Минувшие Годы». «Выходил» — не значит «выходит» сейчас под этим названием, а т. Ольминский «придирается» и уверяет, что я неправ. Скучная история, т. Ольминский!

6. Тов. Ольминский не знает, вышла ли книга Бельтова в конце 1894 г., как написано у меня, или в 1895 г., как напечатано на обложке книги. Да, тов. Ольминский, книга Бельтова вышла именно в конце 1894 г., еще точнее: 29 декабря 1894 г. (см. «Красная Летопись» № 2 (13), 1925 г., стр. 146). Тов. Ольминский, видимо, забыл, что если книга выходит в конце года, то издательства, в целях лучшего сбыта, датируют обыкновенно книгу будущим годом. А если бы тов. Ольминский посвятил своим «изысканиям» несколько больше времени, чем один час, то он увидел бы, что нами не забыт и 1895 г.: на стр. 515, в указателе литературных работ, упоминаемых Лениным и составляемых как раз по титулу книги «на обложке»—книга Бельтова так и «пропечатана» с датой 1895! Чего же тов. Ольминский еще хочет?

Таков краткий результат содержательных и плодотворных изысканий тов. Ольминского над IV томом.

Маленькое заключение, тов. Ольминский! Если бы даже Вы нашли в каждом томе Ленина в 10 раз больше погрешностей (не мнимых, а действительных), чем Вы, по Вашим словам, «изыскали» их в IV томе, то и тогда,—заметьте это, тов. Ольминский,—второе издание сочинений Ленина войдет в историю нашей партии, как крупнейшее научно-литературное предприятие, достойное и Ленина и партии, как издание, на котором будут воспитываться миллионы революционеров—русских и иностранных, как издание, которое будет лучшим памятником Ленину. Попробуйте оспорить это! Смешно и дико, конечно, было бы, с моей стороны, утверждать, что в таком поистине грандиозном предприятии, как 30-томное научное издание Ленина, не было бы каких-нибудь погрешностей, промашек, ошибок и т. д. Никто не понимает этого лучше, чем работники Института, которые признательны каждому дружескому указанию на ту или иную погрешность, допущенную в Сочинениях. Ну, а такие «изыскания», какими занимается тов. Ольминский, всегда, конечно, будут встречать с нашей стороны посильный отпор.

В. Сорин.

P. S. Пользуюсь случаем исправить ошибку т. Ольминского на стр. 204 «Пролетарской Революции». Тов. Ольминский пишет, что брошюра Ленина «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией» отсутствует в первом издании Сочинений. Это не верно: брошюра напечатана в V томе, стр. 513—520.

Вл. Сорин.